

**БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Выпуск 5

Под общей редакцией доктора философских наук
Э.С. Демиденко

**Брянск
Издательство БГТУ
2007**

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания:
сб. ст. / под общей ред. Э.С. Демиденко. – Брянск: БГТУ, 2007. –
Вып. 5. – 275 с.

ISBN 5-89838-303-4

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории. Авторы – ученые и аспиранты вузов г. Брянка и Брянской области.

Предназначен для преподавателей философских и социально-гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов.

Редколлегия:

В.Г. Горбачев – кандидат философских наук, доцент;
Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор,
ответственный редактор;
Е.А. Дергачёва – кандидат философских наук, доцент,
ответственный секретарь;
Н.В. Попкова – доктор философских наук, профессор;
А.Ф. Шустов – доктор философских наук, профессор.

Рекомендован к печати кафедрой философии, истории и политологии
Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

ISBN 5-89838-303-4

© Брянский государственный
технический университет, 2007.

© Коллектив авторов, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Э.С.ДЕМИДЕНКО

Эскизный проект перспективного экспериментального
агрокотрода XXI века 5

Н.В. ПОПКОВА

Необходимость выявления антропологических оснований
философии техники (на примере концепции Н.А.Бердяева)..... 13

Н.В. ПОПКОВА

Возникнет ли постантропология – наука о человеке
техносферном? 32

Е.А. ДЕРГАЧЁВА, И.В. ЗЮЗЬКО

Русско-славянская концепция глобализации..... 46

В.М. ЛОБЕЕВА

Либеральная парадигма в «Философии права» Б.Н.Чичерина... 61

Е.А. ДЕРГАЧЁВА, К.В. ДЕРГАЧЁВ

Биотехнологии в трансформации земной жизни и человека..... 70

В.М. ПОСТАВНЕВ

Дети техногенного общества – объект исследования
психологии 82

С.В. КАЛИТИНА

Особенности социально-психологического развития человека
в техногенную эпоху..... 93

С.Н. ЧУВИН

Эволюционные и техногенные изменения и трансформации
человека 110

Е.А. СТЕРНИКОВА

Характер социализации молодежи в условиях техногенного
общества 122

Е.А. СТЕРНИКОВА

Проблема здоровья молодежи в техногенном обществе..... 127

А.В. ГОРОХОВ

Основные тенденции взаимоотношений личности и общества
(персоналистический очерк) 132

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

Информационная глобализация общества: основные
тенденции и проблемы 142

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

Особенности влияния информационных технологий
на человека 151

<i>А.В. ДУНИН</i>	
Социализация человека в условиях урбанизации и техносферизации планеты	160
<i>А.М. ЖОГИН</i>	
Ноосфера и техносфера: реальность воплощения	174
<i>А.В. ПАТРАКОВА</i>	
К вопросу разрешения проблемы континуума. Время, движение, вечность.....	182
<i>А.В. ПАТРАКОВА</i>	
Время как социокультурный феномен.....	192
<i>А.В. ПАТРАКОВА</i>	
Некоторые особенности восприятия времени на разных этапах развития человечества.....	199
<i>А.А. СВИДЕРСКИЙ</i>	
О понятии «ценность»	207
<i>К.Е. НЕПОМНЯЩИЙ</i>	
Становление компьютерной компетентности общества – важная проблема современного образования	215
<i>Н.Л. ЖЕМОЕДОВА</i>	
О роли информационных технологий в общественном развитии	220
<i>А.Ю. МОИСЕЕВА</i>	
Язык математики как компонент научной рациональности.....	224
ВЕСТИ БРЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА.....	234
<i>Е.А. ДЕРГАЧЁВА</i>	
Информационное сообщение об отчетно-выборном собрании членов Брянского регионального отделения Российского философского общества	235
<i>В.Г. ГОРБАЧЁВ</i>	
Наука как определяющий источник и фактор социально-экономического развития Брянской области	238
<i>Г.Т. ВОРОБЬЁВ</i>	
Почвенный фундамент в строении биосферы.....	252
<i>А.Т. НЕСТИК</i>	
Под покровом дня	262
<i>Сведения об авторах</i>	<i>269</i>
<i>Требования к рукописям в сборник «Проблемы современного антропосоциального познания».....</i>	<i>271</i>
<i>Список членов Брянского отделения РФО.....</i>	<i>273</i>

ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ ПЕРСПЕКТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО АГРОГОРОДКА XXI ВЕКА

Автор проекта (инженер, социолог-урбанист) доктор философских наук Демиденко Э.С. предлагает строительство агрогородка особого типа, предназначенного для формирования земледельческого хозяйства второй половины XXI и последующих веков. Это хозяйство будет основано уже не на традиционном земледелии, а на искусственных почвах и широком спектре биотехнологий, биологический материал для которых будет поступать в основном из отходов производства пищевых предприятий, домашних отходов питания населения городов, лесных массивов и т.п.

Данное предложение вызвано тем, что в мире и в России быстрыми темпами разрушаются и исчезают плодородные естественные, биосферные почвы – в 30-35 раз быстрее, чем в доиндустриальную эпоху. Это происходит, во-первых, за счёт интенсивного их использования и выборки гумусного слоя на формирование растительной продукции, а во-вторых, нерационального и даже варварского обращения с землёй: уже свыше половины поверхности литосферы превращено в техногенные грунты. Нарастающее уничтожение почв побуждает вести научные поиски и выстраивать уже «искусственное земледелие», притом такого качества, продукция которого соответствовала бы качеству исчезающих лучших биосферных почв, чернозёмов, то есть речь идёт о новых формах «биологического», или «экологического» производства продуктов питания, экологически ценных по своему качеству.

Пахотные земли сейчас составляют лишь 22 % земной суши, и те чрезвычайно быстро, нарастающими темпами выходят из строя. По данным ЮНЕП, общая площадь деградированных и разрушенных земель, некогда биологически продуктивных, составляет около 2 млрд га. При этом за последние три столетия нарастающего общественного техногенного развития разрушено из них примерно 0,7 млрд га, а за последние 50 лет – около 0,3 млрд га. Статистика показывает, что человечество эксплуатирует сейчас примерно 1,5 млрд га пахотных почв, из которых две трети существенно подорваны; к концу XXI века в большинстве регионов мира, включая и Россию,

сельскохозяйственные почвы будут истощены на 70-90 %, если не более. Антропогенное нарушение почв в России составляет около 50 % её территорий, в Европе – 96 %, в США – 95 %. В то же время антропогенное изменение почв и варварское истощение в них гумуса не получило должной научной и политической оценки в мире и в России.

Несмотря на относительно лучшее сохранение почв в России по сравнению с Западом, по данным В.Г. Сычёва (директора ВНИИ агрохимии), с начала 90-х годов прошлого столетия в России общая площадь сельскохозяйственных угодий сократилась на 24 млн га, пашни – на 22 млн га, посевной – на 33,2 млн га.

Снижается плодородие почв, ежегодный вынос питательных веществ из почв пашни из-за нерациональной сельскохозяйственной деятельности в 5 раз превышает возврат их с вносимым объёмом минеральных и органических удобрений. К настоящему времени 36,4 млн га пахотных земель (31 %) имеет повышенную кислотность, 54,5 млн га (46 %) – низкое содержание гумуса, 25 млн га (22 %) – низкое содержание подвижного фосфора и 11,5 млн га (10 %) – низкое содержание обменного калия. Доля почв с низким уровнем плодородия особенно велика в Нечернозёмной зоне России.

К тому же ежегодно сельскохозяйственные почвы теряют в ходе их эксплуатации 0,5-0,7 % химических элементов, которые необходимы для нормального функционирования живого организма, включая и человека. С учётом того, что две трети обрабатываемых почв в мире сильно подорваны, с каждым годом требуется всё больше и больше минеральных удобрений для производства растительных культур. Обеднение и загрязнение почв приводят к получению экологически неполноценных продуктов питания.

Более того, употребление обеднённых микроэлементами и выращиваемых на основе минеральных удобрений с применением «химии» продуктов питания наносит вред здоровью человека, вносит свою лепту в формирование так называемых «болезней цивилизации». К последней обычно относят патологии сердечно-сосудистой, нервной, иммунологической, пищеварительной, эндокринной, репродуктивной систем. Из них сердечно-сосудистые, онкологические, лёгочные болезни и сахарный диабет прочно заняли ведущие места среди причин смертности, инвалидности и временной нетрудоспособности людей. Общественное техногенное развитие, захватывающее и село, приводит к увеличению числа психических

больных людей, росту количества инфарктов, а также и к психофизической, духовно-нравственной деградации человеческого рода. Растёт и количество заболеваний, в основе которых лежат порочные наклонности человека – табакокурение, алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.п. За прошедшие 15 лет потребление алкоголя возросло втрое при увеличении производства слабоалкогольных напитков в 6 раз и пива – в три раза. В силу разных многофакторных воздействий на человека изменённой техногенной среды иммунная система человека ослабла за последние 30 лет XX века более чем в 2 раза, что привело к ослаблению сопротивляемости человеческого организма болезням, увеличению количества мутаций и генетических дефектов. Так, за последние два десятилетия XX века онкологическая заболеваемость среди городского населения возросла в 1,7 раза (См.: Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003 – С. 92-95). Происходит нарастающее «омоложение» цивилизационных болезней, что ведёт к катастрофической потере здоровья населения нашей российской нации. Более того, сегодня российская нация из-за некачественного питания превращается в одну из самых низкорослых в мире: за последние 10 лет население стало ниже в среднем на 1,5 см, тогда как процесс акселерации в мире продолжается, особенно в высокоразвитых регионах. Наблюдается усиливающаяся деградация физического развития детей и подростков: количество юношей, годных к строевой службе, в стране ежегодно уменьшается, а около трети российских детей уже имеют по медицинским показателям ограничения при выборе будущих профессий.

Эти и многие другие причины побуждают внести ряд предложений в федеральную национальную программу агропромышленного комплекса с ориентацией на максимальное сохранение биологического вещества в обрабатываемых землях, производство высококачественных, экологически ценных продуктов питания для населения нашей страны, укрепление здоровья людей, включая и сельских жителей.

Одна из основных причин истощения почв – это вывоз сельскохозяйственной продукции в города и рабочие посёлки для питания населения, откуда отходы продуктов питания на сельскохозяйственные земли уже не возвращаются. Как известно, для обеспечения организма человека или животного питанием используется не более 3-4% потребляемого биологического вещества. Если такой вывоз сельхозпродукции из села в город был

терпим до 1800 г., когда в мире насчитывалось не более 45 млн горожан, то становится нетерпимым сейчас, в 2007 г., когда городское население в мире насчитывает 3,4 млрд человек, или почти в 80 раз больше, чем в 1800 г. А ведь в 2030 г. горожан ожидается 5,3-5,4 млрд, или три четверти населения планеты. Если в мире горожан насчитывается примерно 50 %, то в России – свыше 70 %, что ещё больше усугубляет положение с безвозвратным вывозом из села биологического вещества. Такого неблагоприятного соотношения горожан и селян Россия (РСФСР) не имела до середины XX века, и сейчас, особенно при наших неустойчивых климатических условиях производства продуктов питания и нарастающем истощении почв, это становится крайне острой проблемой. Возникает необходимость в создании такой системы наиболее полного сбора отходов биологического вещества в городах, районных центрах и рабочих посёлках, чтобы на возвратной основе можно было формировать пригородные и незначительно удалённые агропоселения для производства продуктов питания для населения. При этом крайне важно формировать новое, искусственное биотехнологическое производство не только безопасное для человеческого организма, но и экологически полезное для него, насыщающее организм необходимыми микроэлементами, витаминами и другими составляющими.

Поступающие в городские поселения продукты питания (биологическое вещество) в процессе их потребления разделяются на два ярко выраженных потока: 1) сброс отходов (в виде экскрементов) биологического вещества в туалетную систему; 2) сброс отходов в контейнеры для вывоза на мусоросвалки. При этом в оба эти потока сбрасываются и химические вещества (от их производственного и бытового потребления), что делает биологические отходы непригодными для возврата в почвы и даже для использования в биотехнологическом производстве. Иными словами, вывезенная в города биологическая продукция теряется практически полностью, тогда как в крестьянском хозяйстве села она ранее в виде навоза и перегноя возвращалась на поля, пополняя гумусный слой в почвах.

Формирование предлагаемого агрогородка, население которого будет занято в перспективных земледельческих и биотехнологических производствах и осуществлении перспективных технологий будущего для производства продуктов питания и сырья для промышленности, позволит подготовить не только

перспективные экологически ценные биотехнологии, но и получить определённый опыт для передачи другим пригородным и удалённым от города хозяйствам. Речь идёт прежде всего о формировании искусственных почв – вермиземов (на основе вермитехнологий), которые в разумном сочетании со стимуляторами роста растений могут давать весьма высокие урожаи (например, до 300 ц пшеницы, до 100 т картофеля с гектара и т.п.), что уже сейчас появляется в хозяйствах умельцев, создающих перспективные «гумусные подушки» на искусственных почвах. Конечно, под такое производство потребуется и специализированная техника, что тоже будет отрабатываться в таком перспективном хозяйстве при агрогородке с последующим производством её в сельскохозяйственном машиностроении.

Весьма перспективными из биотехнологий, как уже говорилось, являются вермитехнологии, направленные на формирование искусственных высокоурожайных и экологичных почв и охватывающих наиболее крупные мероприятия: а) разведение и культивирование дождевых компостных червей; б) переработка широкого спектра различных органических материалов и отходов при помощи червей; в) производство копролитов (экскрементов) червей и их накопление в виде концентрированного органического удобрения – копролита (синоним биогумуса).

Плодородие почв в решающей мере определяется содержанием в них гумуса, его структурой и качеством. Ежегодные потери гумуса составляют сейчас 0,5-0,7 т с гектара земли, тогда как естественное накопление его в этих размерах исчисляется многими десятилетиями. Внесение в почву органических удобрений стало очень дорогим и поэтому малоэффективным. Так, из тонны обычного навоза образуется около 20 кг гумуса, тогда как тонна копролита содержит от 150 до 300 кг гумуса, что позволит существенно сократить сроки его восстановления в почве и поднять плодородие почв. Биологическим материалом для этого можно использовать отходы пищевых и древесных производств, домашнего хозяйства, а также древесину, торф, листву, бурые угли и т.п.

Особую ценность копролиту придают образующиеся в нём биологически активные вещества: гуминовые кислоты, ауксины, гиббереллины и цитокинины. Из тонны биологического субстрата образуется до 600 кг сухого копролита, содержащего примерно 25-40 % биологически активного органического вещества и множество

необходимых растениям микроэлементов. Копролит «омолаживает» почву, приближая её по структуре к чернозёмам. В свою очередь дождевые черви являются высокопитательным кормом для животных, птиц и рыб, ценным биоактивным сырьём для медицинской и парфюмерной промышленности и т.п.

Существенное место будет отведено разработке и выращиванию перспективных полифункциональных продуктов питания для ликвидации белкового, витаминного и микроэлементного дефицита у населения, при этом в крайне малые сроки. Так, для получения 50 т белка бобовых культур требуется 18-20 га пахотной земли и более 3 месяцев для их выращивания. Для выращивания же одноклеточных организмов, в которых содержится в 3-6 раз больше белка (до 80 %, тогда как в мышечной ткани животных 14-20 %), понадобится площадь 100 кв. м, поскольку уже имеющиеся микроорганизмы дают экологически безопасного микробияльного белка в тысячи раз больше, чем растения и животные за определённые сроки. Речь идёт, по сути, о нанобиотехнологическом производстве. Характеризуя новейшие технологии такого производства, на основе которых разработаны биокорректоры «Александрина» и «Элита», лауреат международной премии «Выдающийся учёный XX века в области биологических наук» (Англия, Кембридж) А.А. Кудряшева отмечает: «Именно благодаря своим наноразмерам полученные вещества в итоге обладают уникальными свойствами и оптимальны для питания, по сравнению с другими субстратами более крупного размера. Полученные вещества специалисты относят к новому классу – биокорректорам. Они способны компенсировать дефицит пищевого белка, витаминов, минеральных и других веществ... В итоге мы имеем уникальные комплексы. Эти комплексы состоят из нескольких групп веществ, которые выводят из организма вредные соединения, восстанавливают силы, повышают стрессоустойчивость, укрепляют иммунитет». (См. «Аргументы недели». – 2007, 29 марта. – С.3). Такие продукты рассматриваются и как лекарственные для человека. Если в советские годы от неполноценного и неправильного питания было около 40 % заболеваний, то сейчас - около 80 % (См. там же).

С истощением естественных почв в недалёком будущем остро встанет вопрос об использовании биологического вещества лесных массивов, особенно древесины и листвы, поскольку лес «вытягивает» полезные вещества для своего роста из более глубоких слоев земли, чем растительный покров. Дождевые черви, используемые в

вермитехнологиях, не очень охотно «перерабатывают» древесину в почвенный слой, поэтому потребуются её комбинации с другими биологическими веществами, что тоже может исследоваться на базе такого агрогородка - земледельческого хозяйства сельского поселения будущего.

Биотехнологические производства растений и в целом продуктов питания потребуют, скорее всего, применения определенных безопасных стимуляторов роста и биодобавок, что можно будет взять из экологически чистых лесных массивов, или даже наладить в лесах производство биодобавок и т.п., используя экологически незагрязнённые почвы.

Для формирования перспективного агрогородка под технологии завтрашнего агропромышленного комплекса можно было бы выбрать Брянскую область, где уже формируется пять агрогородков обычного типа – с использованием опыта передовых хозяйств России, а также Беларуси и зарубежных стран. Здесь же будут внедряться и перспективные сельскохозяйственные технологии как уже открытые, так и вновь создаваемые. К тому же в Брянске есть учёные - специалисты лесного хозяйства, работающие в Брянской государственной инженерно-технологической академии, которые могут оказать помощь сельскому хозяйству в выращивании и использовании необходимых пород деревьев и лесных растений под вермитехнологии. Пока лесные массивы практически не используются для производства продуктов питания, за исключением грибов, ягод и немногочисленных диких животных.

Агрогородок для внедрения перспективных технологий и проведения опытов в широком масштабе желательно создавать рядом с Брянской сельскохозяйственной академией и в структуре этого учебного заведения с приглашением для работы ряда высококвалифицированных специалистов и учёных, которые уже занимаются этой проблематикой, на постоянную или временную работу. Сельскохозяйственная академия имеет учебно-производственное хозяйство «Кокино», имеющее 3,5 тыс. га земель. Здесь же имеется и поселение с хорошим жилым фондом для «чернобыльских переселенцев». Имеется избыток рабочей силы. На этой основе можно сформировать (частично достроив) агрогородок, население которого будет занято в перспективном агропроизводстве. При Брянской сельхозакадемии можно создать соответствующий научно-исследовательский институт, объединяющий в единое целое и

учёных из различных НИИ РАН, РСХАН, РАМН и ряда общественных академий. Кроме того, в перспективе можно на этой базе создать международный исследовательский институт, включая специалистов Беларуси, Украины, Молдовы и ряда других заинтересованных стран. Полигоном для сбора биологического вещества в виде пищевых отходов и ряда других производств могли бы стать предприятия области, районный центр Выгоничи, а по мере расширения опытного производства - Советский район г. Брянска.

Параллельно с решением производственно-хозяйственных задач перспективного направления можно было бы в этом агропоселении построить и «детскую деревню» для детей-сирот, которые находятся в детских домах Брянщины. Эта «детская деревня» входила бы в структуру Брянской сельскохозяйственной академии, и с детства её будущие граждане приучались бы к сельскому хозяйству перспективного направления. В зависимости от своих природных задатков они могли бы стать рядовыми работниками или специалистами сельскохозяйственного производства. Многие из них будут востребованы в тех сельских поселениях и райцентрах, из которых они поступили на жительство, образование и воспитание в «детскую деревню». В проектировании и формировании такой деревни в агрогородке существенную роль могли бы сыграть учёные Брянского госуниверситета в содружестве со специалистами сельского и лесного хозяйства.

Разработка проекта и строительство агрогородка, укрепление материально-технической базы Брянской сельскохозяйственной академии для осуществления намечаемых работ предполагает три этапа:

1) первая половина 2008 г. – создание предпроектного социально-экономического и градостроительного обоснования перспективного агрогородка XXI века на 4-5 тысяч жителей;

2) вторая половина 2008 – 2009 годов - проектирование агрогородка, создание материально-технической, научной и организационной базы в Брянской сельскохозяйственной академии (БСХА) для проведения перспективных организационных и научно-исследовательских работ, отведение земель для опытных работ и подключение к этому крестьянских хозяйств;

3) 2010-2012 гг. – реконструкция существующего поселения под агрогородок и формирование инфраструктуры его

жизнедеятельности, начало проведения подготовительных работ на опытном участке БСХА.

Создание предпроектного социально-экономического и градостроительного обоснования перспективного агрогородка, в котором примет участие 25-30 крупных учёных и специалистов страны и Брянской области, оценивается в 9-10 млн рублей. Проектирование и формирование агрогородка с частичным строительством жилых, общественных и производственных построек оценивается примерно в 1,5-1,6 млрд рублей, которые можно получить из национальной программы агропромышленного комплекса и Российского венчурного фонда, предназначенного для новаторских проектов.

Эскизный проект составлен на основе весьма длительного изучения автором проблем урбанизации и развития села в России и за рубежом, а также консультаций с рядом видных учёных Брянской сельхозакадемии.

Н.В.ПОПКОВА

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ Н.А.БЕРДЯЕВА)

Техника еще в XIX веке стала осознаваться как объект философского исследования: по мере ее развития становились все более заметными непредсказуемые последствия технической деятельности, особенно техногенные деформации природной среды и социокультурные изменения. В начале XXI века, когда состояние современной техногенной цивилизации большинством философских школ оценивается как кризисное, еще более актуальным становится ее теоретический анализ: осмысление процессов формирования техники и закономерностей ее функционирования, определение механизмов ее воздействия на жизнь человечества и характеристики природной среды. Практическим результатом этого анализа станет обоснование глобальных природоохранных и гуманитарных программ контролирующих и корректирующих воздействий на технические процессы в направлении, благоприятном для развития человечества и сохранения природы. Это обоснование необходимо,

поскольку существующие программы, претендующие на глобальность (например, иницилируемые ООН), все чаще признаются недостаточно эффективными, а концепции, теоретически их обосновывающие и раскрывающие необходимость изменений техногенной среды (устойчивого развития, коэволюции, экохозяйствования и т.п.), по-разному понимают направление желаемых трансформаций, часто предлагая несовместимые мероприятия. Так, концепция коэволюции (Н.Н.Моисеев) предполагает координированное развитие человечества и природы на основе экологического императива; концепция ноосферы (В.И.Вернадский) утверждает, что достижение технического управления глобальными биосферными процессами необходимо для эволюции не только человечества, но и биосферы; раздаются призывы к техногенному изменению биологического субстрата человека (А.П.Назаретян) и т.д. Итак, различные направления современной философии техники, оценивая техногенные тенденции социального развития и перспективы жизни человека в техногенной среде, приходят к различным выводам.

Если это различие ограничивается разработкой теоретических моделей, то оно обосновано и служит совершенствованию понимания феномена техники. Однако если одним и тем же техногенным процессам даются различные нравственные оценки или предлагаются противоположные практические программы, то это может говорить о кризисном положении философской дисциплины.

Традиционное представление о технике, порождаемой целесообразной деятельностью людей, сталкивается по мере технического развития с противоречием между рациональным происхождением отдельных технических объектов и стихийным (непредсказуемым и неуправляемым) функционированием техногенной среды. Современный человек – не только творец техногенной среды, он и сам в значительной мере ее творение. Некритические оценки происходящих трансформаций не смогут обосновать необходимость и методику глобальных гуманитарных программ контролирующих и корректирующих воздействий на технические процессы в направлении благоприятном для развития человечества. Необходимо философское исследование технической составляющей бытия человека, его места в создающейся техногенной среде. Актуальность этих исследований определена назревшими

противоречиями: между стремительным ростом техники, потребляющей природные ресурсы, и возможностями природы эти ресурсы восполнять; между ее системными характеристиками и стремлением человека управлять техникой в своих интересах.

В той мере, в какой философия рассматривает зависимость человеческой жизни от технологических процессов, философия техники вступает в двустороннее взаимодействие с другой дисциплиной – философской антропологией. Теоретический анализ антропологического кризиса (одной из глобальных проблем современности) показывает, что он вызван или осложнен техногенными трансформациями человека – его психологии, физиологии и образа жизни. Современные исследования показывают тесную связь между техническим развитием и переменами в социально-политической жизни. Все яснее становится тесная взаимосвязь социальности и техники, характерная для современного типа цивилизационного развития (М.Хайдеггер, В.М.Розин и др.). Техническое отношение к миру находится в основе современного общества или способа мышления человека в целом, поэтому преодоление негативных техногенных процессов затруднено – необходима трансформация человека.

Существует значительное количество работ, исследующих отдельно антропологическую обусловленность и гуманитарную составляющую техники, роль техники в бытие человека, его техногенные трансформации в современных условиях. Взаимоотношение человека и творимого им технического мира концептуализируется в двух основных направлениях философии техники:

- инженерное – подчеркивает искусственную сущность технических объектов (результатов целенаправленной активности людей), показывает расширение возможностей человека при техническом прогрессе;
- гуманитарное – исследует технические объекты как естественные (не управляемые человеком, изменяющие его социокультурные и даже физиологические характеристики, а поэтому требующие теоретического осмысления и даже практического приспособления), отмечая по мере технического роста не столько освобождение людей от внешней детерминации, сколько смену одних форм их зависимости другими.

Однако критический анализ и сопоставление разных концепций человека и техники еще не был целью специального философского исследования. Не было предпринято и сопоставления существующих подходов к исследованию техники в отношении их антропологического объяснительного потенциала, не выявлены способы их представления и границы их применимости при анализе современного антропологического кризиса. Возможно, именно отсутствие отрефлексированности дискурсов, применяемых при обсуждении упоминаемой проблемы, и несогласованность между подходами философской антропологии и философии техники привели к тому, что практические рецепты разрешения техногенных проблем, проводимые по разработанным в них методикам, иногда содержат противоположные выводы. Необходимо предпринять философское исследование, направленное на разработку новых схем мышления и действия.

Предлагаемый метод – методологическая рефлексия, преодолевающая натуралистический способ мышления и распредмечивающая традиционные представления. Распредмечивание понятия (или критическая рефлексия, преодолевающая предметную точку зрения и показывающая, какой познавательной установкой это понятие обусловлено, каковы ее основания и границы и т.д.) приведет позднее к построению новых понятий и идеальных объектов, на основе которых будет осуществляться проектирование, создаваться новые способы мышления и действия. Изменения в способах представления техники позволят по-новому взглянуть на ряд современных проблем, попытки разрешения которых в рамках традиционных подходов изучаемых дисциплин так и не смогли дать реализуемые глобальные стратегии социального действия. Так, анализ социокультурной обусловленности технологических процессов (как предустановленных порядком мышления и деятельности) приводит к переосмыслению понятия техники (как отражающей универсальный социокультурный код работы человека с природой: ее переработки техническими практиками, перестройки естественных объектов в искусственные). Разработка новых подходов, снимающих редукцию технического к материальному (понимающих технику как исторически обусловленные, социокультурно нормированные способы и средства изменения природы), позволит создать

альтернативные методы концептуализации технической реальности и предложить новые социальные проекты выхода из цивилизационного кризиса.

Для выявления антропологических оснований философии техники автор ставит целью систематизацию основных философских концепций в этой области (включая артикуляцию неосознанных представлений) и их проблематизацию: выделение подходов, отражающих человека как часть технической реальности (условие ее существования или объект техногенного преобразования) или отражающих технику как фактор человеческой жизни. Необходимо также определение антропологических условий существования этих подходов и анализ их методологических оснований: структурирование аморфного поля высказываний в данной области исследования и артикуляция предложенных философских подходов (не всегда осознаваемых); изложение лежащих в их основе дискурсов, их сопоставление, выявление возможных противоречий и обоснование границ их применения; координация подходов и выявление возможности их синтеза в единую концепцию. Будут выделены и проверены на согласованность основные подходы к исследованию технического аспекта человека и антропологического аспекта техники, предлагающие свои формы осознания исследуемого объекта и развивающие на их основе проекты совершенствующих его практик. Рассмотрение подходов будет сопровождаться их методологической реконструкцией, артикуляцией и структурированием, если их онтологические и гносеологические предпосылки еще не выявлены. Подходы философии техники будут сопоставлены и проверены на возможность дополнять друг друга внутри единой концепции; скоординированы используемые ими методы. Будут проанализированы выделяемые на основе традиционных подходов закономерности технической деятельности человека и предполагаемые тенденции ее развития, а также сопоставлены с эмпирическим материалом. Будет исследована необходимость и возможность распрямления понятия «техника» и оценена необходимость разработки нетрадиционных подходов, преодолевающих ее натуралистическое понимание, для более адекватного понимания и оценки антропологических трансформаций.

В качестве примера проанализируем одну из широко известных философских концепций техники, определив ее антропологические предпосылки.

Среди философов первой половины XX века, поставивших вопрос о способе жизни человека в современную техногенную эпоху, заметное место занимает Николай Александрович Бердяев. Во многих своих произведениях он, развивая оригинальную антропологическую концепцию, излагал и свою трактовку техники как силы, воздействующей на человека и определяющей его жизнь.

При изучении работ Н.А.Бердяева, посвященных современной эпохе, прежде всего обращает на себя внимание обилие резких, почти панических характеристик техники, изображающих ее чуть ли не чудовищем, а технический прогресс – виновником всех бед современного человечества. Так, «Трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуется ему... Труд человека заменяется машиной, это есть положительное завоевание, которое должно было бы уничтожить рабство и нищету человека. Но машина совсем не повинуется тому, что требует от нее человек, она диктует свои законы. Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я и без тебя все могу делать, ты же можешь пропадать» [5, с.151]. Философ отмечает определенную (фактически зарегистрированную) степень зависимости человечества от собственных технических средств – и человек сразу же объявляется рабом машины: «Главная космическая сила, которая сейчас действует и перерождает лицо земли и человека, дегуманизирует и обезличивает... есть техника, чудеса техники. Человек попал под власть и рабство собственного изумительного изобретения – машины... Техника есть последняя и самая большая любовь человека. Человек верит в чудеса техники, когда перестал уже верить во все чудеса. Дегуманизация и есть, прежде всего, механизация и технизация человеческой жизни, подчинение человека машине и превращение его в машину. Власть машины разлагает целостный человеческий образ... Машина призвана освободить человека от рабства у природы, облегчать человеческий труд. Но вместо этого она по-новому поработщает человека... Человек перестает жить прислоненным к земле, окруженным растениями и животными. Он живет в новой металлической действительности,

дышит иным, отравленным воздухом. Машина убийственно действует на душу, поражает прежде всего эмоциональную жизнь, разлагает целостные человеческие чувства... Современные массы могут быть организованы лишь технически... Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия» [3, с.344-345]. Итак, согласно Н.А.Бердяеву, дегуманизация и технизация – одно и то же, машина подчинила себе человека и превращает его в себя... Здравые замечания (о неизбежности технических способов организации современного общества, о сочетании рациональных методов устройства жизни и их иррациональных последствий) тонут в эмоциональных выкриках, уместных на митинге, а не в трудах мыслителя.

Все больше «убийственных» характеристик приписывается технике: «Воплощенная красота, которая свойственна была предыдущим эпохам, на знавшим еще таких успехов техники и такой власти машины над жизнью, разрушается. Техника несет с собою смерть красоте... Машина на все кладет свою печать, все себе уподобляет. Будучи выражением силы человека, она антропологически ослабляет человека... уменьшает его органическую изощренность. Способы борьбы человека переносятся из его организма на машину, и организм человека слабеет» [2, с.330-331]. Новейшие способы организации труда «превращают человека в усовершенствованную машину», то есть «организация, связанная с техникой... имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину». По словам Н.А.Бердяева, идет «титаническая борьба человека и технизируемой им природы»: она заключается в том, что «техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомата, поработить его» [5, с.151]. Одним словом, дегуманизация человечества – дело техники: «Техника, охватывающая всю жизнь, действует разрушительно на культуру, обезличивает ее» [2, с.544]. Однако все эти громкие фразы могли бы принадлежать и обычному обывателю, автоматически отрицающему все новое и непривычное: для человеческой психики закономерен «разрыв духа со старой органической жизнью, механизация жизни производит впечатление конца духовности в мире», а «технизация духа, технизация разума может легко представиться гибелью духа и разума» [5, с.153].

Сам Н.А.Бердяев на других страницах своих работ не разделяет призывы к техническому регрессу. Он признает, что именно объективный процесс технического развития не подвластен эмоциональным призывам: «Отрицание техники бессильно и не может быть последовательно проведено. Происходит лишь защита более примитивных и отсталых форм техники, а не полное ее отрицание». Кроме того, этот регресс был бы просто возвращением к прежним формам нищеты человека, его рабства у природных стихий и социальной необходимости: «Мы очень склонны идеализировать прежние культурные эпохи, не знавшие машин, и это так понятно в нашей уродливой и удушливой жизни. Но мы забываем, что старая, нетехнизированная жизнь была связана со страшной эксплуатацией людей и животных, с рабством и закрепощением и что машина может быть орудием освобождения от этой эксплуатации и рабства» [5, с.155]. За призывами остановить технический прогресс лежат не теоретические обоснования, а обычные психологические реакции: «Человек, раненный технической цивилизацией, хотел бы вернуться к органически-природной жизни, которая начинает ему представляться раем. Это – одна из иллюзий сознания. Возврата в этот рай нет. Невозможен возврат от жизни технически-организованной к жизни природно-органической» [4, с.272]. Эти реакции уместны в обычной жизни, но их повторение в философских трудах требует как минимум тщательного обоснования. И все-таки Н.А.Бердяев не сумел устоять и вынес безапелляционный приговор технической цивилизации: «Техника наносит страшные удары гуманизму, гуманистическому мирозерцанию, гуманистическому идеалу человека и культуры. Машина по природе своей антигуманистична» [5, с.156].

Что же конкретно ставится технике в вину? Как она влияет на человека?

Во-первых, техника враждебна оригинальности, неповторимости – то есть главному признаку личности: «Массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично-массовым, лишенным образа. Производство в эту эпоху массовое и анонимное. Не только внешняя... сторона жизни лишена индивидуальности, но и внутренняя, эмоциональная жизнь лишена индивидуальности» [5, с.155].

Во-вторых, техника дает в руки людям орудия массового истребления: «Происходит острый процесс дегуманизации, и он происходит именно от роста человеческого могущества. В этом парадокс. В мещанский век технической цивилизации происходит непомерный рост богатств, и богатства эти периодически разрушаются страшными войнами. В известном смысле, разрушительные войны, вызванные волей к могуществу, являются роком обществ, основанных на господстве технической цивилизации и погруженных в мещанское довольство. Орудия разрушительные оказываются безмерно сильнее орудий созидательных... Техника дает в руки людей страшные орудия истребления и насилия... Мир может быть взорван при низком состоянии людей, овладевших орудиями истребления... Власть техники достигает пределов объективации человеческого существования, превращая человека в вещь, в объект, в аноним» [4, с.272].

В-третьих, растущее использование техники ослабляет человека: «Техническая власть человека над природой, переносящая орудия борьбы на внешнюю социальную среду и вырабатывающая орудия органически не наследственные... ведет к антропологическому регрессу человека, ослабляет изощренность его организации» [2, с.129]. Деградирует и душа человека: «Машина и техника наносят страшные повреждения духовной жизни человека, и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации... Машинная, техническая цивилизация опасна прежде всего для души... Всё разложилось на элемент интеллектуальный и на чувственные ощущения» [5, с.156]. Итак, человек в техногенном мире изменяется – и физиологически, и психологически: это изменение однозначно понимается как деградация. Направленность трансформации не анализируется: она не зависит от человеческой воли, и одним этим, по мнению Н.А.Бердяева, такая трансформация показывает себя как негативный фактор, как процесс, лишаящий человека его свободы.

В-четвертых, изменяется и стиль человеческой жизни. Н.А.Бердяев обращает особое внимание на ускорение ее ритмов, видя в этом прямое воздействие ритма машин: «Для технической эпохи характерна скорость. Происходит бешеное ускорение времени. Жизнь человека подчинена этому ускоряющемуся времени. Каждое

мгновение не имеет ценности и полноты в себе, на нем нельзя задержаться, оно должно быть как можно скорее заменено следующим мгновением. Каждое мгновение есть лишь средство для следующего за ним мгновения... Техническая эпоха целиком устремлена к будущему... «Я» не имеет времени осознать себя свободным творцом будущего. Оно уносится бешеным потоком времени» [3, 291]. В результате этого изменяются – то есть, по Н.А.Бердяеву, разрушаются – не только привычные формы быта и способы их обычной эволюции, но и привычные ценности, например критерии оценки эффективности человеческих действий. «Происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться... От человека требуется невероятная активность, от которой он не может опомниться. Но эти активные минуты делают человека пассивным. Он становится средством... Он лишь функция производственного процесса... Человек оценивается утилитарно, по его производительности. Это есть отчуждение человеческой природы и разрушение человека» [4, с.301-303].

Таков приговор современной технике: она и порабощает, и лишает, и разрушает. Н.А.Бердяев задает вопрос, который через полвека станет основным: «Органическая, естественная среда человека, земля, растения, животные и пр., может быть убито техникой: что тогда будет?» [4, с.302]. После этих слов уже более обоснованными кажутся пессимистические предсказания философа: «Мир приходит к рационализированной тьме. Сама рационализация жизни может быть иррациональной... Технизация жизни есть вместе с тем ее дегуманизация» [4, с.305].

Наиболее распространены, согласно Н.А.Бердяеву, два типа отношения к технике. Согласно одному из них, техника нейтральна и безразлична: она дает усовершенствования жизни, но не ставит духовных проблем, не затрагивает совести и поэтому остается делом инженеров. Сторонники другого отношения испытывают ужас перед возрастающей мощью техники. Н.А.Бердяев считает оба направления ошибочными: они есть «ленивое решение вопроса», фактическое снятие проблемы. А там, где на вопрос нельзя ответить однозначным «да» или «нет», а от ответа зависит судьба человечества, необходимо философское осмысление проблемы. «Вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и о судьбе культуры, – убежден Н.А.Бердяев. – Техника есть последняя любовь человека, и он готов

изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [2, с.549]. Итак, при характеристике современного человека и современной эпохи нельзя обойтись без построения целостной концепции техники как основного ее фактора: «Самое революционное, переворачивающее событие в мировой истории есть появление техники как фактора, преобладающего в человеческой жизни, победоносное вступление машины, определяющей всю структуру цивилизации» [4, с.271]. Современного человека, его проблемы и перспективы можно понять только через технику, которой вся его жизнь пронизана. Н.А.Бердяев прямо призывает к созданию новой философской дисциплины, которая и должна этим заниматься: «Поразительно, что до сих пор не была создана философия техники и машины... Для создания такой философии уже многое подготовлено, но не сделано самое главное, не осознана машина и техника как проблема духовная, как судьба человека. Машина рассматривается лишь извне, лишь в социальной проекции. Но изнутри она есть тема философии человеческого существования» [5, с.153].

Чтобы понять не только противоречивую роль техники в человеческой жизни, но и уже отмеченное противоречивое отношение к технике самого философа, придется рассмотреть основные принципы философии Н.А.Бердяева.

Человек есть падший дух, попавший в зависимость от мира объектов, существо конечное, но заключающее в себе потенциальную бесконечность. Он призван к сотворчеству с Богом. Душа человека – арена борьбы духа и природы, свободы и необходимости. Оставаясь как личность образом Бога, свободным творцом, человек как индивид попадает в плен природной и социальной необходимости, даже продукты его мысли превращаются в самостоятельные реальности и пытаются подчинить себе человека. Человек должен самореализоваться, «отгадать идею Божию о себе» и помогать Богу в его творчестве. Без творческой активности человека невозможно одухотворение жизни. Исходная реальность человеческого существования – его свобода, чьи корни уходят в предмирную иррациональную безосновность. Смысл жизни человека – реализация этой свободы, в которой заключены возможности и добра, и зла. Выбор ложной установки на объективацию делает дух сознанием, и материальные объекты поработщают человека, но «человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать»

[1, с.55], поэтому творчество – не только высшее проявление свободы, но и процесс, обратный объективации, выход к освобождению духа, шаг человека к Богу. Свобода и страдание неотделимы: «Я страдаю, значит, я существую... Страдание связано с самим существованием личности и личностного начала» [1, с.289]. Н.А.Бердяев считает: «Ошибочно было... предположение, что человек есть существо здоровое, по преимуществу сознательное и интеллектуальное... Человек есть существо больное... Человеческая душа раздвоена, в ней происходит мучительное противоборство противоположных элементов... Человек сплошь и рядом сам не знает, что с ним происходит... Человек есть существо страстное и легко опрокидывающееся в бездну» [1, с.72-73]. Итак, по словам философа, «отношение человека к космосу двойственное. Он раб природы и царь природы» [4, с.301]. Человек онтологически выше неразумной природы, поэтому человек не только имеет право изменять природу, но и обязан это делать для своего личностного становления: «Творчество есть борьба против объектности мира, борьба против материи и необходимости» [2, с.549].

Так почему же Н.А.Бердяев не радуется тому, что благодаря технике люди еще более успешно могут бороться «против материи и необходимости»? Потому что одна форма зависимости, по его мнению, просто сменяется другой: «Сначала человек зависел от природы, и зависимость эта была растительно-животной. Но вот начинается новая зависимость человека от природы, от новой природы, технически-машинная зависимость. В этом вся мучительность проблемы. Организм человека, психо-физический организм его сложился в другом мире и приспособлен был к старой природе... Но человек совсем еще не приспособился к той новой действительности... он не знает, в состоянии ли будет дышать в новой электрической и радиоактивной атмосфере, в новой холодной, металлической действительности, лишенной животной теплоты. Мы совсем еще не знаем, насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими открытиями и изобретениями» [5, с.151]. Старая зависимость человека от природы разрушена – но вместе с этим нарушается и присущая каждому биологическому существу связь с природой. В новом мире, с измененной экологией (когда нарушаются природно обусловленные процессы не только вокруг человека, но и внутри его,

в самом основании его физиологической и психической жизни), под угрозой не только свобода человека в качестве свободного духа, но и его жизнь – его тело и его душа. Это положение Н.А.Бердяева, прозвучавшее в первой половине XX века (когда массовое сознание еще пленялось чудесами технического прогресса), показывает, насколько его аналитические способности могли верно оценивать тенденции. Вместо формирования целостной человеческой личности сегодня поощряется функциональный подход к индивиду, как к инструменту, как к «винтику» общества: «Человека нет, есть лишь функции человека. Но это распадение человека на те или иные функции есть прежде всего порождение технической цивилизации... Техническая цивилизация требует от человека выполнения той или иной функции, и она не хочет знать человека, она знает лишь функции. Это есть... уподобление человека машине» [3, с.327]. Вот в чем суть обвинительного заключения технике: в том, что человек начинает походить на нее. Но разве это техника «не хочет знать человека»? Кто «уподобляет человека машине»?

Н.А.Бердяев рассматривает историю как закономерный и непрерывающийся процесс роста свободы духа, поиска все новых средств для освобождения человека. Он выделяет «три стадии в истории человечества – природно-органическую, культурную в собственном смысле и технически-машинную». Сначала от «погруженности духа в природу» человек поднимается к «активному овладению духом природы». В традиционном обществе культура понималась «органически, по аналогии с живыми организмами», в ней все полно было символами – «даны были знаки иного мира в этом мире», а техника «отрывает человека и от природы, и от миров иных», она «чужда символики, она реалистична, она ничего не отображает». Н.А.Бердяев противопоставляет два принципа организованности – организм и механизм. Организм «рождается из природной космической жизни, и он сам рождает». Механизм «не может расти и развиваться», он действует целесообразно, но эта целесообразность – не в нем, а в создавшем его человеке, в самом же механизме «есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его себе». Поэтому органический строй представлялся созданным или природой, или Богом. Это вело к признанию «неизменного порядка природы», а новая действительность «совсем не есть продукт эволюции, а есть продукт

изобретательности и творческой активности самого человека». История ведет людей от организмов к механизмам.

Итак, в результате технического прогресса и исторического развития происходит переход «от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности». Техника «раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат... внедрения разума в стихийные процессы». Как ни странно, новая действительность не освобождает, а дегуманизирует человека. Н.А.Бердяев так описывает этот процесс: «Техническая эпоха требует от человека фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь ставится выше человека» [5, с.149-151]. Но между этими фразами, стоящими подряд в тексте, – настоящая логическая пропасть! Почему, собственно, «фабрикация продуктов» превращает человека в вещь? Что плохого в возможности затрачивать на производство меньше сил? В разных работах, различными словами философ повторяет тезис о негуманности техники: «Механизация и машинизация есть крайняя форма объективации человеческого существования, выбрасывания его вовне, в чуждый и холодный мир. Этот мир создан человеком, но человек не находит себя в нем» [3, с.291]. Продолжим анализ концепции Н.А.Бердяева в надежде понять, что именно он ставит технике в вину и кто является виновником дегуманизации.

Проясним, что именно Н.А.Бердяев называет техникой. Он отмечает, что техника понимается двояко: можно говорить о «технике экономической, промышленной, военной, технике, связанной с передвижением и комфортом жизни», а можно – о «технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже о технике духовной жизни» (например, духовной техникой является йога). Общее между ними то, что «техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил» [5, с.147-148]. Разумеется, «элементарная техника существовала с первобытных времен», но только в наше время возникает техническая цивилизация, то есть «техника приобретает детерминирующую власть над человеком». Традиционный космос как «установленный Богом иерархический порядок, на который можно положиться» в технической цивилизации уже не существует. Человек имеет дело с

«новой реальностью, созданной человеком и цивилизацией, с реальностью машины, техники, которых в природе нет», поэтому «машина и техника имеют космогоническое значение»: обратный процесс невозможен, нужно не отрицать технику, а «духовно овладеть ею» [4, с.301-303]. Н.А.Бердяев неоднократно подчеркивает, что техника – это абсолютно новое: «Совершенно ошибочно было бы отнести машину к неорганическому миру на том основании, что для ее организации пользуются элементами неорганических тел... В природе неорганических машин не существует, они существуют лишь в мире социальном... Человеку удалось вызвать к жизни, реализовать новую действительность. Это есть показатель страшной мощи человека» [5, с.152-153]. Технику нельзя объяснить с помощью понятий, созданных для природы, и законы ею управляют совсем иные: «В машине есть новизна, не бывшее в мировой жизни. Машина есть сочетание физических и химических сил, но она не есть явление природы... Это есть природа, прошедшая через акт человека и подчиненная его целям. В технике из недр природы извлекаются силы, которые дремали и не раскрывались в круговороте природной жизни» [4, с.271]. Итак, техника создавалась как средство для достижения человеческих целей. «Техника всегда есть средство, орудие, а не цель, – утверждает Н.А.Бердяев. – Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в другой области, в области духа. Средства жизни очень часто подменяют цели жизни, они могут так много места занимать в человеческой жизни, что цели жизни... исчезают из сознания человека. И в нашу техническую эпоху это происходит в грандиозных размерах... Но подмена целей жизни техническими средствами может означать умаление и угашение духа» [5, с.148].

Однако почему же Н.А.Бердяев не приветствует хотя бы возрастание технических средств само по себе, как освобождающее человека из-под власти той природы, которую он сам неоднократно называет подавляющей личность?

Сначала, согласно Н.А.Бердяеву, освобождение человека от власти космических сил шло правильным путем – через аскезу (то есть самоограничение и самовоспитание), но затем «механизация природы, научное и техническое овладение природой» привели к тому, что произошло «страшное возрастание силы человека над

природой и рабство человека у собственных открытий» [4, с.302]. Однако технические средства ли виноваты в том, что происходит подмена человеческих целей этими средствами? Ведь не сама техника это делает... «Все болезни современной цивилизации порождаются несоответствием между душевной организацией человека, унаследованной от других времен, и новой, технической, механической действительностью, от которой они никуда не могут уйти, – читаем мы далее. – Техническая цивилизация по существу своему имперсоналистична, она не знает и не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтобы человек был личностью. И личности необыкновенно трудно удержаться в этой цивилизации. Личность во всем противоположна машине. Она прежде всего есть единство в многообразии и целостность, она из себя полагает свою цель, она не согласна быть превращена в часть, в средство и орудие. Но техническая цивилизация, технизированное и машинизированное общество хотят, чтобы человек был их частью, их средством и орудием... хотят, чтобы человек перестал быть личностью. И предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, техническим обществом, борьба человека и машины» [5, с.158-159].

Так вот в чем дело! Н.А.Бердяев считает технику негативным явлением именно потому, что она препятствует проявлению той свободной и творческой личности, которой он посвящает свои самые вдохновенные страницы! Но как же это произошло? Как механизмы могут бороться со своим создателем? А при чем здесь еще и «технизированное и машинизированное общество»? Может быть, Н.А.Бердяев имеет в виду не саму технику, а техническое отношение к миру? Тогда виновником происходящего является сам человек, а не техника... И борьба идет не между человеком и машиной, а между осуществляющей самоопределение личностью и «техническим обществом».

И в заключении Н.А.Бердяев пишет: «Очень часто в нашу эпоху люди, раненные машинизмом, говорят, что машина калечит человека, что машина во всем виновата. Такое отношение унижает человека, не соответствует его достоинству. Ответственна совсем не машина, которая есть создание самого человека, машина ни в чем не виновата, и недостойно переносить ответственность с самого человека на машину. Не машина, а человек виновен в страшной власти

машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился... В мире происходит процесс дегуманизации, дегуманизации во всем. Но в этой дегуманизации повинен сам человек, а не машина. Машинизм есть лишь проекция этой дегуманизации... Дегуманизация есть состояние человеческого духа» [5, с.161]. Итак, философский ответ найден: не техника поработила людей и грозит навязать им свой «образ и свое подобие», а сам человек стал относиться к себе и другим людям по-технически, видя в них только средство, поэтому и подвергся дегуманизации. Что нам делать с этим ответом? Каким образом произошла эта подмена и можно ли с ней бороться? Как освободиться от технического в себе? Если верить философу, люди не раз уже пытались избавиться от внешнего принуждения – и всякий раз принимали новую его форму. Историю человечества Н.А.Бердяев описывает, как историю смены разных типов рабства: «В своей исторической судьбе человек проходит разные стадии, и всегда трагична эта судьба. В начале человек был рабом природы, и он начал героическую борьбу за свое сохранение, независимость и освобождение. Он создал культуру, государство, национальные единства, классы. Но он стал рабом государства, национальности, классов. Ныне вступает он в новый период. Он хочет овладеть иррациональными общественными силами. Он создает организованное общество и развитую технику... Но он становится рабом организованного общества и техники, рабом машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек» [5, с.162]. Однако эту же картину можно понять иначе, оптимистически – как постепенное освобождение человека. Стоило только задать вопрос: а какой из типов зависимости (которое вовсе не обязательно называть «рабством») легче для человека, менее мешает его личностному становлению? К сожалению, это сравнение как поиск относительно лучшего оставался чуждым Н.А.Бердяеву, стремящемуся к абсолютным ценностям, а не к компромиссам, и предпочитающему громкие призывы, а не практические рецепты.

Что же можно предложить для выхода из тупика человеческой цивилизации? До сих пор практические рецепты, излагаемые в трудах философов техники, кажутся наиболее слабыми разделами этих книг. Дело не в недостаточности обоснования предложенных программ, а в самой установке – в надежде на то, что действия людей определяются рациональным способом, хотя бы утилитарным расчетом их

собственной выгоды. Однако если бы это было так, то не зашло бы человечество так далеко в цивилизационный тупик! Все новые программы выхода из кризиса предлагаются не столько потому, что старые оказались недостаточно эффективными, сколько по причине того, что к старым вообще не прислушались. Вот и ищут мыслители новые доводы для тех, кто действует, исходя из каких-то других оснований, – но не согласно обоснованным программам...

Но вернемся к предложениям Н.А.Бердяева. Прежде всего он призывает осознать философское, антропологическое значение техники: «Одним из последствий техники является то, что всё, представлявшееся ранее нейтральным, приобретает духовное и религиозное значение... Духовное и нравственное состояние человека, владеющего неслыханной силой техники, приобретает решающее значение... Техника ставит человека перед новой природой и требует нового к себе отношения, совсем уже не нейтрального... И потому необходима этика техники, этизация всего нашего отношения к технике» [2, с.331]. Значит, необходима философия техники, которая и создавалась с начала XX века, одновременно с ростом масштабов технологических процессов и их последствий.

Однако философский поиск – лишь начало поиска общечеловеческого. Измениться предстоит самим людям. Человек получил новые, небывало мощные средства для реализации своих целей, и возникла новая проблема – несоответствие самого человека мощи этих средств: «Когда человеку дается сила, которой он может управлять миром и может истребить значительную часть человечества и культуры, тогда все делается зависящим от духовного и нравственного состояния человека, от того, во имя чего он будет употреблять эту силу... Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом... Силы духа требует техника прежде всего для того, чтобы человек не был ею поработен и уничтожен» [5, с.157]. А значит, необходимо совершенствование самого человека, качественное изменение его отношения к миру, к себе самому, к другим людям: «Этически положительное отношение к технике неизбежно предполагает аскезу в человеке, аскезу духа по отношению к похоти жизни, которой техника всегда готова служить. Техника имеет свою эсхатологию, обратную христианской, – завоевание мира и организацию жизни без Бога» [2, с.332]. Всё больше целей может быть

достигнуто техническими средствами – но не каждая цель достойна осуществления: нужно выбирать не только непосредственно исполняемые желания, но и творимые ими формы будущего, а этот отбор – задача самого человека. Способен ли он на такие изменения? Захочет ли он этого? Нет ответа...

Подведем итог проанализированной концепции Н.А.Бердяева, который исследовал технику в надежде найти выход из современных проблем, стоящих перед человечеством. Современная эпоха, по его мнению, бесчеловечна, и это – закономерное следствие основных принципов, на которых строилась западная, техническая цивилизация. Поиск путей выхода из кризиса не может привести к ответу простому и однозначному, прежде всего потому, что неоднозначна роль самой техники: «Этическое отношение к технике не может не быть противоречивым и двойственным. Техника есть обнаружение силы человека, его царственного положения в мире, она свидетельствует о человеческом творчестве и изобретательности и должна быть признана ценностью и благом. Человек есть изобретатель орудий, который он ставит между собой и природной стихией... Романтизм, отрицающий технику, на каждом шагу ею пользуется». И в то же время техника может пониматься и как негативный фактор, ослабляющий и механизмирующий: «Техника не только свидетельствует о силе и победе человека, не только освобождает его, но она также ослабляет и порабощает человека, она механизмирует человеческую жизнь и накладывает на человека образ и подобие машины... Машина как бы вырывает человеческий дух из органической плоти и механизмирует материальную жизнь человека». Происходит «отрыв от природного, космического ритма и возникновение нового, определяемого машинами ритма» [2, с.328-329]. Наступающая техническая эпоха изменяет все формы человеческой жизни. Это значит, что прежние способы мышления, оценки и практики также должны измениться, отразив происходящие перемены. Техническая эпоха имеет религиозный смысл, потому что техника изменяет сознание человека, его отношение к себе и к миру: «Совсем иначе чувствует себя человек, когда он чувствует под собой глубину, святость, мистичность земли, и тогда, когда он чувствует землю как планету, летящую в бесконечное пространство, среди бесконечных миров, когда он сам в силах отделиться от земли». Мощь техники «дает человеку чувство и его собственной мощи,

возможности овладения бесконечным миром»: человек «впервые делается, наконец, царем и господином земли, а может быть, и мира». С другой стороны, «человек испугался, когда раскрылась бесконечность пространств и миров, он почувствовал себя потерянным и униженным, не центром вселенной, а ничтожной, бесконечно малой пылинкой» [5, с.154]. Техническая эпоха имеет и социологический смысл: «Все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу», «в ней все становится коллективным». Рушится старый порядок и «неизбежна новая форма организации, которая дается техникой», но «эта новая форма массовой организации жизни, эта технизация жизни разрушает красоту старой культуры» [5, с.155].

Развивая концепцию человека как существа свободного и творческого, Н.А.Бердяев пытался выявить те препятствия, которые стоят на пути развития человеческой сущности. Всё, что могло ограничить свободу человека или подчинить его деятельность некоторым внешним условиям (семья, государство, мораль и т.п.) Он в своих работах пристрастно анализировал и пытался уменьшить их воздействие на свободное самоопределение человека, предлагая их новые формы – «этику творчества» и т.п. Неудивительно, что техника, основанная на противоположных гуманности принципах (сила, эффективность, стандартизация, количественный рост и т.п.) казалась ему антиподом человека.

Со свойственной Н.А.Бердяеву (и неоднократно отмеченной историками русской философии) способностью увлекаться своей концепцией и в публицистическом задоре переходить от философского анализа к проповеди, он написал о технике в человеческой жизни много фраз, достойных иллюстрировать далеко зашедшую форму технофобии. Разумеется, утверждения, что машина обращает человека в рабство, не могут быть названы истинными, но в других работах Н.А.Бердяев оставил более взвешенные, основанные на определенных доказательствах положения, раскрывающие особенности существования современного человека и техногенную обусловленность некоторых его характеристик.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод: техника понималась великим мыслителем как служебное средство для увеличения эффективности человеческой деятельности и освобождения людей от власти природы. Выход техники за пределы

отведенной ей роли вызывал у Н.А.Бердяева негативную реакцию: он видел опасность нового рабства людей – их технологического перерождения.

Таким образом, для оценки предлагаемых различными концепциями философии техники программ нейтрализации негативных техногенных процессов необходимо выявление их антропологических оснований. Это подразумевает исследование степени согласованности современных философских подходов к исследованию техники и концепций человека (в его отношении к технике). Основным предметом изучения станут концепции технической составляющей бытия человека (в философской антропологии) и антропологической составляющей техники (в философии техники). Предполагается реконструирование способов категоризации человека и техники, распределение этих понятий и выявление их пересечения. Преодоление натуралистического понимания человека и техники позволит выделить основные дискурсы человека и техники, а также позиционировать их в поле современной философской коммуникации, выявив решаемые ими задачи и определив степень их корреляции друг с другом. Результаты исследования будут иметь значение для создания более адекватных представлений об антропологических условиях существования техники и о положении человека в современной технической реальности – техносфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А.Бердяев. – М., 1993.
2. Бердяев, Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А.Бердяев. – М., 2003.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А.Бердяев. – М., 1994.
4. Бердяев, Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А.Бердяев. – М., 1995.
5. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А.Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – №2.

Н.В.ПОПКОВА

ВОЗНИКНЕТ ЛИ ПОСТАНТРОПОЛОГИЯ – НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ ТЕХНОСФЕРНОМ?

Большинство современных исследователей признает, что научно-техническая революция, начавшаяся во второй половине XX века,

привела не только к качественным изменениям технического базиса, но и к глубоким переменам в остальных областях человеческой жизни. Отражая их зависимость от технических способов обеспечения жизнедеятельности людей, формирующийся тип общества (к которому, как принято считать, начинают переходить наиболее технологически развитые страны, и к нему же по мере собственного научно-технологического развития должны приближаться остальные регионы), как правило, называют *постиндустриальным обществом*; его отличительные характеристики получают экстраполяцией уже наблюдаемых тенденций. Традиционно выделяемые основные характеристики нового социума таковы: изменяется структура производства – растет сфера услуг; информационные технологии превращаются в основной фактор не только промышленного прогресса, но и геополитической власти; темпы технологического прогресса настолько увеличиваются, что от работника для сохранения своей ценности на рынке труда требуется непрерывное повышение квалификации; резко повышается творческое начало в процессе труда – технологический уровень зависит от науки, культуры, образования. Взгляды на социокультурные последствия технологического роста расходятся. Новый тип общественного развития оценивается противоположным образом – или как новая ступень социального прогресса, или как последний шаг человечества по старому, техногенному пути к пропасти.

Иногда высказывается мнение, что постиндустриальное общество, сделав творческие возможности человека основным производственным ресурсом, приводит к человекоразмерному повороту в производстве, гуманизации и демократизации всех сторон жизни общества. Главным в жизни постиндустриального мира, согласно этому мнению, становится развитие человеческих сил и способностей, а принцип социального блага будет преобладающим обоснованием всех аспектов жизнедеятельности. В работах некоторых обществоведов наступающий социум приобретает черты идеального, «светлого будущего».

С другой стороны, раздаются и предостережения о том, что постиндустриальное общество – *тупиковый путь общественного развития*. В качестве основных недостатков новой формы технологических и социальных взаимодействий ученые называют выход техники из-под контроля своих создателей и *техносферизацию*

с усиливающимся ее влиянием на людей. Философы признают, что налицо опасность «распада в человеке личностного момента в процессе превращения человека в массовый и безликий элемент технотронного мира, а человеческого сознания – в момент мира виртуального» [8, с.416-417]. Ученые уже не предупреждают о возможном превращении человека в элемент техногенной среды – они констатируют проявившиеся тенденции технологизации, зафиксированные статистически. Для обитателя постиндустриализирующегося мира характерны биологические изменения, которые не назовешь прогрессивными: понижение сопротивляемости инфекциям и факторам внешней среды, ослабление органов чувств (все хуже становятся зрение и слух), захватывающие все большие слои населения бессонница и депрессия, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, аллергия и бесплодие. Ученые подтверждают нарастающее усиление техногенного развития и в то же время биологической деградации человека, его растущей неспособности обходиться без искусственных подпорок для организма [6, с.108-162].

Все чаще обращается внимание на то, что техника не только удовлетворяет потребности человека и развивает его личностные качества, но и подавляет природные качества и модифицирует психику людей. Наблюдается воздействие технической реальности на социальные и культурные процессы: распространение инструментальной рациональности и технологических ценностей на новые области деятельности. Техносфера создает для человека новую целостную среду, почти полностью изменив традиционные способы производства, умственного труда, общения. Исследования подтверждают рост *техногенной детерминации жизни людей*. Традиционное представление искусственного мира как результата целесообразной деятельности человека сталкивается с его неумением прогнозировать влияние технологических инноваций (за пределами промышленной области) или контролировать техногенные трансформации в природе, обществе, культурной жизни, быту. Человек – не только творец искусственного мира, он и сам в значительной мере его творение: «человек техногенный». Создатель искусственного мира становится его частью, деятель становится изделием. Техносфера как искусственная среда, подавляющая и вытесняющая естественную, анализируется в качестве фактора

изменения не только внешней природы – биосферы, но и внутренней – психической и физиологической сущности людей. По словам В.М.Розина, «техносфера все больше поглощает не только биосферу, но и антропосферу», проявляясь в том, что «трансформация образа жизни и потребностей человека, происходящая под воздействием техники... плохо поддается описанию и тем более точному прогнозированию». Таким образом, необходимо критическое переосмысление самих идей, лежащих в основе техногенной цивилизации: мало использовать силы природы, нужно действовать, «согласуя это использование с целями и идеалами человечества» [16, с.105, 113].

Появилась возможность информационного, технологического управления сознанием – незаметного внушения определенных взглядов путем помещения человека в замкнутую информационную среду. Так, с возникновением информационных технологий «наиболее коммерчески эффективным бизнесом стало не преобразование мертвых вещей... но преобразование живого человеческого сознания»: сегодня «приспосабливают не товар к предпочтениям людей, а напротив, людей – к уже имеющемуся товару» [5, с.185]. Экспансия дискурса производства и потребления вещей ведет к тому, что с ростом экономического благополучия усиливается потребность потреблять – все, что угодно. Как отмечает Ж.Бодрийар, уже не желания людей становятся основанием для производства товаров, а машина производства формирует в человеке потребности. Исследователями техносферы констатируется «и полная зависимость человека от технических систем обеспечения (начиная от квартиры), и технические ритмы, которым должен подчиняться человек (производственные, транспортные, коммуникационные...), и потребности, которые исподволь или явно (реклама) формируют технические новации» [16, с.111]. Сопровождающие технологическое развитие изменения материальных и духовных форм жизнедеятельности человека, его физиологические и психические трансформации вызывают обоснованное недовольство. Поскольку оно часто опережает анализ последствий очередной инновации, становится ясно, что его источник – чувство потери контроля человека за собственной жизнью. Разрушение привычной социокультурной среды даже при объективном превосходстве ее многих новых, техногенных форм приводит к субъективному

ухудшению положения человека. Именно поэтому некоторые философы заменяют анализ техногенных процессов выставлением субъективных оценок.

Смутное чувство несвободы овладевает массовым сознанием. При этом неумолимые закономерности, управляющие жизнью людей, безлики, нельзя указать их виновников. «Никакая работа не может быть гарантирована, ничье положение не является прочным, никакая специальность не имеет устойчивой ценности, – описывает эту ситуацию З.Бауман. – Уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения» [2, с.107]. Необходимая для участия в современном производстве гибкость и универсальность работника доходит до крайностей: постоянная смена технологий опережает возможность человека их осваивать. Массовая безработица становится участью работников целых отраслей: ни один человек, в начале трудового пути овладевший профессией, не может быть уверен в ее постоянной востребованности. Очередная технологическая инновация в любой момент может обесценить его знания и умения, отбросив в среду безработных. Ненадежность долгосрочных планов из производственной области распространяется на всю человеческую жизнь, что проявляется, отмечает З.Бауман, в замене характерного для прошедших эпох принципа отсроченного удовольствия (зарабатываемого долгим самоограничением) на требование немедленных результатов [2, с.149]. Изменяется нравственная оценка труда и развлечения: если традиционная народная культура «учила много работать, экономить, не транжирить... внушала, что долг превыше всего, «делу время – потехе час» и т.п.», то с точки зрения современного массового сознания, гедонистические призывы «развлекаться, наслаждаться... ни в коем случае не пропустить удовольствие» воспринимаются как правильные; и напротив, «много работать стало нехорошей привычкой, а такие люди получили название трудоголиков» [4, с.17-18]. Досуг сводится, по словам Х.Ленка, «к узкому потребительству, к ничем не сдерживаемому и не ограничиваемому «освоению» товаров и вещей, не требующему никакой предварительной (умственной) работы» [11, с.115]. Принцип немедленного удовлетворения потребностей не приемлет ни духовного самосовершенствования (для которого отказ от желаний, вызванных

«низшей природой» человека, является важнейшим средством самодисциплины), ни элементарных качеств благоразумия и умеренности.

Многие исследователи обращают внимание на характерное для постиндустриального общества несоответствие между потребительской направленностью массового сознания (поощряемой рекламными технологиями) и качествами, которые требуются для научно-технического прогресса. По словам А.С.Панарина, техногенное развитие питается аскезой – и убивает ее: «Основной парадокс модерна состоит в том, что его достижения нельзя удержать без напряжения нравственной воли, зачисляемой в разряд «пережитков». Как только подобная воля слабеет, сменяясь гедонистической направленностью, проекты модернизации... повисают в воздухе – ибо и для экономических инвестиций, и для мобилизации личных усилий, необходимых в процессе овладения знаниями, требуется известный минимум аскетического усердия» [15, с.375]. Тенденция к разрушению по ходу техногенного развития тех культурных парадигм, которые участвовали в его поддержке и обеспечении, может оцениваться как признак кризиса постиндустриального общества. Сегодня стандартизация товаров и услуг, единообразие профессиональных навыков и приемов унифицируют и духовную жизнь человека – распространяются принципы, ценности, стереотипы, «общие формы и нормы общения и поведения, одежды и этикета, бытовых удобств и развлечений», которые транслируются в электронных СМИ и которые «люди разных верований, убеждений и привычек, не возражая и не договариваясь друг с другом, просто принимают как данность» [18, с.176]. В результате в рождающемся обществе «посредством массовой культуры формируются не только имиджи и стереотипы, но и образ жизни в целом, идентификационные модели, более того – мировоззренческие установки, ментальность». Одновременно умножается количество пассивных личностей, так как коммерческая массовая культура тиражирует «массового человека, практически не способного стать источником социальной самоорганизации» [1, с.544]. В связи с этим Х.Маклюэн утверждает, что человек в ходе приспособления к новым техно-органам сам становится сервисным механизмом, задача которого – обслуживание воспроизводства и

совершенствования технологической машины. В результате, считает З.Бауман, «на заключительной стадии модернистской авантюры по построению самоуправляющегося автономного мира людей», по мере роста возможностей человека и приносимых его решениями рисков и опасностей, результаты человеческой активности «противостоят нам в качестве эксцентричных и капризных, своевольных и непроницаемых и, что особенно важно, необузданных и неконтролируемых «естественных» сил» [2, с.67-68]. По его образному выражению, «мы похожи на пассажиров в самолете, поднявшихся высоко в небо и обнаруживших, что в кабине пилота никого нет» [2, с.104].

Если основным достижением западной цивилизации признавалась *индивидуализация человека* – формирование свободного, автономного и ответственного индивида, то уже в конце XX века «гордость Запада – автономный индивид был вытеснен массовым индивидом, усредненным продуктом... гомогенной массы, создаваемой массовым производством». Источник этого омассовления – электронные СМИ, обладающие «стандартизированными формами превращения любой проблемы... в товар и развлечение». Результат возрастания технологической мощи парадоксален: «Сознательная, рациональная, имеющая цель деятельность как индивида, так и государства сведена к минимуму. Не контролируя своего настоящего, человек не может представлять или планировать будущее и, добавим, ясно осознавать свое прошлое. Социальная реальность стала казаться *квазиприродной*, неподвластной человеку» [19, с.3-4]. В обществе, обладающем поистине волшебными техническими возможностями, «люди как будто находятся во власти слепых сил, утрачивают связь социальной реальности со своей собственной деятельностью и поведением, говорят обо всем, что «так случилось»» [19, с.15]. Итак, эти техногенные тенденции «направлены на дезинтеграцию такого культурного явления, как человек»; в результате «мы оказываемся втянуты в весьма интенсивный, стремительный процесс, по поводу которого мы в принципе не можем сказать, к каким социальным и культурным, а может быть даже и антропологическим последствиям, он ведет сам по себе» [14, с.6-8].

Итак, философские исследования показывают, что положение человека в современном мире противоречиво. Оно выгодно отличается от жизни его предков: формирование техногенной среды открыло перед людьми небывалые возможности роста материальной обеспеченности и безопасности. Однако увеличивается количество людей, стремящихся «забыться», уйти от действительности, начиная от алкоголиков и наркоманов и заканчивая поклонниками виртуальной реальности. Распространяются психические отклонения, все чаще говорят о том, что человек теряет человеческий образ. По словам Н.Н.Моисеева, наблюдаются признаки деградации человека: во многих странах, причем вполне «благополучных», налицо «разрушение нравственных начал, усиление агрессивности и нетерпимости, распространение массовой псевдокультуры, широкое распространение генетических и иммунных заболеваний, уменьшение рождаемости» [12, с.8-10]. Делаются и крайне пессимистичные выводы: «Культурная деятельность человека все более приобретает паразитарные... формы; это проявляется прежде всего в том, что на передний план выходят сервисно-технологические потребности человеческой жизнедеятельности в ущерб духовным. Тотальная сервисная техносферизация порождает человека сервисно-технологического» [13, с.44-51].

Искусственный мир, создаваемый человеком, приобретает свободу от своего творца: зависимый от технических систем жизнеобеспечения, подчиненный техногенным ритмам, вынужденный встраиваться в технологические процессы человек даже не замечает, насколько изменяется его жизнь: его желания и потребности формируются не им самим, а техносферой. По ходу урбанизации и глобализации (как социальных механизмов технологизации общества) люди, как отмечает Э.С.Демиденко, переходят из биосферных условий жизнедеятельности в техносферные: на смену биосферному человеку приходит новое существо, возможно, постчеловеческое – человек техносферный. Среди его основных признаков – возможность существования только в техногенных условиях: его потребности удовлетворяются, а жизнь и здоровье поддерживаются не биосферой, а промышленной и социальной инфраструктурой. Именно ее развитию (прежде всего хирургической медицине) жители промышленно развитых стран

обязаны высокой продолжительностью жизни. Уже к концу XX века насчитывались сотни миллионов людей, в той или иной степени интегрированных с техносферой: несущих в себе искусственные органы, перекроившие свое тело согласно социально-эстетическим нормам, порою – совсем не мыслящие своего существования в естественной среде (например, для больных астмой и аллергией созданы специальные скафандры). Итак, с каждым поколением усиливается деградация внутренних органов и систем человеческого организма, все чаще требуется техногенное вмешательство в их функционирование или прямая замена биологических органов техническими объектами. Начался, как считает Э.С.Демиденко, *новый антропосоциальный процесс* – «интеграция человека и техносферы, формирование *биотехнососоциального существа* в человеческом облике». Вскоре перед наукой встанет вопрос: за каким пределом трансформации нельзя будет называть это существо человеком [7, с.36-37]. Уже не существует «естественного» человека – слишком велики изменения, происшедшие с ним за тысячелетия эволюции. Человек современности, как правильно отмечает А.Н.Буровский, отличен от древнего – и анатомически, и биохимически (об этом свидетельствует хотя бы начавшийся в 30-х гг. XX в. процесс акселерации): «Современный человек биологически еще менее естествен, нежели породы домашних животных. Глобальная тенденция развития рода человеческого состоит в том, что люди становятся более долговечными и одновременно менее здоровыми... Сократилась почти до полного исчезновения детская смертность и крайне возросла заболеваемость... Может ли считаться «естественным» человек, выживание которого еще в младенчестве зависело... от уровня развития медицинского обслуживания?» [3, с.126-129]. В.С.Степин указывает как на проблему возможность самого сохранения биосоциальной структуры человека в условиях растущих всесторонних процессов отчуждения. Он отмечает, что человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует: чем больше он преобразует мир, тем в большей мере порождает непредвиденные факторы, радикально меняющие его жизнь. «Впервые в истории человечества, – делает вывод В.С.Степин, – возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой

индивидуального бытия человека... Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир» [17, с.31-32]. Еще более тревожно предостережение В.А.Щурова: «Человек постепенно упрощается по образу и подобию машины: лишними становятся в этом мире чувствительность, гуманность, лиричность, сердечность, целомудрие, чуткость, пылкость и т.п., ибо все это не нужно в общении с машиной... Тонкая ткань человечности распадается, остаются лишь простые и грубые машинно-технологические отношения» [20, с.111].

Итак, современные мыслители предупреждают: в урбанизированной среде материальная и духовная жизнь механизирована настолько, что можно говорить о технологизации самих людей. Так, В.А.Кутырёв предупреждает, что это будет означать конец существования человека как биологического вида: «Правомерно ли считать эти «новые мыслящие существа» на самом деле существами и тем более отождествлять их с человеком?... Субстрат иной, небелковый – значит, чувственность отсутствует, ибо именно она мешает успешному взаимодействию человека со скоростной технологией... Вполне возможно, это будет новая форма разума, но при чем здесь мы, земляне?» [10, с.134]. Появляются предложения теоретически отразить происходящее техногенное перерождение человека. Так, И.В.Кудашова предлагает выстраивать новую науку – *постантропологию*. Эта наука будет «изучать человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно подчиняет и растворяет их в себе». Если антропология «изучает специфические признаки человека среди других живых существ», то постантропология «будет изучать его специфические признаки среди мыслящих существ, умных машин», констатируя то, что «человек уходит в прошлое как биологический вид и переходит в будущее как технический вид». Эти дисциплины, отмечает И.В.Кудашова, будут анализировать различные аспекты взаимодействия человека со средой – соответственно, природной и технической: «Предмет антропологии – человечество, вырастающее из природы, предмет постантропологии – человечество, вырастающее в технику» [9, с.78]. Итак, техногенное перерождение человека

достигает опасной степени. Ему грозит переход в постчеловеческое состояние и соответственно предлагается создавать новую научную дисциплину – постантропологию. Является ли это предложение острой формой привлечения внимания общественности (хотя бы научной) к происходящим процессам или человеку действительно угрожает вырождение? Перерождаются ли только отдельные формы его жизнедеятельности или угроза нависла над основными характеристиками человека как вида?

Современная философская антропология должна найти ответ на вопрос: *какая форма зависимости для людей предпочтительней – от естественной среды или от искусственной?* Статистические данные, отражающие рост численности человечества и средней продолжительности жизни людей, по мнению автора, однозначно показывают: начиная с первых, самых древних этапов становления техногенной среды и до конца XX века позитивные последствия от формирования и роста технической реальности перевешивали негативные. Однако нельзя забывать и о том, что старые формы зависимости человека часто сменялись новыми. На место преодолеваемой жесткой природной необходимости становится техническая необходимость, хотя и более мягкая. Таким образом, на всех этапах истории человек должен был приспосабливаться к внешним воздействиям: нельзя противопоставлять «свободу» людей прошедших дотехнических эпох и их сегодняшнюю зависимость от техники, но соотношение объективных (вызванных логикой технологического развития) и сознательных факторов формирования техногенной среды изменялось, уменьшая возможность целенаправленной перестройки техногенной среды. Сложная сеть факторов, определяющих современную человеческую жизнь (включающая биологическую и культурную наследственность, характеристики природной и социальной среды и т.п.) имеет нелинейную структуру: уменьшение одного из них может компенсироваться ростом других. Техногенная детерминация не означает «рабство» человека у техники, но выступает условием его свободы (как от природных стихий, так и от других людей), давая возможность индивидуализации.

Для того чтобы раскрыть место техногенной среды в наступающей стадии социоприродного развития, нужно оценить роль

техногенной активности человечества, выражающей его природу. Прежде чем задаваться параметрами возможного будущего, следует определить само направление возможных изменений. Человечество – часть биосферы, оказывающая на нее решающее влияние. При оценке степени и знака этого влияния возникают вопросы, требующие философского решения. Антропогенное влияние на окружающий мир всегда будет отрицательным или все-таки может стать положительным? Должно ли человечество научиться «жить незаметно», максимально уменьшая свою численность и свои потребности, или его роль – дальнейшее изменение и совершенствование окружающей среды? Каково место человека в биосфере? Имеет ли он не только возможности, но и моральное право изменять ее, в надежде получить нечто более удовлетворяющее интересам не только людей, но и других живых существ? Обязательно ли рост мощи человечества и удовлетворения его материальных потребностей покупается деградацией окружающей среды или возможны пути деятельности, на которых выигрывает все живое? Антагонистичны ли техногенная среда и биосфера в принципе, при любом технологическом уровне, или возможно позитивное техногенное воздействие на природу?

Нельзя уже воспринимать человека как бесстрастного наблюдателя природных процессов. Видимо, для решения глобальных проблем следует осознать место человечества на Земле, взаимодействие техногенной среды и биосферы. Направление деятельности человека при решении глобальных проблем зависит от того, следует ли ему активно изменять биосферу, самого себя и социальные отношения, или же нужно положиться на ход эволюции и сохранять «естественные» параметры во всем – от природы до моральных норм. Можно выделить два крайних подхода к восприятию взаимодействия между человеком и природой: либо человек есть часть биосферы, долженствующая вписываться в естественный порядок вещей – тогда взаимосвязь техногенной среды с биосферой следует минимизировать, либо человек имеет право менять свое окружение и биосферу в целом – тогда ее можно и дальше «улучшать» технологически.

Первая точка зрения рассматривает человечество как подсистему биосферы, которая, как и остальные биосистемы,

развивается за счет окружающей ее среды, заимствуя органическое вещество и энергию у других биологических видов. Поскольку люди, согласно этой концепции, могут жить только за счет ресурсов биосферы, ее деградация по ходу исторического развития неизбежна. Результатом подобного взгляда будут пессимистические прогнозы, признающие неизбежность гибели или человека, или биосферы. Попытки демографического или экономического роста заранее признаются губительными для людей.

Призывы «вернуться к природе», иногда высказываемые вне научных кругов, не реализуемы в принципе. В современную эпоху уже нет «нетронутой» природы, к которой можно было бы вернуться, не говоря уже о том, что продуктивность «естественных» способов деятельности человека слишком мала для того, чтобы прокормить многомиллиардное население. Обычно под «экологически чистыми» способами производства подразумеваются не охота и собирательство (как следовало бы из беспристрастного анализа биосферы), а аграрные технологии (что свидетельствует о малом знакомстве сторонников подобных взглядов с историей вопроса). Подобно тому, как самые искренние призывы «возвращения к культурным истокам» не доходят до проектов забвения письменности (как одной из «неестественных» информационных технологий), так и представление о «естественной» жизнедеятельности человека останавливается на идиллической картинке крестьянской жизни, не отмечая природопользующие технологии в целом. Это несоответствие между призывами к «естественности» и необходимостью сохранить какие-то технологии показывает, что изменение природы (внешней и внутренней) неизбежно. *Техническая деятельность, порождающая техногенную среду, – объективная необходимость.*

Вторая точка зрения, видящая не только *разрешение современных проблем на путях дальнейшего технологического развития*, но и рассматривающая человеческий род как вершину эволюции Вселенной, а человеческое творчество – как его важнейшую характеристику, более популярна. Человек привык переделывать и совершенствовать окружающую среду: распространение этой деятельности на биосферу в целом вряд ли покажется ему невозможным. Напротив, предложение пожертвовать теми

качествами, в которых, собственно, и заключается отличие человека от животного мира, ради сохранения природы, встречает сильную подсознательную оппозицию современных людей.

Более того, эволюционная парадигма современного естествознания, проникая в область философии, вызывает течения, рассматривающие деятельность человека как имеющую положительное значение – и не только творчество духовное (которое также является трансформацией природных инстинктов), но и материальное, приводящее к изменению материального окружения и биосферы. Однако каприз и идеологический фанатизм, национальные и групповые симпатии и антипатии несут немалую долю ответственности за проблемы современной эпохи. Поскольку эти причины человеческой активности не формируются согласно рациональным критериям, их изменение в направлении большей разумности представляется маловероятным. Иными словами, достаточно часто люди используют мощь своего разума, воплотившуюся в технические системы, для того чтобы совершать глупости и причинять вред себе и другим. Отсюда та разумная и целеполагающая сторона человеческой активности, на которую возлагаются надежды как на двигатель преобразования биосферы и общества, представляется не только не преобладающей или способной преодолеть негативные тенденции в иных, нерациональных аспектах деятельности людей, но напротив – все более уступающей по мере техносферизации свои позиции утратившим биосферное равновесие инстинктивным силам. Это ставит под сомнение понимание человека как «разума Вселенной»: человек часто неразумен.

Человек не случайно все больше приближается к автомату: это – результат техносферной победы над природой, дошедшей до своего логического предела. Человек победил сам себя, то есть природу в себе, и получил не свободу, от культуры, от человечности, от полноценной жизни, а пустоту. Это и заставляет признать наличие *глобального техногенно-антропологического кризиса*.

Таким образом, в результате философского исследования отмечается наличие антропологического кризиса (причина которого – переделка человеком своей внешней и внутренней среды, трансформация, имеющая темпы и направленность, не зависящие от

желания отдельных людей, но поддержанные существующими в массовом сознании установками на приспособление мира к себе, а не себя к миру). Эта переделка привела к непредсказуемым цепочкам социокультурных последствий. Острота глобальных проблем современности настолько велика, что все чаще говорят о грозящей всей человеческой цивилизации катастрофе. Человеческий род действительно может исчезнуть с лица Земли, хотя бы из-за ликвидации этого вида механизмами самоорганизации биосферы, поэтому постантропологию, если появится в ней нужда, видимо, некому будет развивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева, О.Н. Массовая культура / О.Н.Астафьева // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З.Бауман. – М., 2002.
3. Буровский, А.М. Люди ли мы? / А.М.Буровский // Общественные науки и современность. – 1996. – №4.
4. Гринин, Л.Е. Феномен информационного общества: «люди известности» / Л.Е.Гринин // Философия и общество. – 2004 – №2.
5. Делягин, М.Г. Глобализация / М.Г.Делягин // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
6. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М., 2003.
7. Демиденко, Э.С. О ноосферном подходе к формированию современной экологической концепции / Э.С.Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2003.
8. Зотов, А.Ф. Истина / А.Ф.Зотов // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
9. Кудашова, И.В. О предмете постантропологии / И.В.Кудашова // Философия и будущее цивилизации: Тез. докл. IV Российского философского конгресса. – М., 2005. – Т.4.
10. Кутырёв, В.А. Космизация Земли как угроза человечеству / В.А.Кутырёв // Общественные науки и современность. – 1994. – №2.
11. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х.Ленк. – М., 1996.
12. Моисеев, Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы / Н.Н.Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – №1.
13. Московченко, А.Д. Философия и стратегия инженерно-технического образования / А.Д.Московченко // Инженерное образование. – 2004. – №4.

14. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2003. – №12.
15. Панарин, А.С. Испытание глобализмом / А.С.Панарин. – М., 2003.
16. Розин, В.М. Диалог технария и гуманитария о кризисе техники и путях его преодоления / В.М.Розин // Философские науки. – 2004. – №9.
17. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С.Степин. – М., 2000.
18. Толстых, В.И. Глобализация / В.И.Толстых // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
19. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В.Г.Федотова // Вопросы философии. – 2005. – №11.
20. Щуров, В.А. Техника в мире человека, человек в мире техники / В.А.Щуров // Мир человека. – Н.Новгород, 1993.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА, И.В. ЗЮЗЬКО

РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

*Всеславянский союз – есть
единственная твёрдая почва, на
которой может вырасти
самобытная славянская
культура... Этот союз необходим
славянским странам для
самосохранения.*

Н.Я.Данилевский. Россия и Европа

В условиях кризисных процессов, охвативших Россию, падения её экономической и военно-политической роли на планете, одним из основных направлений преодоления государственного кризиса и восстановления международного статуса страны, следуя которому можно способствовать постепенному выходу славянских народов из тяжёлого положения, является возрождение славянского единения. Оно необходимо и для других народов-братьев. Осознание этой великой истины всё чаще находит отражение в умах людей,

¹ Доклад представлен на 62-й студенческой конференции в Брянском государственном техническом университете (апрель 2007).

представителей большой «славянской семьи». Только в братском союзе можно сохранить нашу оригинальную самобытность. Необходимо возродить единое политическое тело славянской цивилизации. «Славянство, – подчеркивает Н.Я.Данилевский, – особая цивилизация, характеризующаяся самобытной историей и менталитетом, спецификой социальных потребностей, интересов, надежд и чувствований славян... Ценности славянских культур несовместимы по ряду параметров с ценностями как западной, так и восточной культуры, в силу чего искусственное насаждение последних ведёт к конфликтам культур и разрушению традиционного уклада» [3, с.98]. В данной статье исследуется отношение славянства к концепции глобализации, определяется необходимость союза славянских народов, рассматривается славянская идея в исторической перспективе, а также реальность воплощения славянской идеи и возможные последствия славянского союза.

Состояние культуры и духовной сферы славянского мира в наши дни можно охарактеризовать как кризисное. Оснований для такой оценки более чем достаточно. Следует отметить, что подобное состояние переживается славянским миром не в первый раз. После осознания своей общности на рубеже XVIII – XIX вв. кризис такого масштаба переживается славянскими народами в третий раз, причем каждый раз его амплитуда возрастает, а характер претерпевает качественные изменения.

Первый кризис пришелся на конец XIX в., на период после Русско-турецкой войны, освобождения Болгарии, обретения полной независимости рядом других Балканских государств и Берлинского конгресса 1878 г. Кризисное состояние характеризовалось разложением славянофильских концепций в России, падением интереса к славянскому вопросу, особенно в связи с потерей Россией влияния на Балканах вследствие внешнеполитической переориентации Сербии и Болгарии на кайзеровскую Германию и Австро-Венгерскую империю, с дальнейшим развитием концепций австрославизма в Габсбургской монархии среди населявших ее славянских народов. В России слышались тогда разочарованные голоса по поводу «неблагодарности» славян.

Преодоление кризиса и новый этап оживления интереса к славянскому вопросу у народов был связан с международными событиями конца XIX – начала XX вв., а именно – формированием в

Европе двух блоков великих держав Тройственного союза и Антанты. Переломным моментом стало резкое усиление пангерманской пропаганды, воспринятой не без основания в первую очередь западными и южными славянами как угроза их национальным интересам. Активизация всех славянских народов захватила и Россию, особенно после революции 1905 г., аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., обострения польского вопроса и положения на Балканах. В конечном итоге возникло Неославистское движение, на базе которого были организованы международные съезды 1908 – 1910 гг. Движение не имело продолжения из-за значительных различий в национальных интересах славянских народов.

Балканские войны 1912 – 1913 гг., ставшие прологом Первой мировой войны обострили противоречия между двумя блоками великих держав и превратили Балканы в «пороховой погреб» Европы. Роль славянских народов в этом клубке противоречий была весьма велика, но не являлась все же определяющей. Убийство в Сараеве в июне 1914 г. австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда было лишь поводом, но никак не причиной вспыхнувшего мирового конфликта. В начале Первой мировой войны германская пропаганда сделала все возможное, чтобы придать ей характер конфликта между «германством» и «славянством». Поражение блока Центральных держав в войне привело к распаду Австро-Венгрии и возникновению новых славянских государств — Польши и Чехословакии. Новым образованием стала и Югославия, объединившая Сербию, Черногорию и южнославянские земли Австро-Венгрии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, а также Воеводина). Однако выход России из войны в результате Октябрьской революции, последовавшая гражданская война и установление коммунистического режима решительно изменили не только картину мира и политическую карту Европы, но и сущность славянских проблем.

Вообще, история славянства развивается по циклам. Она отмечена периодами раскола и вражды, этапами дружбы и сплочения. Рано или поздно славяне приходили к идее объединения. Рост общеславянского самосознания, поиски оптимальных форм организации взаимовыгодного сотрудничества суверенных братских народов, национальный порыв, воплощающий ответ братских

народов на грозный вызов эпохи – всё это сконцентрировано в Славянской идее и является неразрушимым фундаментом для её построения. Славянская идея – это целая система взглядов, установок, умонастроений, политических и морально-духовных принципов, бытующая в братских странах на протяжении столетий.

Славянские ученые, деятели культуры писали о славянских проблемах многие годы назад. Так, Н.Ф.Федоров ещё в конце XIX в. призывал «дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовилось, то есть вместо войны». Мыслитель выступал за активное управление процессами объединения народов, прекращение войн для преодоления нищеты, природных бедствий, неурожая, считая взаимообогащение культур важным фактором достижения этих целей. «Обмен творениями мысли, – писал Н.Ф.Федоров, – должен привести к непосредственному обмену мыслей... людей знания для выработки плана всеобщего объединения всех народов в деле регуляции слепой силы... Объединение всех народов сделает ненужным всякое насильственное присоединение или удержание под властью» [9, с.170].

В.И.Вернадский, Ф.М.Достоевский, В.Н.Муравьев, В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, П.А.Флоренский, К.Э.Циолковский настойчиво стремились к достижению гармонии всечеловеческого единения и даже последующего участия землян в освоении космоса. Ф.М.Достоевский призывал русских стать «братом всех людей, всечеловеком, если хотите». При этом учеными анализировались психологические, бытовые, духовно-нравственные аспекты проблем жизни людей. Грандиозные проекты достижения счастья для всех землян разработал К.Э.Циолковский. В его работе «Монизм вселенной» говорилось: «Можно вскоре ожидать наступления разумного и умеренного общественного устройства на земле, которое будет соответствовать его свойствам и его ограниченности. Наступит объединение, прекратятся вследствие этого войны, так как не будет того, с кем воевать. Счастливое общественное устройство, подсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невероятной быстротой и с такою же быстротой улучшать человеческий быт... Вся Земля сделается обитаемой и приносящей великие плоды. Будет полный простор для развития как общественных, так и индивидуальных свойств человека, не вредящих

людям» [11, с.46]. Для утверждения духа сотрудничества в международных отношениях крайне важны концепция «всечеловечности русской культуры» Ф.М.Достоевского, концепция «всеединства» В.С.Соловьева, федоровская «философия общего дела», теория овладения временем В.Н.Муравьева. К этому призывали и другие идеологи славян. «Славяне, не выходя из своего племени, имеют удобнейший случай ... воспариться постепенно до высокой точки зрения всечеловеческой», – писал Ян Коллар [4, с.321].

Всечеловечный призыв славянских мыслителей был отвергнут идеологами западной цивилизации, жаждущими безмерного стяжательства, обогащения, власти над большинством населения планеты, проповедниками гедонизма. Влиятельные политические и деловые круги Запада всегда негативно относились к России. Так было в основных сферах жизнедеятельности и при Царской власти, и при Советском строе, и даже при либерально-монетаристском режиме, который, по сути, насаждается Западом. Здесь образовался своего рода русофобский этнический стереотип. Мы эту враждебность чувствовали в течение столетий, ощущаем на каждом шагу и сейчас.

Политическая интерпретация славянской идеи имела несколько разновидностей. Одна из них ориентировала народы на государственное объединение. Это могла быть конфедерация, или федерация равноправных членов, или одна из форм государственного устройства, которые предполагают лидирующую роль той или иной страны – России, Польши, Сербии. Идеологическая разработка данной версии была наименее осуществимой изначально и практически нежизнеспособной. Другая интерпретация идеи заключалась не в концепции всеславянства, а в объединении какой-то определённой группы славянских народов. Примерами такой идеологии являются австрославизм и югославизм. При рассмотрении политических запросов данной группы, эта версия имела бы больше шансов на осуществление, если бы не жёсткие препятствия, выдвигаемые «национальными интересами». Примерами служит опыт как южных, так и западных славян. Таким образом, политический вариант славянской идеи изначально был тесно связан с национальной идеологией и учётом практических задач каждой славянской нации.

Идейной основой славянского движения является славизм – общественно-политическое течение, направленное на объединение народов, имеющих родственные язык и культуру, традиции и чувства, общие нравственные ценности и верования. Теория славянской взаимности сформулирована Юрием Крижаничем, Яном Колларом, Людовитом Штуром, Николаем Данилевским и другими учёными XIX в. Несмотря на многочисленные обвинения в утопичности «славянской мечты», ход исторических событий подтвердил её животворную силу: славизм стал основой национальных движений многих братских народов. В процессе возрождения славянских народов наблюдалось бескорыстное и искреннее стремление к реализации великой идеи объединения. Однако значительно шире эта идея использовалась в политических целях.

Одной из ярчайшей характеристик этно-политических процессов на макронациональном уровне является панславизм. Этот термин весьма условный, имеющий множество интерпретаций, в том числе негативных. Можно выделить три основные формы панславистских направлений.

Наиболее ранняя форма была создана германской, австро-немецкой и французской публицистикой в 30-е гг. XIX в. Призрак панславизма играл важную роль для объединения немецкого народа в германских и в австрийских землях. Панславизм, в представлении этих народов, – это разрушение европейской цивилизации славянскими народами во главе с гигантской Россией. Из-за страха перед «славянской угрозой» на национальной почве происходила мобилизация сил общества.

Вторая форма панславизма сформировалась в конце 30-х – 40-е годы XIX в. и была создана представителями славянства. Эта форма панславизма значительно отличалась от пангерманского движения, по образу и подобию которого создавалась, и была широко распространена среди австрийских и балканских славян. Однако слишком сильны были внутренние противоречия между братскими народами. В 1843 г. в Лейпциге вышла в свет книга Ф. Шуселки под названием «Является ли Австрия немецкой?» (*Ist Osterreich deutsch?*), где автор приводил статистические данные, в соответствии с которыми в австро-венгерском государстве из 29 млн жителей около 15,5 составляли славяне. При этом немцев в стране было менее 7 млн, а венгров около 5,3 млн человек. Эта публикация побудила к

действию многих представителей западнославянской интеллигенции, которых в то же время охватила идея национального возрождения. Так, австрийские славяне специально демонстрировали стремление к объединению для оказания давления на правительство. При этом они все же не смогли договориться о воплощении своих намерений, поскольку каждым народом двигали прежде всего национальные интересы. Так, в конце 60-х гг. XIX в. все попытки чешских политиков использовать взаимность славянских народов потерпели крах. Данная форма панславизма не имела успеха, но зато огромную роль сыграла она в идеологии, активно использовалась для интеграции определённой нации. Это помогало «малым народам» преодолевать своеобразный комплекс малочисленности, зная, что за ними всё громадное могучее славянское братство.

Третья и последняя форма панславизма именовалась «русским панславизмом». В книге А.Н. Пыпина «Панславизм в русском и настоящем», вышедшей в свет в 1878 г., большое внимание уделялось многообразию форм панславизма в общественной мысли России XIX в. И самые радикальные, включавшие «демократический панславизм», и великодержавные направления сближало одно: убеждённость в том, что центром объединения славянства должна стать Россия. Именно она должна отвечать за судьбы братских народов, именно она должна определить будущее «славянского мира».

Начало XX в. является наиболее продуктивным с точки зрения объединения славянских народов в союзы. В 1918 г. был создан союз южных славян. Хорватия, Босния и Герцеговина, Далмация, Сербская Македония, Черногория, Сербия и Словения образовали единую политическую единицу – Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1929 г. это объединение было названо Югославией. В том же 1918 г. чешский и словацкий народы объединились, образовав Чехословакию. Создание СССР также привело к активному сотрудничеству многих народов, в том числе и восточных славян. И южные, и западные, и восточные славяне стали осуществлять свою мечту. Они начали объединяться, так как понимали силу своих союзов. Таким образом, образовались маленькие «славянские союзы». И казалось, что совершенно реально ожидать чего-либо более глобального, например чёткого сплочения между славянскими странами. Однако в 1991 г. произошел распад СССР. Экономика большинства стран, входивших в союз, сразу же показала свою

слабость и усталость. В 1992 г. в союзе южных славян остаются лишь Сербия и Черногория, а в недавнем прошлом отделилась от союза и Черногория. В 1993 г. Чехословакия заканчивает своё существование как единое государство, на месте которого образовались Чехия и Словакия.

Славянофилы выступали за подлинную национальную модернизацию, но решительно против американизации и вестернизации, которые приведут к колонизации нашей страны, продолжению геноцида русского народа. Преобразования, реформы, которые игнорируют чаяния этноса, неизбежно терпят крах, сулят грядущие катастрофы. Для сбережения нации огромное значение имеет сохранение культуры, языка, здоровья народа, его уклада и традиций. Модернизация, покушающаяся на все это, по сути, антинародна. Это обстоятельство отмечают ученые. Так, Л.А.Тихомиров, глубоко изучавший проблему, пишет: «Для правительственного действия нужно, чтобы сама нация находила потребность в данном изменении. Иначе государство превращается в орган не служения национальной жизни, а насилия над ней. Должно сверх того заметить, что те изменения, которые действительно подсказываются эволюцией национальной жизни, всегда проявляются в национальном сознании, и для произведения таких изменений в нации нарастают также необходимые средства» [8, с.36]. Важно отметить, что сознание проведения модернизации на национальной основе примерно в то же время стало складываться и в других славянских странах [9, с.83].

Современные неославянофильские теоретики, патриотические организации составили немало конструктивных проектов подлинной национальной модернизации России, разумных, тщательно подготовленных реформ, причем эти программы в духе исторической преемственности опираются на труды славянофилов XIX в. К.С.Аксакова, И.В.Киреевского, А.С.Хомякова, Ю.Ф.Самарина и др. [9, с.88-89]. Славянофилы были крупнейшими теоретиками модернизации, о чем в этом ракурсе не любят вспоминать в сфере неозападников (о некоторых представителях последних нередко говорят как о «детях Сороса»). Русские почвенники оказались глубоко правы в трезвой оценке самодостаточности России, в своих утверждениях о том, что подлинная модернизация может быть основана лишь на традиционализме. Они вскрыли глубинные слабости реформ Петра I, которые привели к расколу между основными

массами русского народа и частично космополитизированным дворянством (это позже создало важные предпосылки для переворота 1917 г.); выступали за развитие науки и просвещения, промышленности, современных путей сообщения, применение новейших технологий, отмену крепостного права [6, с.164, 166].

В настоящее время удельный вес славянского мира в общемировом валовом национальном продукте (ВНП) намного уступает американскому, европейскому и юго-восточному. Совсем недавно было время, когда страны славянского мира в сумме производили почти треть мирового продукта. После распада Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Варшавского договора взаимосвязь, взаимодействие славянского мира сильно ослабли.

Западные неоколонизаторы боятся возрождения славянского движения, повышения уровня его организованности, объявляя данное патриотическое течение «рецидивом панславизма». Они искренне считают, что подобный патриотизм противоречит мировым принципам глобализации. На самом деле глобализация по-американски грубо расчленяет страны, государства, нарушая интеграционные процессы. Страшным ударом по миру славянства было Беловежское соглашение, которое на долгое время разделило три братских народа. На наших глазах, подчас при явной поддержке с Запада, распадаются многонациональные государства. При этом родственные славянские народы отделяются друг от друга государственными, таможенными границами, визовыми преградами. Об этом свидетельствуют процессы разрушения Советского Союза, Югославии, Чехословакии. Ныне ликвидированы СЭВ, Варшавский пакт, объединявшие прежде всего славянские народы. Натовская стратегия США направлена на превращение славян в безликую массу, которая будет лишена самобытности и оригинальности. Известно, что положение устава ООН гласит о суверенности каждой страны и не допускает вмешательства во внутренние дела государств, за исключением тех случаев, когда ситуация внутри страны может угрожать международному миру и безопасности. Однако при этом Международный валютный фонд (МВФ), другие глобальные финансовые структуры, а также некоторые западные страны вмешиваются в дела славянских государств, диктуя им губительные пути реформирования экономики. Против тех, кто уклоняется от «помощи», применяются различные санкции, грубое экономическое и

политическое давление, ведутся информационные и агрессивные войны, бомбардировки с применением урановых компонентов.

Колониальные экспансии уже наблюдались на протяжении пятисотлетней истории существования капитализма. В конце XX в. агрессивность стран развитого капитализма, особенно США, увеличилась. Об этом свидетельствуют войны в Кувейте (Персидский залив), Иране, Ираке, Югославии. Причем лозунг уничтожения «недемократических режимов» в действительности оборачивается целями реализации собственных планов относительно «освобождаемой» страны. Западная цивилизация стремится к глобальному управлению планетой и приспособлению ее для своих нужд. Л.В.Давыдова, трактуя концепцию А.А.Зиновьева о глобальном сверхобществе, пишет о поглощении западноевропейской цивилизации новым образованием - «западнистской сверхцивилизацией» - при преобладающем военном доминировании США. Идея «глобального общества» направлена на установление господства и покорение незападного мира, то есть прочего человечества. Управляя огромными массами людей и распоряжаясь колоссальными финансовыми ресурсами, во второй половине XX в. у западного мира появилась возможность сознательного проектирования дальнейшей эволюции человечества, в том числе славянского мира. Таковую агрессивную стратегию А.А.Зиновьев называет «западнизацией». Реальная сущность западнизации состоит в перестройке социально-экономических основ западизируемой страны для ее эксплуатации в интересах Запада, демилитаризации экономики, установления колониальной демократии. Цель такой перестройки мира – устранить не только возможности самостоятельного развития, но и исключить альтернативные, незападные, конкурентоспособные формы эволюции [2, с.63-71].

В своей неоколониальной политике по отношению к славянам современные глобализаторы проявляют незнание и непонимание великой гуманистической культуры, обычаев и традиций славянских народов. Подобная позиция сложилась исторически. Жители Запада привыкли смотреть на славянский мир свысока, не понимая специфики языка, письменных произведений, обычаев и особенностей.

Н.И. Хмара, доктор философских наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, в своей статье «Национализм в психологической войне против славянских народов» выражал следующие мысли, с которыми сложно не

согласиться. «Славянские народы, будучи объединёнными, представляют собой огромную силу. США и его союзники по НАТО прилагают громадные усилия для того, чтобы подорвать традиционные политические, экономические, внешнеполитические и военные связи тех государств, в которых большинство населения является славянским. Большие надежды возлагают на разобщение славян через воздействие на духовную сферу, как на идеологическом, так и на общественно-психологическом уровне» [10, с.254]. И далее он отмечает, что с Запада в печать переключалась идея о том, что национализм и национальное дело – одно и то же. Национальное – это любовь к своему народу, родному языку, национальной культуре и т.п. не направлено против других народов. Оно чуждо националистическому. Националистическая психология позволяет насаждать, распространять национализм исподволь, незаметно. Она даёт возможность внушать ненависть к другим нациям посредством возбуждения чувств человека постепенно, повседневно, в процессе общественной жизни.

Отравление народного сознания создаётся с помощью средств массовой информации (в том числе западных). Через насаждение антиславянской психологии происходит разложение славянского общества, славянских устоев и традиций изнутри. Объектом воздействия в подобной психологической войне является, во-первых, население враждебно настроенных стран, которому внушают шовинистические мнения и настраивают определённым образом, чтобы оправдать враждебные акции против населения других государств. Во-вторых, одни славянские народы натравливаются на другие, когда негативно воспринимается всё, что принадлежит другим нациям.

О причине разногласий с современной Украиной и о пользе союза с Белоруссией пишет в своей книге «Россия и русские в мировой истории» Н.А. Нарочницкая: «Верная оценка истоков и мотивов украинского взгляда на мир совершенно необходима для того, чтобы рассуждать о будущем российско-украинских отношений и политике Запада в их направлении. Раздвоенность политики Украины естественна. Будучи самостоятельным государством, Украина неизбежно становится соперником, а не однозначно братским и дружественным государством, как бы того сегодня ни хотели миллионы украинцев. Эта антиномия заложена в самой природе вещей: причина именно в генетической общности и крайней

близости этих двух ветвей русов. Если русские и украинцы, имеющие единую культуру и язык с диалектными различиями, меньшими, чем у баварцев и саксонцев, а также вплоть до сегодняшнего дня общую историю, едины в целях своей внешней и внутренней политики, то сомнительна историческая логика раздельного бытия» [5, с.22].

Неслучайно на политической и идеологической сцене Украины на этапе провозглашения независимости возобладали галицийцы-униаты, бывшие пять веков с Западом, их ведущая роль в формулировании государственной и национальной идеологии независимой Украины исторически предопределена, так как они являются носителями особой «украинской» ориентации в мировой истории. Было бы непростительным упрощением искать причины раздвоенности украинского сознания и украинского сепаратизма в бегстве от тоталитаризма. Латинский Запад всегда стремился поглотить поствизантийское пространство, залогом чего всегда было отделение Малороссии от Великороссии.

На пути определенных стратегических и идеологических устремлений Запада остается ряд серьезных препятствий. Прежде всего это Белоруссия, настроенная сугубо «антиатлантически», а также цивилизационно самодостаточная, демонстративно равнодушная к Западу. Союз России с Белоруссией вызывает трепет у его противников на Западе. В случае объединения России и Белоруссии к нынешним русским добавятся 12 млн славян, гораздо меньше вестернизированных духовно. Россия станет однородно-национальной (более 90% россос), восстановит ядро, определяющее культурно-исторический тип исторической российской государственности. Становясь при этом геополитически более самодостаточной, Москва уменьшает свою уязвимость по отношению к Западу, обретая объективный потенциал к большей самостоятельности как субъекту мировой истории. Причина противодействия объединению кроется не в президенте (это предлог), не в экономических различиях России и Белоруссии, которые являются лишь делом технического урегулирования. С точки зрения геополитических позиций России по отношению к устремлениям Запада, объединение России и Белоруссии сейчас – самое серьезное препятствие на пути западного неокOLONиального передела мира. Движение к воссоединению России и Белоруссии – это возможность продемонстрировать самостоятельную национально-государственную волю, восстановить

утраченные геополитические позиции и рычаги противодействия военно-стратегическому давлению.

Идея объединения народов Великой, Малой и Белой Руси – одна из самых значимых в наше время. Русский народ всегда волновала судьба братьев-славян, которым он неоднократно оказывал помощь в борьбе с иноземными захватчиками. На пути обретения славянского единения есть большие трудности. Они активно используются субъектами политики «разделяй и властвуй» для разобщения народов-братьев. Во-первых, главная славянская сила – Россия очень ослаблена в результате поражения Советского Союза в холодной войне, а НАТО, европейские структуры расширяются, стремясь вовлечь западных и часть южных славян в свое, по сути, антиславянское лоно. Во-вторых, у власти в России оказались либерально-монетаристские круги западнической ориентации. В этой связи напомним справедливое суждение Н.Бердяева о том, что славянскую идею «можно искать только в славянофильстве, в западничестве нет и следов этой идеи» [1, с.131]. В-третьих, много субъективных преград в сознании самих славян, что связано с недопониманием сути славянского вопроса, поистине гигантских возможностей для граждан в отношении материального благосостояния, духовно-культурного развития в случае образования эффективного союза славянских государств. «Я верю, – писал Н.Бердяев, – что бессознательно славянская идея живет в недрах души русского народа, она существует как инстинкт, все еще темный и не нашедший себе настоящего выражения» [1, с.123]. Вместе с тем США и другие страны Запада в своей стратегии и тактике «разделяй и властвуй» активно используют крайний, узкий национализм, распространенный и в среде славян [9, с.93].

Самая большая помеха в объединении братских народов – информационная антиславянская пропаганда. Главное сейчас – помешать разложению истинно славянских ценностей и нашему медленному ментальному уничтожению. Широкое распространение славянской идеи возможно при создании разветвлённой сети региональных общественно-политических организаций, культурно-информационных центров и центров славянского просвещения во всех странах славянского мира и славянских диаспорах, объединяющих людей по профессиональным увлечениям, духовным запросам, политическим и экономическим интересам, отражающим социальный срез общества и способствующим укреплению

взаимодействия между государственными и общественными структурами. Болеслав Тейковский, председатель Польского славянского комитета, рассматривает славянское сообщество как исторический шанс развития славянских государств и евразийского сотрудничества. «Глобализм – это унифицированный капитализм, управляемый США и ЕС, которые намерены стать владельцами большинства мировых ресурсов сырья и средств производства», – справедливо утверждает он [7, с.233].

Политическое могущество славянства не только не может угрожать порабощением всему миру, всемирным владычеством, а одно только может противопоставить достаточную преграду мировому утилитарному владычеству, которое всё более и более приобретает (и уже в значительной мере приобрела) глобализаторская Европа. Конец XX – начало XXI вв. ознаменованы всплеском активности славянского движения: учреждены сотни общественных объединений и совместных предприятий, которые проводили съезды, конгрессы и конференции, посвящённые проблемам славянства на рубеже веков. Издаются книги, газеты и брошюры, открыты теле- и радиостудии, проводились декады национальных культур, кинофестивали и телемарафоны, концерты классической музыки и народного песенного творчества, выставки художественных полотен и фотографий, ярмарки, празднование исторических дат и другие мероприятия общеславянского характера.

В 1998 г. в ознаменование 150-летней годовщины Пражского съезда 1848 г. успешно проведён VII Всеславянский съезд в Праге, который стал значительным событием в истории славянского движения. В Пражском съезде участвовали 500 делегатов из двенадцати славянских стран: Белоруссии, Болгарии, Македонии, Польши, России, Словакии, Словении, Украины, Хорватии, Чехии, Югославии (Сербии и Черногории) и др. Этот съезд имел огромное значение в межнациональных отношениях славянского мира, единодушно одобрил Положение о Международном славянском комитете. В 2001 г. возникло депутатское объединение «ЗУБР» (За союз Украины, Белоруссии и России), которое на межпарламентском уровне призвано решать проблемы углубления взаимовыгодной интеграции и сотрудничества трёх восточнославянских народов. В последние годы было проведено достаточно много славянских съездов, конференций.

На основании проведённого исследования можно сделать заключение, что славянские народы действительно нуждаются в объединении, как в единственном пути их дальнейшего самобытного развития в прогрессивном направлении. При этом славянская идея жива в умах представителей различных народов славянского мира. Все они понимают важность славянского союза. При этом играет важную роль резкая политическая неоднородность многих славянских стран, поэтому многие граждане стран славянского мира, в том числе и входящих в блок НАТО, также поддерживают прославянские идеи и считают их единственно спасительными и прогрессивными, способными спасти славянство от поглощения проевропейским и проамериканским глобализмом и направленными на возрождение братских стран, преодоление кризисов и неудач.

Основной помехой на пути к союзу является именно экономический гнёт и пропаганда идей всемирного глобализма во главе с Америкой. Это непременно ведёт к разложению истинно славянского исторически сложившегося самобытного менталитета, что и представляет наибольшую опасность для воплощения славянской идеи в жизнь. Ведь при этом появляются неестественные разногласия между братскими народами, в том числе и на уровне радикально настроенного национализма.

Хотя, безусловно, за последние годы отношения России с другими славянскими государствами были довольно напряжёнными. Это касается не только давно враждебно настроенной Польши, но и восточнославянских государств – Украины и Белоруссии. Кризис в отношениях с Украиной ознаменовался приходом к власти в конце 2004 г. новых прозападных сил во главе с В.Ющенко и Ю.Тимошенко. В результате – антироссийская политика и экономический кризис, обусловленный отсутствием взаимопонимания в газовом и других вопросах. Однако это – аспект экономический, но не культурный. Стоит вспомнить хотя бы ту часть Украины, которая против вступления их страны в НАТО, акции в Крыму по приданию русскому языку статуса государственного и т.д.

Тем не менее, сейчас наступил некоторый момент просветления в политических и экономических отношениях восточнославянских государств. Недаром во время переговоров по решению проблем экономического сотрудничества России и Украины в конце сентября 2006 г. премьер-министр В.Янукович отметил: «Стороны провели

конструктивную работу по подготовке заседания межправительственной комиссии, и это важный шаг на пути нашей интеграции». Практически одновременно с Украиной белорусский лидер А.Лукашенко заявил, что, несмотря на разные подходы и взгляды на строительство союзного государства, Москва и Минск могут объединиться уже в этом году. «Из всех консультаций и переговоров я понял, что у нас разные подходы и понятия по строительству союзного государства. Союз должен строиться на принципах равноправия», - сказал президент Белоруссии в середине января 2007 г.

Безусловно, противники союза славянских народов не отступятся от своих целей, и аналитики уже ожидают нового ухудшения в отношениях Украины и России во второй половине 2007 г. Однако союз славян – это процесс закономерный. Некоторые исследователи считают, что объединение можно задержать, но остановить нельзя. Идея славянского союза – довольно стара и устойчива, не утратившая своей актуальности и по сей день. Ведь лишь упоминание о ней вселяет в людей надежду на скорые изменения к лучшему в грядущем будущем. При воплощении «славянской мечты» в жизнь можно будет наблюдать новую политическую систему на мировой арене. Эта система имеет достаточное количество предпосылок в скором будущем стать довольно устойчивой в экономическом плане. Данное «супергосударство» будет способно конкурировать как с Европейским Союзом, так и с США. При этом оно не будет агрессивно настроено в отношении потенциальных врагов. Можно предвидеть крупные конфликты с другими «гигантами» нашей планеты, но, они могут и не быть. Ведь крупные вооружённые конфликты между сверхсоюзами неизбежно приведут к масштабным последствиям. Тем не менее именно в глобальном братском союзе заключается единственно верный и эволюционный путь взаимного существования и взаимодействия братских славянских народов на пути к процветанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А.Бердяев. - М., 1990.
2. Давыдова, Л.В. Мужество знать. А.А.Зиновьев о глобальном сверхобществе и посткоммунистической России. Специальный курс / Л.В.Давыдова. - М., 2002.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я.Данилевский. - СПб., 1995.

4. Коллар, Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими / Я.Коллар // Славянство в условиях глобализации и информационной войны. - М., 2002.
5. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А.Нарочницкая. - М., 2003.
6. Очерк русской философии истории. - М., 1996.
7. Тейковский, Б. Славянское сообщество как исторический шанс развития славянских государств и евразийского сотрудничества / Б.Тейковский // Славянство в условиях глобализации и информационной войны. - М., 2002.
8. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А.Тихомиров. - М., 1995.
9. Троицкий, Е.С. Русско-славянская концепция глобализации / Е.С. Троицкий. - М., 2002.
10. Хмара, Н.И. Национализм в психологической войне Запада против славянских народов / Н.И. Хмара // Славянство в условиях глобализации и информационной войны. - М., 2002.
11. Циолковский, К.Э. Монизм вселенной / К.Э.Циолковский. - Калуга, 1998.

В.М. ЛОБЕЕВА

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Б.Н. Чичерин – известный русский философ и правовед, патриарх отечественной государственной науки. Исследователи по-разному определяют мировоззренческую позицию Чичерина: «либерализм», «консервативный либерализм», «умеренный консерватизм» и т.п. К перечисленным характеристикам можно было бы добавить еще одну: разумный либерализм. Все основные работы Б.Н. Чичерина пронизывает здравый смысл, житейская мудрость, взвешенность выводов. При этом они остаются подлинно философскими.

В данной статье автор ставит задачей проанализировать некоторые аспекты понимания Б.Н. Чичериным проблем свободы, права, нравственности и собственности, изложенные им в книге «Философия права», и образующие в целом либеральную парадигму мыслителя.

Интерпретацию понятий свободы, права, нравственности и собственности Б.Н. Чичерин дает исходя из своих либеральных убеждений. Либерализм в общегуманитарном смысле – это интеллектуальная и нравственная установка на такую организацию социального бытия, которая исходит из признания у индивида

неотчуждаемой свободы, реализуемой в политических и экономических правах и свободах, проявляющихся в рамках, очерченных действием законов, трактуемых как отражение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей.

Уже в этом определении заложено представление о самодостаточности личности, ее самоценной, данной ей от природы «естественной» свободе. Являясь ключевым, понятие свободы становится для Чичерина основополагающим и для трактовки права, в том числе и права собственности, в различных вариантах либерализма. Персонализм – производная от либерального взгляда на человека – определяет либерально-индивидуалистическую трактовку свободы, права, нравственности, собственности.

Свобода связывается с существованием субъектов, обладающих самосознанием. Она «естественное» состояние человека как разумного существа. Осознание субъектом свободы – это то, что составляет для него главное побуждение к деятельности, в том числе и к нравственному выбору в соблюдении норм права. Свобода в соотношении с необходимостью трактуется как возможность субъекта действовать по своей воле в условиях необходимости соотносить ее с волей других людей, которую воплощает закон.

Понятие свободы для человека сопрягается с его внутренним опытом. Он дает субъекту идущее от разума понимание, что различные возможности действия зависят от самого субъекта, а не от внешних сил. Существо свободы составляет способность индивида самоопределяться в этом выборе.

Свободный выбор осуществляется в условиях действия внешних объективных законов и неких материальных условий. Выбор субъекта – акт проявления его разумной свободной воли, стремящейся к определенности и самовыражению в действии. Отсюда осознание себя самого как независимой силы, объективизирующейся в результатах персонального выбора.

В основе понимания свободы – не только осознание субъектом возможности произвольного самоопределения в мире, но и возможности переходить от одного выбора к другому под влиянием внутренних побуждений. Этим определяется отношение свободы к содержанию деятельности.

Свобода рассматривается не только по отношению к изолированному бытию человека как разумного существа в мире безграничной «естественной» свободы, но и исследуется по отношению к социальной сущности личности. При этом

индивидуалистическое начало окрашивает собой определение общества как совокупности взаимодействующих единиц. Именно в этом взаимодействии обнаруживаются две диалектически связанные стороны свободы – «отрицательная» и «положительная». С отрицательной стороны свобода заключается в отрицании не только личных неразумных чувственных импульсов, но и чужой воли, ибо она извне ограничивает свободу индивида. Положительная сторона свободы предполагает возможность личного выбора. Однако он не безграничен и протекает в условиях признания свободы других лиц, что влечет добровольное самоограничение во имя чужой свободы и порядка. Нравственная сторона свободы как раз и проявляется в условиях произвольного выбора между абсолютной свободой (свободой зла) и свободой самоограничения (свободой добра).

В свете социального статуса личности «философия свободы» неизбежно сводится к выяснению отношения закона к свободе, т.е. к взаимосвязи принудительного и добровольного в отношениях индивида с другими индивидами. Добровольное мыслится как обращенное к внутренним побуждениям, производным от свободы внутренней. Принудительное трактуется как связанное с внешней свободой, внешними силами. Из принудительного рождается право добровольное – источник нравственности. Однако в либерально-индивидуалистической трактовке акцент смещается на право самоценной личности на свободное волеизъявление и в условиях внешнего ограничения. Осуществить смещение можно, переведя внешнее ограничение во внутреннее.

Важным моментом выступает идея справедливости и сбалансированного соотношения свободы и ответственности за свой выбор в условиях свободы. Или в иной терминологии: вопрос о праве – это вопрос о соотношении свободы и необходимости, который в формулах предшествующих идейных источников либерально-индивидуалистических трактовок решается следующим образом: «Не делай другому того, что не хотел бы, чтобы сделали тебе» (Гоббс), поступай так, «чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» (Кант), «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» (Гегель).

Здесь везде право определяется через свободу личности. Оно – это взаимное и добровольное ограничение индивидуальной свободы во имя общего порядка и возможности каждому реализовать свое право на свободу в условиях человеческого общежития.

Выделяется субъективное право - исконная свобода человека что-либо делать или требовать и объективное право - закон, ограничивающий рамки этой свободы. Следовательно, право - это свобода, определяемая законом. Задача права (его регулятивная функция) - подкрепить силой закона действия, предоставленные свободе каждого.

В условиях социального бытия, основанного на законах, человек соединяет свой изначальный статус разумно-свободного существа со статусом гражданина. Как гражданин каждый равен перед законом. Это непреложное требование гражданской свободы. Оно реализуется в правиле: все, что не запрещено, разрешено в силу «естественной» человеческой свободы. Из этого общего требования вытекают и конкретные гражданские свободы, составляющие общеизвестный демократический набор.

Особенно внимание Чичерина заострено на духовной и экономической свободе человека.

В отношении духовной свободы Чичерин считает, что любой человек имеет право на «свободный обмен мыслями и чувствами» [1, с.204]. Однако здесь же находится и область юридического регулирования, что предполагает определенный контроль со стороны государства. Контроль касается литературного и художественного творчества, поскольку оно «внешней» стороной связано с вопросом о собственности. Государство призвано пресекать свободу в сфере интеллектуальной собственности. С другой стороны, Чичерин полагает, что если «обмен мыслями» касается интересов «целого» (т.е. государства), то государство вправе регулировать границы подобного «обмена», то есть, признавая за личностью право на духовную свободу, Чичерин выступает против опасного радикализма в этом вопросе. Этот радикализм может исходить как от личности, так и от государства. Умеренность каждой из сторон гарантирует реальную и безопасную свободу и личности, и «целого», то есть всех граждан государства. Разумеется, речь здесь идет о политической составляющей содержания «мыслей» (идей). Если хоть что-то в этом содержании представляет угрозу государству, как высшему союзу лиц, то государство обязано оградить себя от подобной угрозы путем ограничения вредной пропаганды.

В роли высшего человеческого союза государство с помощью юридических механизмов (договоров) обеспечивает и свободу материального обмена. Материальный обмен – область отношений «экономического общества», которое является частью гражданского

общества. Экономические отношения регулируются в условиях реальной жизни, где существует иерархически организованное единство государства, гражданского общества, экономического общества, личности. Имея это в виду и исходя из либерального примата свободы, Чичерин считает недопустимым установление контроля за экономическими отношениями людей. Подобный контроль ущемлял бы личный интерес, то есть «стремление к материальным благам и к удовлетворению материальных потребностей» [1, с.205], что составляет неотъемлемое право личности. Ни гражданское общество, ни государство не должны ограничивать экономическую свободу личности, в частности, препятствовать ей по своему усмотрению распоряжаться имуществом, заниматься какой-либо деятельностью.

Б.Н. Чичерин решительно выступает против государственного или общественного регулирования в сфере производства. По его мнению, это «ведет к коренному отрицанию человеческой свободы и к превращению лица в склад товаров, то есть к низведению его на степень орудия государственной власти» [1, с.208]. Из функций государства однозначно исключается распределение имущества. Это, по мнению Чичерина, прерогатива личности как носителя «прав, принадлежащих человеку как разумно-свободному существу» [1, с.117]. Задача государства – обеспечить законность, юридическую чистоту в создании материальных ценностей, наследовании имущества, приобретении его или обмене.

Генеральное право личности на свободу определяет область применения закона, область бытия права. Юридический закон не должен посягать на внутреннюю свободу личности.

Из существа права выводится и теория наказания. Наказание – это воздаяние за свой свободный, но несправедливый выбор, порождающий зло. Преступление признается злом потому, что преступлением отрицается право других на свободу. Наказание справедливо потому, что оно отрицание этого отрицания. Иными словами, наказание восстанавливает правильные соотношения между законом и свободой. Воля, отрицающая закон, отрицается уменьшением права свободы. Тем самым утверждается торжество закона. К тому же в наказании (воздаянии) демонстрируется справедливое отношение к лицу. Оно в том, что если человек как разумное существо сам определяет для себя границы дозволенного (свободы), т.е. устанавливает «законы», ущемляющие свободу

других, то подобное применимо и по отношению к нему в части его свободы.

В своем философствовании о нравственности Б.Н. Чичерин использует как методологический прием столкновение различных точек зрения в пределах обсуждаемого предмета, критический анализ этих точек зрения, постановку проблемного вопроса и собственное решение его. При этом философ демонстрирует свою приверженность либерально-индивидуалистическим трактовкам.

Инструментом нравственных понятий и суждений личности признается разум, источником – идея абсолютного, подвластная разуму. С абсолютным связывается представление о некоем абстрактном образце долженствования, вполне совместимом с внутренней свободой личности. Как абстрактная величина этот образец инвариантен в личностно-ситуативном плане, его надо принимать как данность и следовать ему в своем свободном выборе. Имея представление о подобном рациональном конструкте, человек, даже с неразвитым нравственным началом, примет конструкт за идеал, ибо разум не отвергнет его.

Таким образом, субъектом нравственности признается человек, он выразитель абсолютного нравственного начала, которое проявляет себя в действиях и отношениях людей. Нравственными признаются отношения равенства и уважения. К другому следует относиться так, как ты бы хотел, чтобы относились к тебе («правило» Гоббса). Нравственный закон предполагает отношения отрицательные – не вредить другим (требование в форме отрицания) и отношения положительные – делать добро.

Нравственность вместе с правом регулирует взаимоотношения свободных людей, но обращены нравственность и право к разным свободам человека, право – к внешней, нравственность – к внутренней, к свободным помыслам. Связь между правом и нравственностью проявляет себя в том, что когда действие, регулируемое правом, совершается добровольно с осознанием долга, оно нравственно. По отношению к свободе закон имеет характер нравственной необходимости. Достоинство личности определяется ее добровольным нравственным выбором добра в условиях свободы выбрать и зло.

Проблема нравственности рассматривается исходя из дуалистичности человека, у которого есть физическое и духовное начало. Физическая и духовная составляющая человека обуславливают потребности (влечения) человека. Духовные

потребности определяются разумом, волей и чувствами. Среди чувств выделяется любовь. Она важнейшая составляющая социальной природы человека, так как объединяет людей. Основой любви является нравственность.

Свои природные (физические) потребности человек должен удовлетворять нравственно, т.е. контролируя влечения и окрашивая их высокой духовностью.

Разум человека реализует себя в поисках истины, воля — в действиях, по отношению к окружающему миру и подчинению его в соответствии с человеческими потребностями и поставленными целями. При этом нравственной задачей является особое поведение в мире людей. Его особенность в том, что другого следует признавать целью, а не средством в достижении удовлетворения своих потребностей. На этом держится такое важное начало нравственности, как уважение чужих интересов, стремление соединиться с другими в достижении общих целей. Действие нравственно тогда, когда оно не ущемляет интересов ближнего, следовательно, полезно для него.

Удовлетворение потребностей доставляет чувство удовольствия, полнота удовольствия - состояние счастья. Состояние счастья нравственно, поиски удовольствий – тоже, если выполняется условие: они прошли нравственный контроль. В этом смысле нравственность, как и право, выполняет ограничительную функцию.

Нормы нравственности базируются на совести. Она особенно важна как регулятор соблюдения своих и чужих интересов. При этом совесть - и критерий нравственности, и доказательство свободы в нравственном выборе. Совесть не подвластна никаким внешним принуждениям, потому лишь то имеет нравственную ценность, что продиктовано выбором свободной совести. Поскольку совесть выражает нравственную сущность человека, посягательство на совесть безнравственно.

Признание нравственными стремления человека к достижению всяких благ предполагает признание нравственным и противоположный выбор - самоотречение от благ. Самоотверженность выступает как особая, высшая, нравственная добродетель, основанная на такой нравственной силе, которая способна подчинять влечения.

В противоположность «субъективной» нравственности «объективная» проявляет себя в «мире общественных отношений – «человеческих союзов». Эти союзы, основанные на законах права и

нравственности, реализуют особую связь индивидов. Эта связь не сводится к отношениям отдельных лиц, эта связь делает каждого членом высшего целого, основанного на общем порядке. Союзы не отменяют индивидуализма. Напротив, индивидуализм как условие духовной свободы предопределяет духовное начало союза, где действует нравственность и право, гарантирующие разумный порядок в союзе, в котором каждый реализует и свою свободу, и свое истинно человеческое назначение. Таким образом, союз — условие и гарантии прав, в наиболее успешной реализации в рамках общего порядка личных интересов. И только в союзе возможно счастье осуществления общих целей. Лишь здесь сосуществуют личное и общее. При этом безнравственным определяется такое отношение общего к частному, которое связано с посягательством общего на частное. Из этого следует, что в пределах союзов не может быть установлена какая бы то ни была принудительная власть. Для мирного сосуществования людей необходимо, чтобы нравственный закон, обращенный к совести человека, приводил к добровольному желанию подчиниться порядку, основанному на юридических законах, которыми руководствуется власть. Требование уважать право не противоречит нравственному закону, а вытекает из нравственных требований добровольного правильного выбора. Столь же нравственно требование уважать порядок, основанный на праве, охраняющем его, и поддерживаемый властью.

Однако уважать можно лишь то, что само нравственно. Потому необходимо, чтобы власть в своих действиях тоже отвечала требованиям нравственности. Здесь главное - частный интерес не должен поглощаться общим. Таким образом, и в пределах общественных союзов человек - цель, а не средство. Человек со своим нравственным сознанием по отношению к власти и человеческим союзам выступает как судья, определяющий их соответствие нравственности.

На основании четырех основ общественного бытия (власти, закона, свободы, цели) образуются следующие союзы: семья, где объединяющее начало общая цель жизни на основе любви, в двух других союзах - гражданском обществе и церкви - объединяющими выступают свобода, подчиненная закону, и закон на основе свободы. Государство - важнейший союз - выражает власть. Перечисленные союзы образуют иерархическую систему. Она удовлетворяет имеющуюся у человека как у социального существа потребность жить в условиях человеческого общества.

В рамках нравственного государственного устройства каждый союз более низкого порядка не должен узурпироваться государством, хотя в нем право и нравственность сочетаются с экономической жизнью. Нравственный закон не зависит от экономического. Отсюда следует, что политэкономия, апеллирующая к нравственности, не только лженаучна, но и безнравственна как теория, ибо принуждение во исполнение равенства в любой сфере (в том числе и в экономической) — безнравственно.

Церковь - это нравственно-религиозный союз верующих, но в то же время у него есть и гражданская составляющая, так как церковь владеет имуществом. В отношениях с государством церковь должна быть независимой от государства, только тогда церковь может сохранять свой нравственный авторитет.

Нравственным является лишь то государство, которое не вторгается в область частных отношений личных свобод. От посягательств власти на эти сферы человека должен защищать независимый суд. Само же государство вследствие отсутствия над ним высшего нравственного судьи нередко решает межгосударственные противоречия с использованием права силы, ведя войну. В многонациональном государстве источник конфликтов - это стремление народов к самоопределению. И в межгосударственной, и во внутригосударственной жизни следует руководствоваться общей нравственной установкой - реализуя свой интерес, соблюдай и интересы других. На практике из этого следует: нравственным надо признать право народов на самоопределение, нравственным надо признать право на справедливую войну. Справедлива она тогда, когда ведется не по прихоти правителя, а во имя высших государственных интересов с использованием средств, несущих минимальные бедствия народам.

С позиций либерально-индивидуалистических воззрений право собственности рождается из права человека как носителя разумно-свободной воли проявлять ее в отношении мира природы и своего тела. Поскольку свободная воля - атрибут индивидуума, с ним как носителем этой воли и связывается представление о собственности, трактуемой как личной (в дальнейшем - частной).

По своей разумно-свободной природе изначально люди равны в своем потенциальном праве овладевать тем, что имеется в окружающем их пространстве. Реализуя свою свободу и волю, один выделяет что-либо в материальном мире и использует с пользой для себя. Подобный акт нередко соединяет интеллектуально-волевые

усилия с мускульными, улучшающими природные свойства объекта. Труд и делает не только возможной, но и справедливой с точки зрения права личную собственность. При этом главным основанием собственности признается вложенный в нее труд. Справедливость личной собственности обусловлена равными в условиях «естественной» свободы возможностями для каждого, в том числе и возможностью потрудиться. В труде личность через свою индивидуальную деятельность «соединяется» с предметом материального мира. Подобное соединение возможно лишь в индивидуальном акте. В этом смысле общественный труд исключается, а с ним вместе и общественная собственность. Таким образом, собственность трактуется как проявление свободы индивида в отношении к физическому миру и себе самому в части самоопределения в труде.

Вопрос о собственности решается в связи с возможностью/невозможностью ее передела. И умозрительное право присвоения, и фактическое владение распространяется только на те объекты, которые еще не присвоены. Если же все присвоено (стало личной собственностью), никто не вправе требовать раздела чужого имущества. Теперь уже собственность может приобретаться не первоначальными, а производными способами - по наследству или через куплю-продажу.

Исходя из этих рассуждений Чичерин утверждает, что материальное равенство невозможно, так как оно отрицается происхождением собственности, «восторжествовавшей в историческом процессе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н.Чичерин. – СПб.: Наука, 1998.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА, К.В. ДЕРГАЧЕВ

БИОТЕХНОЛОГИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕКА

Развитие генной инженерии и методов клонирования ставит ряд очень непростых общественных, этических, правовых, религиозных и философских проблем. Исследователи говорят о блестящих перспективах биотехнологий. Тем не менее, не имея опыта отрицательных последствий, они все же признают степень риска

данной деятельности. Серьезность данной проблемы не вызывает сомнений. В статье будут рассмотрены некоторые социоприродные аспекты проблемы биотехнологий в техногенном обществе.

Промышленная революция конца XVIII века стала рубежом между аграрной и постаграрной (техногенной) общественными системами, инициировала создание качественно новых производительных сил – научно-технических и качественно нового типа среды обитания людей – трансформированной природной и создаваемой техносферной, положила начало очередному крупному этапу научно-технического прогресса и тем самым подготовила научно-техническую революцию середины XX века. Промышленная революция означала переход на небиеосферные, созданные онаученным человеческим разумом, искусственные технологии и разрыв с биосферными.

Глобализирующееся под воздействием научно-технического прогресса и других факторов техногенное общество нарастающими темпами меняет социальный и природный мир планеты Земля. Искусственная направленность техногенной трансформации общества ведет к разрушению природной среды и нарастанию эволюционного экологического кризиса и экологического коллапса человечества [4], о котором предупреждали ученые Римского клуба три десятилетия назад.

К началу эпохи НТР стало осознаваться ухудшение экологической ситуации, особенно в странах с промышленным способом производства общественной жизни. Здесь истреблялись экосистемы, биологические виды, целенаправленно создавались искусственные социоприродные системы промышленного и сельскохозяйственного назначения, которые поддерживались хозяйственной деятельностью человека. В процессе НТР исключительно большую роль стала играть наука, которая превратилась в непосредственную производительную силу общественного развития и социоприродных преобразований.

Одним из ярких примеров небиеосферных технологий в 1970-е годы стала генная инженерия, которая опирается, с одной стороны, на древнейшие традиции бродильных и микробиологических производств, а с другой, на новейшие открытия биологических наук,

генную, клеточную и эмбриогенетическую инженерию. Биотехнология – это наука об использовании живых организмов и биологических процессов в производстве. Особый практический интерес представляет введение в геном животных различных генных конструкций, в том числе генов других животных и человека, генов растений и микроорганизмов, а также совершенно новых генных конструкций, не имеющих аналогов в природе.

В XXI веке ускоренное развитие человечества и улучшение многих условий его жизнедеятельности будет достигнуто именно благодаря биологизации, так как эффективность применения биотехнологий достаточно высока, хотя их методы пока еще являются затратными. Достижения биоиндустрии направляются на охрану окружающей среды путем биотехнологических методов контроля за состоянием водных ресурсов, почв, воздушного бассейна, лесов, а также внедрения новых средств их защиты, замену ряда опасных химикатов в сельском хозяйстве экологически безопасными биотехнологическими, производство экологически чистых продуктов питания в пищевой промышленности.

Среди лидеров мировой биоиндустрии – развитые техногенные общества: США, страны Западной Европы и Япония. В США развитие биоиндустрии определяется экономическими предпосылками и стремлением получить максимальную прибыль в короткие сроки от реализации инновационных технологий и товаров. В отличие от США в Западной Европе большее внимание уделяется фундаментальным теоретическим разработкам, а не прикладным практическим работам. В конце 1990-х годов, по данным Н.В.Алисова и Б.С.Хорева, в биоиндустрии насчитывалось более 1100 компаний, в которых работало около 200 тыс. научных сотрудников, а вместе с вспомогательным и обслуживающим персоналом – свыше 500 тыс. (т.е. примерно столько же, сколько в авиационной или автомобильной промышленности страны) [1, с.413].

В настоящее время в процессе восхождения *глобального метасоциума* (Э.С.Демиденко) и при его помощи формирования *глобальной социоприродной системы* на земном шаре складывается постбиосферный (или техно-ноосферный) живой мир. В этом мире будут сосуществовать как трансформированные (одомашненные,

окультуренные, социализированные) биосферные организмы, так и техно-ноосферные, то есть созданные учёными и специалистами по технологиям в научных лабораториях. К ним относятся биотехнологические, клонированные, генетически модифицированные, трансгенные, объединяющие гены растений и животных и другие живые искусственные организмы. По данным С.Г.Спасибенко, из выращиваемой на Земле сои трансгенной в начале XXI века является уже 36%, хлопка – 16%, кукурузы – 7% и т.д. [11, с.109]. В животноводстве генная инженерия ведет к повышению удоев молока на 30%, быстрому росту скота, а повышение урожайности сельскохозяйственных культур – к уменьшению посевных площадей [1, с.409, 411]. Таким образом, на основе наукотехники появляются новые, искусственные формы жизни, которые существуют с трансформированными биосферными. Перспективы распространения таких организмов пока предсказать трудно, поэтому многие учёные выступают за ограничение их введения в биосферу, особенно клонированных и трансгенных.

Получение трансгенных растений является сейчас одним из перспективных и наиболее развивающихся направлений агропроизводства. Создание трансгенных растений с заданными хозяйственно ценными свойствами (а также свойствами, не имеющими аналогов в природе) требует гораздо меньше времени, чем селекция, и позволяет решить целый комплекс проблем, как агротехнических и продовольственных, так и технологических, фармакологических и т.д. Кроме того, уходят в прошлое пестициды и ядохимикаты, которые нарушали естественный баланс в локальных экосистемах и наносили невосполнимый ущерб окружающей среде. Однако остается нерешенной проблема поведения трансгенных растений в природе. Как отмечает В.Моисеева, существует опасность перенесения свойств таких растений на диких родственников, что будет способствовать распространению одних видов и угнетению (или уничтожению) других. Таким образом, масштабы этого явления и цепочки последствий трудно предсказуемы, поэтому во многих странах введен запрет на использование данных растений [6, с.65].

Одной из главных причин ожирения людей является возрастающее количество продукции, содержащей различные

синтетические, химические и генетические добавки, консерванты, а также сокращение производства уникальных и экологически чистых продуктов питания. Искусственная продукция экономически более рентабельна, так как в течение длительного времени может сохранять свои потребительские свойства. Однако воздействие ее на организм человека еще не до конца изучено и постепенно появляется сомнение в том, что они абсолютно безвредны.

При всем многообразии положительных свойств (например, включение в продукты витаминных добавок и т.д.) такой продукции в основе ее «конструирования» человеческим разумом лежит не только гуманная потребность накормить все голодающее население планеты, но и рыночная рациональность – менее затратными методами получить большую прибыль. Однако в жизни все оказывается не так просто. Так, за последние 10 лет – а именно столько времени прошло с начала массового внедрения генномодифицированных (ГМ) культур в сельском хозяйстве – средний вес американцев увеличился почти на 2 кг, при этом средний рост остался прежним. В первую очередь от ГМ-продуктов пострадает молодое поколение. Уже сейчас американцы переживают первые последствия. Это результат гормональных сдвигов, вызванных тем, что женщины во время беременности употребляли в пищу куриное мясо, в котором содержались добавки (куриные гормоны роста), а их дети по достижении возраста 11–12 лет стали страдать ожирением.

О последствиях для дальнейшего эмбриогенеза можно только догадываться, так как научно-исследовательские проекты подобного рода бизнесом не финансируются. Американские ученые разделяются на два лагеря: одни считают, что ГМ-продукты совершенно безвредны; другие полагают, что в скором времени (через 50 лет) на американском континенте не останется ни одного «естественного» живого организма – все живое будет генетически модифицированным, и призывают Европу, Россию и все остальные страны, где данные технологии пока не распространены, категорически запретить все генные разработки. По их словам, сейчас под угрозой находится уже не столько здоровье человека, сколько выживание всей нашей биосферы. Подобной точки зрения придерживаются и российские ученые. «Это [ГМ-продукты]

элементарное отмывание денег, и никакие из тех мифов, которые столь активно запускаются сегодня в СМИ (накормить голодных, повысить урожайность, помочь детям в странах третьего мира, страдающим авитаминозом, дистрофией и т.п.), не имеют ничего общего с действительностью, – подчеркивает сотрудник Института биологии развития РАН, кандидат биологических наук А.Баранов. – И то, что человеческий организм рано или поздно сумеет адаптироваться к новым генным продуктам, – это тоже миф. Это биологически чужеродные нам элементы, и если все так и будет продолжаться, то мир будет просто обречен на катастрофу. В США процессы внедрения ГМ-технологий уже практически неконтролируемы. И последствия, к которым это все приведет, предсказать, увы, невозможно» [8]. На фоне многочисленных протестов населения против ГМ-продуктов представители бизнеса придерживаются мнения, что выбор продуктов питания является личной ответственностью человека за принимаемые решения. Однако о каком выборе может идти речь, если постепенно большинство продуктов питания будет создаваться посредством биотехнологий.

Кроме того, планируется появление на прилавках американских магазинов мяса и молока клонированных животных, причем на этикетках не будет обязательно указано, что эта еда – результат генетических экспериментов. Правительство Соединенных Штатов сочло такие продукты абсолютно безопасными, так как клонированное мясо, содержащее гены самых лучших животных может оказаться качественнее и вкуснее обычного. Сторонники клонирования считают, что искусственными продуктами мы питаемся уже несколько десятилетий – это консерванты и красители, а также продукты-заменители (например, соя вместо мяса) [7], поэтому не стоит противодействовать дальнейшим научным разработкам и их использованию в питании.

Новые технологии производства продуктов питания путем клонирования внушают опасения, особенно населению Западной Европы и Японии. И хотя легендарная овечка Долли появилась на свет более 10 лет назад, за столь короткий период неизвестные пока последствия могли не успеть проявиться. Клонирование животных еще не достигло промышленных масштабов, при которых они

продаются в магазинах США или любой другой страны. Однако времени для противодействия распространению клонированных продуктов немного – все необходимые технологии разработаны и находятся в ожидании широкомасштабного применения. Клонирование перестало быть сугубо научной областью знания и готово изменить жизнь каждого. Стремление США к распространению в мире трансгенной продукции – это, во многом, *экономический вопрос*, а не решение проблемы голода или неурожая. Проблему голода в мире генные технологии пока все равно не решили, а главное достижение биологии XX века потребители уже называют «едой Франкенштейна».

Широкое распространение трансгенных продуктов питания встречает сопротивление со стороны сельхозпроизводителей, которые выступают против такого *биоимпериализма*. Действительно, если рассматривать глубинные основы осуществляемой сейчас *сельскохозяйственной глобализации*, то необходимо отметить, что наряду с численным сокращением фермерских хозяйств, замещаемых малочисленными научными производствами-лабораториями, и падением стоимости трансгенной продукции будет происходить падение производства экологически чистой биосферной продукции, которая значительно вырастет в цене и будет доступна только «золотому миллиарду человек». И хотя фермеры собираются придерживаться традиционных аграрных технологий, следует трезво оценить ситуацию. Генетически модифицированные растения уже вызывают необратимые изменения в природе. Так, согласно исследованиям американских ученых, более половины продуктов питания уже содержит измененные цепочки ДНК [10]. Это объясняется происходящими в природе невидимыми переменами: модифицированные гены путем опыления или через пищу проникают в живые организмы, вызывая мутации. Семена при транспортировке попадают в окружающую среду, скрещиваются с биосферными и дают потомство. Таким образом, уже в XXI веке нормальных, биосферных животных и растений без генетических изменений может и не остаться, а фермеры, специализирующиеся на здоровом, биосферном питании, потеряют свой рынок. По мнению экспертов, единственный способ

спасти генофонд для будущих поколений – создать генетический банк, где будут храниться образцы естественных природных организмов.

В то же время процесс внедрения биотехнологий в сельскохозяйственное производство идет очень быстрыми темпами. С одной стороны, выращивание трансгенных растений экономически рентабельно, а с другой стороны, многие ученые убеждены, что генетически модифицированные растения позволят резко ослабить трансформирующее воздействие аграрного производства на природную среду. Так, в начале XXI века в США планировалось половину всех посевов кукурузы проводить трансгенными семенами, устойчивыми к вредителям и болезням. Считается, что за счет экономии на гербицидах и удобрениях фермеры будут ежегодно получать 4-5 млрд долл. дополнительного дохода [5, с.56].

Г.В.Максимов и коллектив соавторов книги «Использование биотехнологии и генной инженерии», задаются вопросом: нужна ли аграрной России трансгенная технология, если потери из-за сорняков на полях и вредителей значительны? Россия теряет 34,6% злаковых культур, 42% сахарной свеклы, 37% подсолнечника, 46,2% картофеля. Население потребляет 35 млн т картофеля ежегодно, что в денежном выражении составляет примерно 7 млн долл., а потери исчисляются в 3,5 млн долл., тем более, что в США и Канаде 25% всех посевных площадей под картофель засевают посадочным материалом, сконструированным методами генной инженерии. На долю США, которые производят не менее 150 наименований генетически измененных продуктов, приходится 88% посевов трансгенных растений в мире. Всего в мире в начале XXI века посевы трансгенных растений занимали около 60 млн га. Существует также торговая конкуренция между США и Европой, в которую также втягивается и Россия. Исходя из этих размышлений, авторы делают вывод: необходимо возродить российскую биотехнологию на новом современном уровне, поддержать фундаментальные научные разработки. И в этом ведущая роль должна принадлежать государству, пока по уровню развития биотехнологии Россия не входит в число развитых и даже развивающихся стран.

Г.В.Максимов со ссылкой на академика К.Г.Дебабова отмечает, что главная беда российского общества - непонимание роли науки.

Многочисленные прикладные научные институты (в том числе государственные) руководствуются практическими интересами, то есть во главу угла ставят получение прибыли. Необходимо ввести новый статус российского научного государственного предприятия, целью деятельности которого станет не получение прибыли, а научные фундаментальные разработки в области биотехнологии, которые в будущем должны принести ощутимую пользу всему обществу [5, с.56-59, 116-118]. Пока же мы можем наблюдать огромное разнообразие трансгенных растений и животных, созданных онаученным человеческим разумом. Стоит отметить лишь некоторые, наиболее интересные творения генной инженерии. Это, например, семечки генетически модифицированного подсолнечника, из которых получают масло, по вкусу и составу близкое к оливковому; трансгенные сорта гороха, сои, злаков с улучшенным составом белков; трансгенные томаты, пригодные для длительного хранения (причем некоторые сорта томатов не способны передавать модифицированные гены соседним растениям); томаты без зернышек и другие бескосточковые овощи и фрукты; сорта помидоров, которые можно поливать соленой водой, что позволит повысить урожайность в зонах, где содержание соли в почве превышает норму; салат, содержащий генетический материал крыс, благодаря чему содержание в нем витаминов возросло на 700% (хотя это может отпугнуть потребителя); морозостойкая лоза; картофель с полным набором человеческого материнского молока – для поднятия иммунитета; овцы, которые при одинаковой с обычными аналогами живой массе потребляли в 1,5 раза меньше корма, имели большую мышечную массу при уменьшении жировой, а также в 1,5 раза превосходили их по шерстной продуктивности и др.

Многие ученые считают, что такие биотехнологии будут приносить пользу не только людям, но и природной окружающей среде. Однако, признавая важность предотвращения экологического кризиса, еще раз подчеркнем: такая польза – лишь одностороннее видение решения глобальных проблем (и экологических, и продовольственных). Ситуация может оказаться намного серьезней: наращивая искусственный биопотенциал, вводя новые организмы в биосферу, мы, тем самым, нарушаем естественное природное

равновесие, которое сложилось задолго до появления человека в биосфере. Уничтожая и трансформируя биожизнь, которая на протяжении миллионов лет создавалась в биосфере, человечество выступает инициатором возможной бифуркации («возмущения») в биосфере, в результате которой сам человек со всем своим искусственным окружением может оказаться лишним элементом на планете Земля, то есть наступит естественный предел человеческого существования. Биосфера же перейдет на новый уровень своего развития (самоорганизации) без трансформирующего фактора.

Технобионты (биологические искусственные организмы) рассматриваются как один из вариантов решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Характерной чертой технобионтов является способность встраиваться в естественные природные циклы, предотвращая дестабилизацию биосферной системы. Так, например, путем биотехнологической очистки сточных вод, переработки не утилизируемых отходов сферы материального производства и коммунального хозяйства будет осуществляться регуляция в социоприродной системе. Вместе с тем непродуманное использование технобионтов может привести к нарушению равновесия в природной среде. Создание технобионтов, сочетающих в себе свойства биологических организмов и технических устройств, в будущем существенным образом изменит жизнь человека, преобразит его отношения с техникой, будет способствовать возникновению принципиально новой среды обитания человека – биотехносферы [9, с.997], но это, конечно, еще не решает глобальных экологических проблем.

Следует заметить, что введенный А.В.Сидоренко термин «биотехносфера» и интерпретация этого термина С.В.Светловым и Ф.И. Тютюновой не отражает действительной его сути. Речь идет о качественно новой форме организованности биосферы под влиянием инженерно-хозяйственной деятельности человека, то есть насыщении биосферы «техно». И поскольку биосфера сохраняется, трансформируясь под воздействием технико-технологической деятельности, то лучше применить термин «технобиосфера» [12, с.82-83]. Понятие «биотехносфера» больше сродни понятию

«биотехнология», «биотехника», где речь идет о процессах и комбинациях живого вещества (как части биосферы) с «техно».

В связи с масштабным развитием биотехнологий актуальной становится проблема трансформации и деградации человека. Происходит искусственная трансформация телесности человека – замена больных органов на новые, сделанные или выращенные из небиологических и биологических материалов в современных медицинских лабораториях. Изменение природных свойств человека становится возможным не только в результате интеграции человека и технических устройств, но и благодаря новому направлению в генной инженерии – возможности клонирования человека. Уже сегодня человек может искусственно изменять свой генотип. Несмотря на то что в ряде стран общественность выступает против таких экспериментов и даже вводятся законодательные ограничения и религиозные запреты, манипуляции с генетическим материалом предполагают возможность разработки новых подходов к диагностике и лечению серьезных наследственных заболеваний человека, противодействие процессу старения, продление человеческой жизни. Терапевтическое клонирование делает свои первые шаги и сулит большие перспективы в медицине. Его цель – вырастить здоровые биологические ткани и органы на замену потерявшим свои функции. Однако человеческое соавторство с биологической эволюцией способствует появлению новых медико-биологических рычагов управления и власти над человеческой жизнью и, следовательно, ограничением человеческой свободы. На это обращает внимание Е.Н.Гнатик, исследуя философско-гуманитарные аспекты проблемы клонирования человека [2, с.112-121]. Она подчеркивает, что происходит формирование жизни с определенными качественными параметрами, искусственное «усовершенствование» человеческого рода, упрощение смысла личной индивидуальности, неповторимости, деградация семьи в традиционном смысле слова, движение в направлении создания «высшего класса» человеческих существ, формирования тем самым предпосылок для биогенетического, а впоследствии и социального неравенства. О грядущей социальной стратификации человеческого общества по генетическому признаку также пишет Ф.Фукуяма [13].

Отечественные и зарубежные исследователи делают акцент на возможных социальных последствиях генетической революции и этических проблемах таких нововведений, но современное техногенное (социоприродное) изменение биосферной сущности человека, начавшееся еще в эпоху промышленной революции (и даже ранее – в земледельческом обществе, когда стал ослабевать естественный отбор), у них остается без внимания. Этот вопрос находит отражение в концепции формирования метаобщества и постбиосферной земной жизни, разрабатываемой Э.С.Демиденко. Он изучает уже состоявшиеся изменения в судьбе человека, вопросы вытеснения естественного человека социальным и техносоциальным, более «совершенным» искусственным созданием, то есть исследует трансформации биожизни, происходящие в современном мире в результате прогресса технических творений человеческого разума. Прогрессирующие социальные потребности современного человечества, по его мнению, являются неизбежной предпосылкой отдаления человека от биосферной биоприроды, ее уничтожения и формирования нового человечества, интегрированного на основе «био», «социо» и «техно». «Человечество, - подчеркивает Э.С.Демиденко, - встревожено уничтожением природы, однако не замечает «конца света» природно-биосферного человека, который изменяется во многом в нежелательном для человечества направлении». И далее он отмечает, что стратегия сохранения биосферной жизни и биосферного человека на земном шаре должна строиться на принципах согласования «интересов» биосферы и в их границах выстаивать интересы человека и мировой цивилизации» [3, с.105-118].

Безусловно, научно-технический прогресс не остановить, да и это не решит проблемы. По-видимому, исследования в области биотехнологий вполне допустимы, очень важны и должны проводиться, хотя создание генетически модифицированных продуктов питания встречает сопротивление во многих странах, это также касается проблематики клонирования человека. С одной стороны, происходит улучшение социальных и природных параметров человеческого существования, борьба с природными болезнями и решение продовольственных проблем на планете и др., с другой стороны, теряется естественная природная уникальность природной

среды в совокупности с биожизнью (биосферными животными растениями и человеком), которая является первозданным творением биосферы. Под действием рыночной экономической и научно-технической рациональности происходит изменение всего типа жизни на земном шаре, переход на новый, искусственный уровень регуляции и развития технобиосферы. Выход из создавшейся ситуации нам видится не в «удалении» биотехнологической (научно-технической) подсистемы из системы человеческой жизни, а в гуманизации и противодействии ее экономизации, в разумном сочетании со всеми другими системами. Противоречия дальнейшей рационализации социоприродной жизни должны решаться на общечеловеческом уровне, который предполагает взаимодействие государств и научных организаций в общемировом масштабе для предупреждения негативных эффектов такого внедрения. Необходимо сохранять биосферную жизнь, которая миллионами лет складывалась на нашей планете, отделять биотехнологические процессы от биосферных, сохраняя саморазвивающуюся биосферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисов, Н.В. Экономическая и социальная география мира / Н.В.Алисов, Б.С.Хорев. – М., 2001.
2. Гнатик, Е.Н. Философско-гуманитарные аспекты проблемы клонирования человека / Е.Н. Гнатик // Вестник РУДН. – Серия: Философия. – 2003. - №1.
3. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.-Брянск, 2006.
4. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
5. Максимов, Г.В. Теоретические и практические аспекты использования биотехнологий и генной инженерии / Г.В.Максимов, В.Н.Василенко, В.Г.Максимов, А.Г.Максимов. – М., 2004.
6. Моисеева, В. Трансгенные растения / В. Моисеева // Энциклопедия живой природы. – Т.9. – М., 2007.
7. Ножкин, В. Клонировать и съесть / В. Ножкин // www.vesti.ru – 29.12.06.
8. Романова, Е. Америка отказывается от ГМ-продуктов / Е. Романова // <http://scd.centro.ru/rass.htm> - 15.03.04.
9. Светлов, С.В. Технобионты / С.В. Светлов // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
10. Собиев, Д. «Трансгены» переделывают природу / Д. Собиев // www.vesti.ru – 24.02.04.
11. Спасибенко, С.Г. Биолого-генетические основания социальной структуры человека / С.Г. Спасибенко // Социально-гуманитарные знания. – 2002. - №3.

12. Тютюнова, Ф.И. Биотехносфера / Ф.И. Тютюнова // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
13. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф.Фукуяма. – М., 2004.

В.М. ПОСТАВНЕВ

ДЕТИ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА – ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Социологи отмечают многие стороны социальных и заметных социоприродных изменений под воздействием техногенного развития и глобализации. Техногенная эволюция нашей планеты привела к небывалому росту общественных богатств и улучшению жизни населения во всём мире.

Особенно широкий простор в XX веке открылся образованию населения. Так, если в начале XX века менее шестой части населения планеты было грамотным и полуграмотным, то в начале XXI в. – свыше 85 % населения имеет начальное, среднее и высшее образование, что составляет сейчас 5,6–5,7 млрд человек. Возросла роль науки и научного обслуживания. Если в 1800 году в мире насчитывалось чуть больше 1 тыс. ученых, в 1900 году – примерно 100 тыс., то сейчас свыше 5 млн человек занимается научной деятельностью, т.е. являются учеными и исследователями [4, с.58].

Эти и многие другие факты позволяют многим мыслителям и учёным говорить, что техногенное общественное развитие благодаря достаточно развитым научно-техническим производительным силам открывает невиданный простор для возможного прогресса человечества в XXI и последующих веках.

В русле таких надежд в научных и научно-популярных изданиях сейчас публикуется немало статей об интеллектуальном подъёме населения планеты и особенно о так называемых «детях индиго», которые с конца XX века чуть ли не лавинообразно появляются на свет. В качестве отличия этих детей от обычных отмечается особый тип биоэлектрической активности мозга и соответствующий ему особый, ранее не встречавшийся цвет ауры – индиго. Эти дети, дескать, возвещают собой новый шаг в эволюции человечества: благодаря им придет новое общество, основанное на честности, сотрудничестве и любви. Они обладают высокоразвитым с детства сознанием. Они нетерпимы к несправедливости, неискренности,

фальши. Они не сомневаются в своей значимости и, получив значительный объем знаний в детстве, ощущают свое превосходство над всеми. Их поведение строится на основе созданных ими убеждений, а не на выработанных обществом традициях и нормах нравственности. Этих детей возводят даже в ранг философов, поскольку их суждения о смысле жизни, предназначении человека, о Вселенной и Боге отличаются оригинальностью и основаны на определенном объеме знаний. Однако в тоже время они не находят понимания взрослых, необщительны, с завышенными требованиями к окружающим. Авторы книги «Дети индиго» Ли Кэррол и Джен Тоубер [14] призывают не мешать развиваться таким детям, помогать им во всем, поскольку в них будущее мира.

В свою очередь на страницах печати поднимается и проблема «детей – исчадия ада». Они чем-то похожи на «детей индиго», поскольку для них тоже нет авторитетов, их «Я» – превыше всего. Правда, если для «индиго» все-таки авторитетные люди находятся из числа высокообразованных, много знающих и понимающих их, то для детей «из ада» вообще нет авторитетов, нет никаких *социально одобряемых внешних ориентиров* во взаимоотношениях с людьми. Они тоже получили раннюю социализацию, но эта социализация скорее с большим знаком минус, она вобрала в себя *социальные пороки современного общества*.

В «Московском комсомольце» (2006, 27 июня) в статье «Чадо из ада» описывается такой ребенок. В четыре года деревенскиймышленный малыш Никита сам научился читать и в это же время ограбил ларек с газетами ради «картинок». В шесть лет пострадал кабинет директора местной школы. Затем передувшил всех кошек в селе при помощи украденной им бельевои веревки. Где-то с четырех лет он уже стоял на учете в детскои комнате милиции. Никакие внушения работников милиции не могли изменить поведение ребенка: Никита продолжал постоянно драться и воровать. Не справлялась с ним и пьянствующая мать, меняющая мужей-сожителей. После того как мальчишка ограбил аптеку, вынес оттуда все запасы презервативов, наполнил их водой и развесил по деревьям, очередному сожителю «дяде Гоше» посоветовали отстегать мальчишку ремнем ради воспитания. Выполнив свой «родительский долг», дядя Гоша напился и завалился спать. Он и не подумал, что в головке десятилетнего пасынка вызревает план мести вплоть до

убийства. Когда нашли труп дяди Гоши, милиция стала искать преступников, но никаких зацепок не было. На третий день опять пришли на место происшествия. В огороде копошилась улыбчивая шестилетняя девочка Юляша, которая симпатизировала Никите.

- Знаешь, дядю Гошу недавно убили, папку Никиты. Ты случайно никого чужого возле их дома не видела? – спросили опера девочку, не надеясь на успех.

- Чужого не видела, - серьезно кивнула малышка «дядям ментам». – А убили дядю Гошу мы с Никиткой.

- Дяди милиционеры, Никитка на дядю Гошу очень обиделся за то, что тот его поколотил, - объясняла на допросе рассудительная Юляша. – И поэтому он решил его убивать, понимаете? А тут я вошла. И мы решили убивать его вместе. Сначала мы его думали отравить «Белизной» для стирки, но он не отравился. Тогда Никита стал его зарезывать. Он его долго зарезывал – и по животу, и по шее, но дядя Гоша так и не проснулся. Наверное, он уже умер. А потом я обложила его газетами, чтобы поджечь весь дом и никаких следов не осталось. Это была такая интересная игра...

«...С каждым годом, - объясняет корреспондент статьи, - безжалостных детей-преступников, как Никита, становится все больше. Это не распушенность, не отсутствие воспитания и даже не вина общества. Вернее не прямая его вина».

В своем интервью для книги «Дети индиго» Нэнси Энн Тэпп пишет: «...Все дети, убивавшие своих школьных товарищей или родителей, которых я ... наблюдала, - были из числа «индиго»» [Цит. по: 14, с.8]. Вполне возможно, что Энн Тэпп встретилась с таким явлением, когда в одних и тех же детях сошлись черты «индиго» и «исчадия ада», но все-таки наши наблюдения показывают: среди детей существует огромная дистанция между сверхспособными детьми и детьми, находящимися на другом полюсе способностей. Вполне возможно, когда те и другие обладают психической неустойчивостью, ранимостью, то в какой-то момент могут совершить необдуманные поступки под воздействием стресса или других причин. А в целом между теми и другими детьми – огромная пропасть. Среди самих детей «индиго» (не будем отрицать раннего развития таких детей) мы встречаем детей как воспитанных и в силу воспитания остро реагирующих на несправедливость, зло и ложь, так и детей без «нравственных тормозов». Почему же детей «индиго»,

«исчадие ада», физически и психически больных, инвалидов становится все больше и больше?

Затронутый в статье вопрос - вопрос о трансформациях человека и, естественно, детей в эпоху техногенного развития. Стремительные научно-технические открытия и их массовое использование для удовлетворения не только крайне необходимых, разумных потребностей, но и «потребительских» прихотей спровоцировали нарастающее вмешательство как в механизмы биоприродного развития, так и человеческого. Диктуемое будто бы гуманностью, стремлением обеспечить человечество неограниченными богатствами, максимально продлить человеческую жизнь, такое вмешательство в итоге приводит к иным последствиям - разрушает нашу жизнь, устоявшуюся за тысячелетия, противоречиво трансформируя и самого человека.

На потерю природных свойств человека под воздействием промышленного развития, пожалуй, впервые обращает серьёзное внимание еще в 80-е годы XX века американский ученый Д. Вайнер. В своей книге «Модель природы: экология, охрана природы и культурная революция в советской России» он пишет о том, что человечество все дальше отрывается от природы, разрушает ее и тем самым разрушает и собственную природу. Он отмечает, что индустриальный человек утрачивает свои природные свойства [23, с.289-306]. Становясь носителями культуры, гоминиды все в меньшей мере оставались природными существами, отмечают, А.П. Назаретян и И.А. Лисица [16, с.149-158], то есть каждая ступень человеческой эволюции не приближала человека к природе, а удаляла от нее. А.П. Назаретян в ряде своих философских работ обращает внимание на открытый им закон современного развития человека – «удаления от естества». «Стежневая тенденция изменений, пронизывающая историю и предысторию общества, состояла в *последовательных переходах от более естественных к менее естественным состояниям*» [17, с.128]. И действительно, человек не столько адаптировался к переменам, хотя степень адаптации у него самая высокая из высших животных, сколько социализировал окружающий мир и приспособлял его к своим возрастающим потребностям и интересам.

Пожалуй, наиболее цельную картину человеческих изменений в техногенном обществе (и мире) даёт социолог-урбанист, доктор

философских наук Э.С.Демиденко, выступивший в 1993 году с докладом на XIX Всемирном философском конгрессе с проблематикой экотехнологической трансформации человека [11]. В его многочисленных научных публикациях не только раскрывается картина формирования техногенного земного мира, но и раскрывается противоречивая картина стремительного развития ряда социальных качеств человека (сознания, образования, профессионализма, роста потребностей и интересов) и такой же нарастающей деградации его природных свойств [8, с.23-42]. В то же время он формулирует основные принципы, предлагает меры по спасению биосферы и биосферного человека [5, с.29-43].

С одной стороны, в техногенном обществе идут ускоренные процессы социализации человека, биологического развития растений и животных, а с другой – техносфера и техногенность развития отрицательно воздействуют на состояние здоровья человека, разрушают его природные качества и функциональные системы – сердечно-сосудистую, репродуктивно-половую, эндокринную, иммунную и другие. Как отмечают многие исследователи, за два последних столетия физическая нагрузка на человека снизилась примерно в 10 раз, в результате чего в наиболее развитых странах сердечно-сосудистые и связанные с ними болезни составляют 50 – 55 %. Население наиболее развитых стран не только само страдает от так называемых «цивилизационных болезней» (серечно-сосудистых, аллергических, генетических, психических, бронхоспастических), но от десятилетия к десятилетию здесь рождается все более и более «хилое» поколение. Особенно это касается тех развитых стран, которые оказались в кризисном состоянии. Так, по заявлению первого вице-премьера России С. Иванова в теленовостях, за последние 15 лет состояние здоровья молодого поколения нашей страны ухудшилось примерно на 60 %. По исследованиям академика РАН и РАМН Н.А.Агаджаняна, только за последние 30 лет XX века иммунная система ухудшилась в 2-2,5 раза [1, с.92-93]. Это означает, что ребенок, родившийся в 2000 году, имеет иммунную систему в 2 раза слабее, чем родившийся 30 лет до этого.

Каким же коренным изменениям подвергается человек в условиях техногенного развития? Каковы основные причины этого? Анализируя труды современных видных философов, социологов и мыслителей, исследующих в комплексе проблематику человека - И.А.

Анчурина, В.С. Барулина, Е.Н. Гнатик, П.С. Гуревича, Э.С. Демиденко, В.А. Кутырева, А. Печчеи, К. Уорвика, Ф. Фукуямы и многих других, мы можем отметить следующее.

Во-первых, как подчеркивалось выше, десятикратное снижение физической нагрузки на человека за два столетия привело к гиподинамии и нарастанию разрушения сердечно-сосудистой системы, что потребует сейчас физической компенсации за уже пределами трудовой деятельности. Пока что гиподинамия человечества лишь в незначительной мере компенсируется спортом, физическими упражнениями, огородничеством, не решая самой проблемы.

Во-вторых, человек выходит из сферы естественного отбора. Если, по переписи населения в 1897 году в России умирало 43 % детей в возрасте до 5 лет, то сейчас - в пределах 2 % [16, с.136], что приводит к воспроизводству не только генетически наследуемых болезней, но и слабого от природы человеческого тела.

В-третьих, с изменением экологического состояния природной среды и биосферы в целом, особенно загрязнениями искусственными химическими веществами, стремительно ухудшаются фундаментальные условия природной жизни – почва, воздух и вода. Человек как биологический вид (кроманьонец) и как составная часть биосферы, разрушает биосферу и тем самым разрушает свой организм, выпестованный биосферой и повседневным напряжённым физическим трудом.

В-четвертых, изменения в человеке происходят и в связи с изменением его экологии. Особенно тревожной становится экология городского человека. Если раньше экология человека совпадала с экологией биосферы, то в условиях техногенного развития экология человека и окружающей среды расходятся. Все большую роль в биосфере играют искусственные химические вещества, что и изменяет внутреннюю экологию человека и состояние здоровья человека.

В-пятых, человек переходит из биосферных условий жизнедеятельности в техногенные, по своей сути, что меняет весь характер его жизнедеятельности и образа жизни. Техносфера как искусственный неживой мир, с одной стороны, создает весьма благоприятные условия для социализации человека, ускоренного развития его сознания, высокого уровня образования и профессионализма, а с другой стороны, приводит к деградиционным

процессам. Травматизм и онкология занимают в структуре смертности второе и третье места после сердечно-сосудистых болезней.

В-шестых, значительная группа проблем развития человека связана с так называемыми вредными привычками: курением, употреблением алкоголя и наркотиков. Опасность курения повышается с каждым годом в результате усиления загрязнения окружающей среды, ослабления иммунной системы человека и коммулятивного воздействия никотина во взаимосвязи с химическим небiosферным окружением. Так, с 1960 по 1980 годы в 28 индустриально развитых странах смертность от рака легких выросла у женщин более чем в 200 раз, тогда как у некурящих примерно в 10 раз [18, с.340]. Курящие женщины сейчас в 9 раз меньше рожают детей, у них вообще нет шансов родить здорового ребенка. Алкоголь и наркотики подтачивают генетический фонд человечества.

В-седьмых, трансформационные процессы связаны со стремительным сокращением сферы физического труда и нарастанием умственного труда. Высокий уровень образования и знаний является залогом социального успеха человека и благосостояния нации. Однако при этом многократно возрастает нагрузка на психику человека, что ведет к психическим и психологическим проблемам человека. Перенапряжение психики человека (деятельностное, учебное, информационное, шумовое, эмоциональное) стало явлением повседневным. В США от всех болезней, которые связаны с мозговой патологией, страдает примерно 50 млн человек, т.е. каждый пятый-шестой, в России – каждый десятый, что из года в год вызывает потребность в новых рабочих местах психологов и психиатров. Рынок психотропных лекарств за последние полвека увеличился в 4 раза, а разработка таких лекарств становится одним из основных направлений развития фармацевтики в развитых странах. Так, продажа «психотропников» занимает второе место после сердечно-сосудистых препаратов.

Наконец, происходят серьезные генетические изменения на клеточном и генетическом уровне человека, и в первую очередь рождаемых детей в неблагоприятных экологических условиях. Так, в поселениях вокруг химических предприятий до 35-40 % рождается детей с генетическими нарушениями. Высока аномалия, и она постоянно увеличивается в мегаполисах и промышленно загрязненных регионах. По данным академика Н.П.Дубинина, в

начале 50-х годов XX века в промышленно загрязненных районах 4-5 % детей появлялись на свет с наследственными физическими и психическими аномалиями, в конце 70-х годов в СССР таковых было 11 %, а в 1986 году на конференции в Пущино называли уже новые данные - 16-17 %. При этом настораживает динамика нарастания генетической, психической и иной патологии. Так, по свидетельству Ю.Горного, проводившего массовые гипнозы до середины 70-х годов, гипнозу тогда легко поддавалось 7-8 %, а в конце XX века – 22-23 % [19, с.13-21,3]. Особенно тревожным в начале XXI века является то, что необратимый характер приобрела тенденция омоложения болезней: цивилизационные болезни нарастающее охватывают и детей.

Если проанализировать тенденции в развитии современных детей, то общество и родители всю свою основную энергию направляют на получение высокого уровня и качества образования, а в конечном итоге - высокого социального и служебного статуса своего, уже в подавляющей степени единственного в семье чада. Еще бы! В XX веке 80-85 % богатых семей планеты получили свои богатства не по наследству, а благодаря своему образованию и другим высоким социальным качествам. И естественно, на укрепление своего организма не хватает времени и организованности. В свете сказанного нужен такой подход к системе образования, который был бы нацелен на обеспечение физического и психического здоровья развивающегося человека. «Длительное время проблема здоровья, - отмечает А.В. Шувалов, - не являлась приоритетом психологической науки. Психология XX столетия по большей части была сосредоточена на аномалиях человеческой природы, в то время как душевное здоровье реже становилось предметом основательного изучения (Б.Г.Ананьев). Только во второй половине прошлого века, главным образом в рамках гуманистической психологии, крупнейших ученых (Э.Фромм, Г.Олпорт, А.Маслоу, К.Роджерс, В.Франкл и другие) вдохновила проблематика здоровой личности. Появляются первые разработки психологических концепций здоровья» [23, с.21]. Более того, проблематика природно здорового человека становится актуальной как никогда за всю историю развития *homo sapiens*, поскольку, судя по нарастающей деградации, речь идет не просто о ликвидации дисгармоничного развития, а о спасении человека как биосферного существа и всего человеческого рода.

Именно философия, опираясь на современные достижения науки и социальной практики человечества, способна и может составить прогноз техногенного развития жизни на планете Земля, дать обоснованные рекомендации по выходу из создавшейся критической экологической ситуации, и мы не можем согласиться с некоторыми высказываниями Г.Г. Аракелова, что философы и методологи наук поддерживают мифы, возникшие в давние времена. В то же время он прав, что у психологии другие задачи, чем у философов, и она должна «дрейфовать в сторону конкретных наук», «экспериментально исследовать конкретные факты» [23, с.89-90], не только не отказываясь от социальной философии и социально-философской антропологии, но и опираясь на их обобщающие достижения и выводы.

В условиях, когда разрушается прямо-таки по десятилетиям человеческий организм, слабеет физическое и психическое здоровье каждого последующего поколения людей и идет жесткая дифференциация между теми, кто приобрел высокие и многообразные качества, и теми, кто их не в состоянии приобрести в силу недостаточных финансовых возможностей или же стартовых физических и психических человеческих качеств. Обществу, и в том числе психологической науке, предстоит огромная исследовательская работа: определить, какие первоочередные меры необходимо предпринимать, чтобы сберечь человека и человечество от начинающейся психической деградации. Ведь только в США ежегодно рождается свыше 100 тысяч психически ущербных детей, и их количество из года в год возрастает. Психически ущербный от рождения человек не может сформировать полноценное самосознание, которое, как подчеркивает А.К. Болотова, «функционирует не только как самопознание, со временем оно развивается в определенную систему переживаний, эмоционального отношения к самому себе» [Цит. по: 15, с.120]. Поскольку «в структуре самосознания личности развиваются и функционируют три образования – образ себя, самооценка и самоотношение» [Цит. по: 15, с.121] и они, безусловно, развиваются с самого детства в органическом сочетании с общественным самосознанием, то психически ущербные дети не в состоянии интуитивно осмыслить, на наш взгляд, всю целостность этого коллективного самосознания, соотнести его со своим индивидуальным поведением, выстроить соответствующий образ жизни на продолжительное время.

Что касается Никиты, этого «исчадия ада», то Евгений Шапошников, профессор нейропсихотерапии, сделал следующее заключение: «...Алкоголизм матери в течение всей беременности привел к тому, что у новорожденного оказались повреждены тонкие мозговые центры, отвечающие за моральные критерии поведения человека... Как обычно бывает у гибоидных социопатов, относительный интеллект у этого мальчика, как мы видим, сохранился. Но я бы сказал, что это оперативный интеллект, который отвечал у него за то, чтобы планировать и осуществлять преступные акции. Такие люди всю жизнь открыто или завуалировано противопоставляют себя социальным нормам общества, нарушают его гармонию. У них начисто отсутствуют мораль, нравственность. Лечению подобное состояние практически не поддается» [20, с.6].

Дети «индиго» и «исчадие ада» - лишь небольшие группы детей из того многообразия детских типов, которые порождаются техногенным социоприродным развитием. Разрастание факторов, травмирующих и трансформирующих человека и детей, преподнесет еще немало проблем как физического, так и психического плана. Социально-философская антропология дает психологической науке пока только эскизные наброски трансформационных изменений в обществе и человеке, но уже и этого достаточно, чтобы заняться серьезными междисциплинарными исследованиями, в которых психологии отводится одно из важнейших мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян, Н.А. Болезни цивилизации / Н.А. Агаджанян // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
2. Аракелов, Г.Г. Нейронауки – основа развития психологии / Г.Г. Аракелов // Вопросы психологии. – 2004. - № 5.
3. Болотова, А.К. Развитие самосознания личности: временный аспект / А.К. Болотова // Вопросы психологии. – 2006. - № 2.
4. Девятова, С.В. Большая наука / С.В.Девятова, В.И. Купцов // Философия и методология науки. – М., 1996.
5. Демиденко, Э.С. Конец биосферы и биосферной жизни на планете Земля? / Э.С. Демиденко // Вестник МГУ. Философия. – 2002. - № 6.
6. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и посбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.-Брянск, 2006.
7. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.: МАОР, 2003.
8. Демиденко, Э.С. Обострение противоречивости биосоциальной природы человека в техногенном обществе / Э.С. Демиденко // Труды членов РФО.– М., 2006. - Вып. 11.

9. Демиденко, Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире / Э.С. Демиденко // Социс. – 2005. - № 2.
10. Демиденко, Э.С. Философское осмысление здоровья человека в техногенном мире / Э.С. Демиденко // Философия здоровья. – М.: ИФ РАН, 2001.
11. Демиденко, Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека (Доклад XIX Всемирному Философскому Конгрессу) / Э.С. Демиденко. – Брянск: Очаг, 1993.
12. Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная. – Брянск: БГУ, 1994.
13. Купцов В.И. Образование // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
14. Кэрролл, Л. Дети «Индиго» / Л.Кэрролл, Дж.Тоубер / пер. с англ. – М.: ООО Издательский дом «София», 2005.
15. Люц, Ю. Дети индиго. В поисках нового человека / Ю.Люц, В. Карелин // Человек без границ. – 2006. № 5.
16. Назаретян, А.П. Критический гуманизм versus биоцентризм / А.П.Назаретян, И.А. Лисица // Общественные науки и современность. – 1997. № 5.
17. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология / А.П.Назаретян. – М., 2001.
18. Семья: 500 вопросов и ответов. – М.: «Мысль», 1992.
19. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М., 1998.
20. Чадо из ада // Московский комсомолец. – 27.06.2006.
21. Человек техногенной цивилизации на рубеже двух тысячелетий. – Калининград, 2000.
22. Шувалов, А.В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья / А.В.Шувалов // Вопросы психологии. – 2004. - № 6.
23. Weiner D.R. Models of Nature: ecology, conservation, a cultural revolution in sov. Russia. – Bloomington: Indiana univ. press, 1988.

С.В.КАЛИТИНА

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОГЕННУЮ ЭПОХУ

Человек – продукт, прежде всего, длительной биологической эволюции. Если сам человеческий организм сформирован был биосферой, подобно высшим обезьянам (от шимпанзе генотип человека отличается примерно на 1%, а по физическому строению на 5-6%), то его мозг и сознание, его рука, его телесность, его поведенческое амплуа, его образ жизнедеятельности представляют собой итог длительного социального развития. Центральным для всей

антропологической проблематики встал вопрос об основном отличии людей от высокоорганизованных животных и о научном объяснении этого отличия. Поведение животного представляет собой одну из форм функционирования его организма. Именно структура организма детерминирует потребности животных и программы их поведения. Животные генетически приурочены к видовым «поведенческим амплуа».

Иначе обстоит дело с кроманьонцем, к этому биологическому виду относятся все люди на земле, живущие по крайней мере 50 тыс. лет, хотя современные ученые на основе генетических исследований генезис кроманьонца относят к периоду примерно 200 тысяч лет назад, но врожденное «поведенческое амплуа» этого вида никому не удалось отыскать. И самым существенным является то, что наблюдаются глубокие различия в поведении людей, принадлежащих исторически различным обществам или группам.

В большинстве современных антропологических, этнографических и социальных теориях принято, что специфичное для человека нормативно-преемственное формирование поведения определяется культурой [3, с.406-407].

Следует отметить, что основной чертой идеалистического истолкования общественной жизни в XX столетии считалось стремление объяснить общество как прямое следствие развития культуры. Материалистическое же истолкование отталкивается от способности человека производить необходимые жизненные средства, что является отличительным и основополагающим признаком *Homo sapiens*. Материальное производство есть преобразование природных объектов, определенное материальное творчество и обозначается понятием «предметно-практическая деятельность» [3, с.408]. Именно в предметно-практической деятельности происходит развитие, то есть социализация и воспитание (в том числе обучение и формирование качеств личности) человека.

В вопросе о происхождении человека антропологи ищут «недостающее звено» в биологической эволюции от обезьяноподобного предка человека к *Homo sapiens*; философы стремятся выявить и обрисовать сам «прерыв постепенности» – революционный скачок, который произошел в процессе человеческого становления.

Превращение животных (гоминидов) в людей не могло быть мгновенным, однократным событием. С неизбежностью должен существовать длительный период становления человека (антропогенеза) и становления общества (социогенеза). Это две неразрывно связанные стороны единого по своей природе процесса – антропосоциогенеза, длившегося в течение 3-3,5 млн лет, т.е. почти в тысячу раз дольше, чем вся «писаная история» человечества.

Важную роль в объяснении общего смысла антропосоциогенеза играла и играет трудовая гипотеза, представленная Ф.Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Вместе с тем, важнейшая черта антропосоциогенеза – его комплексный характер, поэтому принципиально неверно утверждать, что «сначала» возник труд, а «потом» – общество, а «еще позднее» – язык, мышление, сознание [3, с.408-409]. Вообще основными и ведущими видами деятельности человека в его возрастном развитии являются общение, игра, обучение, труд. Труд же сам имеет генезис, превращаясь в полноценную предметно-практическую деятельность лишь во взаимодействии с такими факторами социализации, как язык, сознание, нравственность, мифологическая культура, ритуальная практика и т.п.

Развитие человека есть закономерные последовательные изменения в разнообразных человеческих системах жизни: морфологической, физиологической, психической, социальной и др., которые проявляются в качественных, количественных и структурных изменениях, в движении от низших уровней к высшим, от простого к сложному. Количественные и качественные изменения человеческого индивида не сводятся к механическому прибавлению или уменьшению их, а представляют собой возникновение новых качественных образований, рождение нового и отмирание старого [2, с.49], с чем нельзя не согласиться.

Развитие, как философское понятие, раскрывает характер происходящих в мире изменений: предметы и явления не существуют в неизменных, раз и навсегда данных, равных самим себе состояниях, а переживают действительную историю, проходят через ряд состояний от возникновения до исчезновения. Понятие развития выражает необратимый характер всех этих изменений. Любой предмет, явление, система, как и весь мир вообще, не просто изменяются, а всегда переходят в новые состояния. Состояние

любого предмета, процесса, простой или сложной системы определяется не только их внутренними, но и внешними связями. Существуют две различные тенденции развития: одна – восходящая, прогрессивная линия; и вторая – нисходящая, регрессивная линия. Для любого конкретного объекта характерно последовательное сочетание обеих линий развития. Так, организмы возникают, растут, совершенствуются, но затем неизбежно стареют и гибнут [10, с. 283-284].

Диалектика, часто определяемая как учение о развитии, характеризует развитие рядом фундаментальных черт, прежде всего это всеобщность, означающая, что на всех уровнях бытия наблюдается развитие. Необратимость понимается «как возникновение качественно новых возможностей, не существовавших ранее» [1, с.449]. И, наконец, направленность изменений означает, что любые, даже кажущиеся случайными, изменения возникают как результат определенных взаимодействий и порождают в свою очередь другие изменения [11, с.178]. Развитие, как направленное изменение, обеспечивает преемственность «между качественными изменениями на уровне системы, аккумулятивную связь последующего с предыдущим, определенную тенденцию в изменениях и именно на этой основе появление у системы новых возможностей» [1, с.450]. Таким образом, можно сказать, что развитие – это упорядоченное и закономерное необратимое изменение объекта, связанное с возникновением новых тенденций существования системы.

Согласно принципам комплексного подхода к человеку, сформулированным Б.Г.Ананьевым, индивидуальное развитие человека выступает в трех планах: 1) онтопсихологическая эволюция психофизиологических функций – характеристика человека как индивида; 2) становление деятельности и истории развития человека как субъекта труда – характеристика человека как субъекта деятельности; 3) жизненный путь человека – характеристика человека как личности [13, с.758-759]. При этом следует, на наш взгляд, отметить, что Б.Г.Ананьев в своем подходе к человеку не учитывает зависимость качества его развития от условий жизни, среды обитания, социальной среды, исторической эпохи, уровня развития или деградации цивилизации, экологических условий и др.

Результат объединения всех свойств индивида, личности и субъекта деятельности образует психологическую неповторимость человека, его индивидуальность. Развитие человека рассматривается прежде всего с точки зрения формирования его как индивидуального целого, как конечный результат такого взаимодействия «натурального» и «культурного» рядов, онтогенеза и биографии, характер которой обусловлен в первую очередь конкретно-историческими условиями общественной жизни человека, когда структура социальных связей, реализующихся в совместной деятельности и общении с другими людьми, переходит во внутреннюю структуру самой личности. Таким образом, и психическое, и социально-психологическое развитие мы можем рассматривать как процесс, развертывающийся во времени и характеризующийся как количественными, так и качественными изменениями [14, с.213].

В психологии человека обычно выделяют, как отмечает О.А.Шаграева, такие проблемные вопросы, как вопрос о движущих силах психического развития, проблема соотношения обучения, научения и развития, проблема возрастной периодизации, зависимость от среды обитания [15, с.47-48].

Движущими силами развития человека, как личности и как субъекта деятельности, являются противоречия между новыми потребностями и старыми возможностями их удовлетворения, противоречия между целями, задачами и наличными для их достижения средствами, между стремлениями и возможностями для их удовлетворения, между тенденциями к изменчивости и к стереотипам, между старым и новым и т.д. Эти противоречия обычно разрешаются посредством деятельности и активности личности в условиях конкретной общественной системы, уступая место новым зарождающимся и развивающимся противоречиям.

От рассмотрения вопроса движущих сил психического развития зависит разработка частных методологических вопросов в возрастной психологии. Решение этого вопроса сводится к проблеме соотношения биологического и социального. Однако практика XIX-XXI столетий показывает, что нарастающую роль играет фактор техногенности, технического общественного развития и формирования техногенного мира на планете. В понимании этого вопроса наука психология имеет несколько направлений.

Биогенетическое направление. Представители этого направления утверждают, что развитие определяется врожденными особенностями человека, оно представляет собой процесс вызревания психических качеств и многих других черт, заложенных в наследственной основе и обусловленных природой индивида. Авторами таких концепций развития человека являются С.Холл, К.Бюлер, Э.Клапаред, Э.Торндайк, З.Фрейд, А.Адлер, Г.Юнг.

Социогенетическое направление. У представителей этого направления противоположная точка зрения на развитие человека. Оно рассматривается как результат воздействия окружающей среды и прежде всего социального окружения, его цивилизационной социальной развитости. Среди авторов подобных концепций развития выделяются прежде всего зарубежные психологи и философы: Дж.Локк, К.А.Гельвеций, Э.Дюркгейм, П.Жане, Э.Эриксон, Э.Фромм, К.Хорни, А.Бандура, Д.Роттер; а также отечественные психологи: Л.С.Выготский, Д.И.Фельдштейн, А.Р.Лурия, А.Н.Леонтьев, Д.Б.Эльконин, С.Л.Рубинштейн и др.

Согласно **теории конвергенции развития человека** процесс развития психики человека определяется взаимодействием двух факторов - наследственности и среды, включая социальную, что нашло отражение у таких авторов как Г.Олпорт, Р.Кеттел, Г.Айзенк, Б.Ф.Скиннер, А.Маслоу, К.Роджерс; К.Д.Ушинский, И.М.Сеченов, П.П.Блонский.

Человечество в эпоху НТР весьма преуспело в создании многообразных условий жизни и средств, не только подавляющих, но и калечащих, деформирующих биологические основы человеческого существа. Это и нервно-психические стрессы, развивающиеся под воздействием усложнения социального развития, и многократное снижение физических нагрузок на человека, и массовое увеличение работников умственного труда с соответствующими нагрузками на мозг и психику человека, и невиданное доселе производство и употребление химических веществ, загрязняющих атмосферу, воду, почву и самого человека через них. Не случайно в наши дни одной из глобальных проблем стала проблема сохранения человека как биологического вида, поскольку весьма стремительно и нарастающе стало падать здоровье населения, разрушаться его психика. Это заставляет во многом переосмыслить проблему соотношения

биологического и социального в человеке, учитывать появление и воздействие на организм человека техногенного фактора.

Во взаимодействии биологического, социального и техногенного биологическое как продукт длительной эволюции и нарастающих условий современной высокоразвитой технической цивилизации теряет возможности адаптации человеческого организма к динамично меняющемуся окружению. Адаптация близка к исчерпанию не только по физическим параметрам, но и по психологическим факторам [3, с.246-247].

Как известно, факторами психического развития человека выступают его условия и источники, что нашло отражение в концепциях А.В.Запорожца, Г.С.Костюка, Г.Крайг, Ж.Годфруа, В.С.Мухиной и других. К условиям психического развития относятся физические и физиологические свойства индивида : а)наследственность; б)анатомо-физиологические свойства, приобретаемые индивидом во время пренатального развития и во время физического развития после рождения. К источникам психического развития относят факторы, под действием которых накапливается содержание психики, представляющее собой материал для формирования психических свойств, качеств личности: а) среда: природная, социальная, источники культуры и НТП; б) обучение, научение, воспитание - как целенаправленное воздействие со стороны общества, стихийное обучение в социальной среде; в) активность личности [15, с.47-63].

«Уже в клетке, образовавшейся при слиянии яйца и сперматозоида, - отмечает Ж.Годфруа, - намечается траектория жизни человека, состоящая из множества форм поведения - результатов непрерывного взаимодействия трех факторов: генетического наследства, культурной среды и, в особенности, обстоятельств жизни, определяющие уникальность человека еще в большей степени, чем два первых фактора» [4, с.7]. Таким образом, по мнению Ж.Годфруа, неповторимость человека формируется в особенностях его жизненного пути и определяется во взаимодействии двух факторов - наследственности и культурной среды. Однако Ж.Годфруа отмечает роль культурной среды, но проблема техногенности развития общества и земного мира остается для него «за семью печатями».

По мнению Г.Крайг, термин «развитие» указывает на изменения, которые со временем происходят в строении тела, мыш-

лении или поведении человека в результате биологических процессов в организме и воздействий окружающей среды [9, с.15]. Обычно эти изменения прогрессируют и накапливаются, приводя к усилению организации и усложнению функций. Некоторые процессы развития (такие, как пренатальный рост плода) носят преимущественно биологический характер, в то время как другие происходят главным образом под влиянием окружающей среды. Яркими примерами такого влияния могут служить изучение чужого языка во время проживания за рубежом или усвоение речевой манеры и артикуляции членов семьи, в которой живет человек. Еще в большей степени эти изменения происходят под воздействием техногенного общественного развития, о чем уже говорилось, и чего еще не замечают как наша российская, так и зарубежная психология. То есть развитие современного человека большей частью не укладывается ни в одну из отмеченных ранее этих двух категорий, поскольку предполагает только взаимодействие биологического и социального начал. Кроме того, окружающая человека среда состоит из множества конкретных сред (семейной, школьной, рабочей и т.д.), которые постоянно взаимодействуют между собой и влияют на развитие через это взаимодействие [9, с.16]. Развитие, как это отмечают обычно психологи, происходит в трех областях: физической, когнитивной и психосоциальной. Отдельное внимание, по нашему мнению, следует уделить рассмотрению развития человека в условиях формирования техногенного общества и в созданной им техногенной среде; именно в этих условиях происходит невиданная ранее позитивная и негативная трансформация человека, деградация его как биологического вида.

М.Коул, исследуя культурные механизмы развития, пишет: «Обращаясь к теме, центральной для творчества Л.С.Выготского – роли культуры в развитии человека, я хотел бы осторожно проиллюстрировать сродство между российскими идеями о роли культуры в развитии и идеями, выдвинутыми американскими и европейскими учеными, особенно антропологами, для которых культура является центральным теоретическим понятием...

Центральной посылкой культурно-исторической психологии является утверждение о существовании глубинной связи между конкретным окружением, в котором существует человек, и фундаментальными, отличительными качествами человеческого разума: окружение человека наполнено приспособлениями, орудиями (адаптациями) поведения предыдущих поколений в овеществленной внешней форме». «Эти представления, - отмечает он далее, - можно найти еще у Гегеля и Маркса, они также нашли отражение в работах по культурно-исторической психологии многих национальных традиций (Дж.Дьюи, Г.Бергсон, З.Дюркгейм, Е.Штерн, Л.Выготский » [8, с.5].

Следуя этой традиции, М.Коул представляет культурную среду как окружение, состоящее из целого множества преобразований, накопленных человечеством в ходе своего исторического развития. Безусловно, сюда же можно включить и техносферу, и техногенность общественного развития, но это остается за пределами исследований М.Коула. Эти новые явления нарастающей искусственности жизни существуют сегодня в виде артефактов, аспектов физического окружения, которые были модифицированы путем их включения в прежние исторические формы целесообразной человеческой деятельности. Такой взгляд на культуру в значительной степени основывается на предположении о том, что артефакты одновременно идеальны (символичны) и материальны. Молоток, например, материальный объект, но молотки и все остальные артефакты символичны постольку, поскольку в них в идеальной форме воплощены существенные ограничения тех взаимодействий, частью которых они являлись ранее и которые они опосредствуют в настоящем. Не существует слов вне их материального представления (например, конфигурации звуковых волн, движений руки, письменного текста или нейронной активности), тогда как в каждом слове воплощен определенный порядок, навязанный мышлением человека. На это указывал американский антрополог Р.Д'Андрад, когда писал, что «материальная культура - столы и стулья, здания и города - суть человеческих идей, овеществленных в материальной форме» [8, с.6].

В данном случае речь должна идти не просто об объектах культуры – зданиях и городах, а как об отвлеченных овеществленных идеях человека и человечества. Эти крупные объекты представляют собой не отвлеченные артефакты, которые только поражают наше

воображение, а они играют ключевую роль в человеческой жизнедеятельности и даже в изменении тела и телесности человека, его психики и психологии поведения, они делают людей совершенно иными в этих новых зданиях и городах. Так, социолог-урбанист Э.С.Демиденко отмечает: «...если раньше экология человека совпадала с экологией природы и они составляли единой целое, то в условиях «урбанистического комфорта» экология человека стала не только расходиться с экологией окружающей среды, но и вошла с ней в серьезные противоречия. Под влиянием искусственных условий жизни человек стал в значительной мере терять свои природные качества, становиться все более пленником «каменных джунглей» [5, с.156]. И далее он отмечает, что меняется не только экология человека, но даже и экология животных в искусственной среде, а изменение биологических характеристик человека осуществляется не только под воздействием биотехносферы, в которой уже живет городское население, но и под влиянием социальных факторов [5, с.156-157]. В своем докладе на XIX Всемирном философском конгрессе в 1993 году Э.С.Демиденко обращает внимание на трансформационные и деградиционные процессы в человеке, на необратимые процессы и потери не только в физическом, но и психическом здоровье человека, на устойчивый рост рождаемости умственно отсталых и психически неполноценных детей. «Нарушения в психике, - отмечает он, - связаны как с непомерной психической нагрузкой, разрушениями природных условий жизни, загрязнениями, так и с изменениями на клеточном уровне, в генах, в наследственном коде человека» [6, с.20].

«Следует также отметить, - пишет М.Коул, - что первые русские теоретики культурно-исторического направления в психологии сформулировали принцип опосредованного артефактом действия и привели многие убедительные иллюстрации роли процессов опосредования в развитии (А.Р.Лурия, Л.С.Выготский). Очевидно, что культура - это больше, чем простое случайное собрание артефактов и связанных с ними действий. Культурная среда обладает структурой».

Для психологов, исследующих влияние культуры на разум, также важен спор по поводу онтологического статуса культуры. Антропологи различают материальную культуру и культуру как совокупность знаний и спорят между собой о том, какая из них важнее. М.Коул полагает, что здесь реальную помощь может оказать

подход, основанный на двойственной сущности артефакта, поскольку он устраняет указанное противоречие. Он ссылается на К.Гирца, который в своей работе «Интерпритация культуры», характеризуя эффективные единицы культуры, предположил что «культуру лучше всего рассматривать не как совокупность конкретных паттернов поведения - обычаев, традиций, привычек... но как набор управляющих механизмов - планов, «рецептов», правил, инструкций, управляющих поведением (то, что инженеры по компьютерам называют программами)» [8, с. 7].

Объектом интенсивных исследований в конце XX – начале XXI веков стал один особенно важный вид культурных схем, которые называются сценариями: это схемы событий, воплощенные в повествованиях как основных элементах организации и культуры познания. Согласно К.Нельсон, сценарии - это «обобщенные репрезентации событий», которые определяют людей, участвующих в том или ином событии, исполняемые ими социальные роли, объекты, вовлеченные в это событие, последовательность требуемых действий, намечаемые цели и т.д. Дж.Брунер продолжает эту мысль, предполагая, что в сердцевине человеческой мысли лежит повествование. Опыт, отображенный в повествованиях («народная психология»), задает рамки для интерпретации своего опыта. Вне таких повествовательных рамок, пишет он, «мы бы затерялись во мраке хаотического опыта и, возможно, вообще не выжили бы как вид» [8, с.8]. Такие формулировки легко приемлются в идеалистической концепции культуры. Вместо этого можно связать культурные схемы с понятием артефакта и получить синтетический подход к этой давней проблеме. Такие артефакты, как культурные схемы и сценарии, являются существенными компонентами «комплекта культурных инструментов». В них есть как идеальное, так и материальное; они овеществлены в артефактах, которые опосредуют деятельность людей. В силу самого этого факта овеществления они присутствуют в виде ресурсов для той совершенно особой интерпретации, которая возникает у каждого участника совместной деятельности [8, с.8].

Действительно, огромный мир артефактов, который создается человечеством, не только воздействует на физическое здоровье посредством несовместимости многих искусственных предметов и процессов, особенно искусственно созданных химических веществ с

биологией человеческого тела, но и на человеческое сознание, воображение, трансформируя в значительной мере психику человека, изменяя его образ жизни и поведение. Город, особенно крупно-промышленный, уничтожает деревенскую общину, весь строй и психологию её жизнедеятельности, порождает не только динамичного и деятельного человека, но и в значительной мере индивидуалиста и эгоиста (или эгоцентриста). Само общество приобретает, как отмечал испанский философ Ортега-и-Гассет, новые черты, определяемые либерализмом и техникой, что порождает и нового человека, человека с массовой культурой.

С развитием «промышленного мира» человечество начало расставаться с прекрасным природно-земледельческим миром, промышленное развитие создало не только особый мир техники, но и «городской мир» [6, с.6-7]. Если в 1800 г. на планете проживало менее 50 млн горожан (5% населения мира), то сейчас 3,3 млрд (51%). И хотя города, их промышленность и искусственная среда в целом занимают 0,5% земной суши, они оказывают губительное воздействие на природу [6, с. 6-7].

Современный переход человечества сравнивают с неолитом, имеющим такое же огромное значение для становления «нового человечества». И если в годы десятитысячелетней давности родилось «земледельческое человечество», то сейчас рождается «планетарно-интеллектуальное», ноосферное, развивающееся, как отмечает Э.С. Демиденко, на «Каркасе городских поселений и агломераций» [6, с.8], что не может не сказаться на изменениях социально-психологического плана, о чем уже говорилось. К городам и коммуникациям, соединяющихся между собой высокоскоростными транспортными и другими коммуникативными системами, «подтягиваются» сельские поселения и сельское население, привязываясь к новой реальности – промышленно-городской, техногенной цивилизации в её индустриальном или постиндустриальном обличье. Разрастающийся «городской мир» составляет костяк создаваемой человечеством планетарной техносферы. Техносфера современного человечества развивается прежде всего как инфраиндустрия, технологически объединяющая не только разнородные отрасли человеческой деятельности, науку и технику, производство товаров и услуг, но и также сферу быта

(урбанистическая domestikация производства), технологические системы человеческой деятельности и социально-культурной жизни.

Инфраиндустрия, ломающая национальные границы, перегородки между различными сферами жизнедеятельности, о чем пишет в своих работах Э.С.Демиденко, создается благодаря индустриализации, научно-технической революции, урбанизации и техносферизации. Концентрация людей и их деятельности, изменившаяся общественно-производственная технология приводят к серьезным социокультурным переменам в обществе урбанистически-переходного типа. При переходе от земледельческих к индустриальным, а затем планетарной информационно-ноосферной цивилизации коренным образом меняется качество населения, тип и размеры семьи, потребности и интересы, культура, образ жизни, общественные отношения, общественное сознание и т.п. И если в ходе неолита происходили качественные изменения в обществе, то сейчас коренным образом меняется не только само общество, но и человек, взаимоотношения общества и природы, происходят изменения в самой природе – она социализируется, накапливая в себе «разум человека», «ноосферные явления», и технизируется под влиянием техники и её последствий.

Значительным и качественным изменениям подвергается сам человек. Если раньше, как отмечает Ж.Д.Маркович, «человек принадлежал природному порядку», не был отделен от природы и не был поставлен выше её [12, с.87], то сейчас положение меняется: человек отделяется от природы и становится надприродным существом.

К закономерностям психического развития обычно относят: неравномерность и гетерохронию; наличие возрастных, качественно своеобразных периодов; интеграцию отдельных психических функций в единое целое; пластичность и компенсацию.

Неравномерность возрастного развития выражается в том, что отдельные психические функции и личностные качества человека имеют определенную траекторию изменений во времени, которая может иметь как простой, так и сложный, криволинейный характер. Иначе говоря, рост и старение психических функций происходят неравномерно, разными темпами, что осложняет определение различных периодов возрастного развития человека. На неравномерность развития человека оказывает влияние историческое

время [14, с.213] и многие другие факторы, среди которых сейчас особенно выделяются факторы научно-технологического и техногенного характера. Гетерохронность возрастного развития выражается в том, что при сопоставлении между собой темпов изменчивости психических функций и свойств выявляется разновременность в прохождении ими фаз возрастного развития, роста, достижения зрелости и эволюции, что свидетельствует о сложности и противоречивости возрастного развития. При внутрифункциональной гетерохронности отдельные стороны психической функции развиваются разновременно; при межфункциональной гетерохронности различные функции проходят фазы своего развития в разное время. В период развития быстрее всего развиваются именно те функции, которые имеют первостепенное значение для становления других форм психики [14, с.213-214].

О нарастающей неравномерности развития человека особенно ярко свидетельствуют факторы акселерации и ретардации, заметного интеллектуального подъема значительной части населения, рост интеллигенции, интеллектуалов, технократов в развитых странах на фоне застойных явлений интеллектуализации людей в развивающихся странах. Да и сам разброс диаметрально противоположных полюсов наблюдается и в индустриально развитых странах, особенно в ранних возрастах, когда, с одной стороны, идет заметное распространение детей «индиго» с высокоразвитым сознанием и творческим потенциалом, а с другой стороны, детей «из ада», получивших раннюю негативную социализацию, не способных из-за генетически нарушенной психики выработать гуманное сознание и вобравшие в себя «эгоистические начало» и социальные пороки современного общественного развития. В связи с этим в психологии развития в настоящее время стоит вопрос соотношения хронологического (паспортного) и биологического и психологического возрастов, так как часть детской популяции развивается ускоренно, а часть, наоборот, характеризуется задержками психического развития (ретардацией), процессов роста, созревания и развития организма.

В современных периодизациях возрастного развития используются метрическая (временная, измеряется временными интервалами) и топологическая (определенность того или иного состояния, фаза или период становления индивида) характеристики.

Возраст характеризует период (продолжительность) жизни живого существа, а также стадии его жизни. Выделяются биологический, паспортный, психологический возрасты. В пределах каждого психологического возраста наблюдаются значительные индивидуальные отличия и разделяются так называемыми кризисными периодами – переходами от одного возрастного периода к другому и соответствуют 0, 1, 3, 7, 13-14, 23, 31, 40, 55-60, 75, 90 годам. В нормативе кризисные периоды проходят благоприятно для человека и не оставляют черт распада личности. Однако за последние десятилетия техногенной эпохи при явлениях повышенной неравномерности биологического и психологического развития, информационной загруженности и массовых истериях наблюдается проблемное прохождение индивидами кризисных возрастов с формированием черт распада личности, с избирательно или недостаточно сформированной картиной мира, с недоразвитой эмоционально-волевой сферой личности, с нарушением мыслительных процессов и черт характера и другими явлениями.

Интеграция представляет собой связывание отдельных психических функций в единое целое. Развитие психики проходит в направлении от малосистематизированного соединения различных фрагментарных психических состояний к перерастанию их в четко обозначенные психические процессы, состояния или качества личности.

По мере развития человека его психика в нормативе приобретает все больше целостности и устойчивости. В настоящее время у большого количества взрослых людей наблюдается недоразвитие различных психических функций: например, воли, что особенно наблюдается среди людей, попавших под влияние тоталитарных сект, разрекламированных так называемых финансовых пирамид и сетевых маркетингов, сред и наркоманов, алкоголиков, маргиналов. Или, например, ведущим видом деятельности у зрелых людей остается не продуктивный труд, а общение со сверстниками, как в подростковом возрасте, и такое общение является решающим фактором при выборах социальной линии поведения, семейных взаимоотношений, отношения к собственным детям, при выборе места работы, при формировании картины мира, при отношении к окружающим людям, при выборе собственной позиции, что является одним из показателей распада структуры личности у взрослой популяции.

Пластичность и компенсация имеют свою физиологическую основу в пластичности нервной системы, на которую указывал И.С.Павлов, последняя состоит в целенаправленном изменении психики индивида средствами обучения, воспитания, социализации путем замены одной функции другой, слабой - более сильной по своему развитию. Так, осведомленность, словарный запас человека могут увеличиваться, в то время как психомоторика и сенсорно-перцептивные функции, особенно пожилого человека, ухудшаются. Однако в условиях сложного и усложняющегося далее техногенного общественного развития неимоверно возрастает количество факторов, способных повлиять на психику человека как в условиях пассивной его социализации, так и в процессе воспитания, что требует особого отношения к формированию развивающегося человека и его психики.

Так, в условиях технократического умонастроения происходит интеллектуализация любого труда при использовании новых технических средств. Это требует от людей обладания не только практическими, но и теоретическими способностями одновременно, что является редким сочетанием и граничит с гениальностью. Таким образом, для человечества в условиях техногенной эпохи уже встала дилемма одновременного развития соответствующих способностей у человека, формирования «сверхчеловека» или сохранения его естественного биологического начала. Пластичности и компенсации в условиях стремительной интеллектуализации в развитых странах не достаточно для реализации новых психических потребностей человечества. Вместе с развитым человеком новой техногенной эпохи начинает ярко выявляться и ретардирующий человек, маргинальный, извращенный социальными пороками современного общественного развития.

В жизни каждого человека рано или поздно наступит момент, когда он задастся вопросом о конечности своего индивидуального существования. Человек – единственное существо, которое осознает свою смертность и может делать её предметом размышления. Однако неизбежность собственной смерти воспринимается человеком отнюдь не как отвлеченная истина, а вызывает сильнейшее эмоциональное потрясение, затрагивает самые глубины его внутреннего мира.

В наши дни социально-этические и нравственно-гуманистические аспекты проблемы смерти привлекают к себе

возрастающее внимание в связи не только со все более широко осознаваемыми и обострившимися личностными дилеммами и альтернативами бытия, но и с успехами биомедицинских исследований, в частности реаниматологии, способствующей возвращению к жизни людей, в том числе даже находившихся в состоянии клинической смерти [3, с.424].

Возникает множество нравственно-гуманистических дилемм. Обсуждаются такие вопросы, как право или обязанность на жизнь, право на смерть, эвтаназия. При этом добровольный уход из жизни – самоубийство или суицид – обществом осуждался не менее 2-х тысячелетий, с тех пор как существует христианство.

Жизненный путь человека и его развитие формируются в социоприродной среде, окружающей этого самого человека и непосредственно зависят от исторического периода, в котором находится человек. Уровень возрастного развития можно рассмотреть как показатель нормативности психического состояния индивида и личности на определенных этапах жизненного пути человека и качество его адаптации в условиях исторического времени. В условиях современной техногенной эпохи наблюдаются тенденция к инфантилизации, увеличение периода детства; сдвиг периода родительства с периода молодости (18-28 лет) на период зрелости (28-40), несмотря на то, что по физиологическим показателям для рождения детей наиболее оптимальным является период молодости. Мы встречаемся с массовым увеличением нарушений в гендерных ориентациях, появляются страны, в которых регистрируются акты браков между однополыми партнерами, не несущие никакого смысла в плане развития человека как вида. Кроме того, в большом количестве наблюдаются отклонения по нормативам общего биофизиологического, психического состояния у людей. Если в VII-XIX веках в религиях мира и существующем социуме такие явления как «бесовство», «одолевание различными демонами и бесами», «крикун» (внезапные истерические крики при появлении человека в людном месте, в частности в церкви) было делом не частым у людей и проявлялось различными неадекватными состояниями, выражаясь на современном языке психологии, такими как потеря памяти (амнезия), рычание по типу звериного, крики, самоистязания, боязнь окружающих людей и выхода на улицу, крики и истерики в людных местах, боязнь находиться в людных местах и в религиозных храмах,

чувство «смертной тоски», страха, печали, надвигающейся беды, появление различных видений было делом не столь частым и обозначалось как «бесовство», связанное прежде всего с нарушением религиозной морали, что можно понять на языке современных терминов как маргинальность в обществе. В современном мире на языке психиатрии и психологии подобные явления обозначены терминами галлюцинации и галлюцинаторные состояния, истерия, неврастения, фобии, тревожность, психопатия, акцентуация черт характера, задержки психического развития, суицид, депрессия, стресс и постстрессовое состояние, маргинальность, наркомания, являются делом повседневным и в практике психологического консультирования те или иные ненормативные состояния консультируемого выявляются в большинстве случаев. Все эти отклонения от психического и психологического норматива связаны с влиянием окружающей среды, как природной, так и социальной, что обусловлено техносферизацией общества, повышенной информатизацией населения, оторванностью человека от природы, особенно в мегаполисах, где неадекватные психические состояния и поведения, несамостоятельность мышления, отсутствие устойчивых интересов у людей становятся почти делом нормативным. Это можно рассматривать как вид психологической защиты в традициях классического психоанализа или отклонение от поведенческого норматива в границах социальной психологии, что, как и любая болезнь в запущенных случаях, коррекции и терапии не поддается. Возможно, именно этим явлением можно объяснить интерес во всех высокоразвитых цивилизованных странах к подготовке квалифицированных специалистов в гуманитарных областях за последние десятилетия. На взгляд автора статьи, в отдельную проблему следует выделить и такое явление в современном мире, как потеря чувства дома и стремление замены дома в местах массовых скоплений людей банальным, ни к чему не обязывающим, общением или чем-то вроде дома без обязательств в клубах, барах, ресторанах, гостиницах, коттеджах для отдыха, парках и подобных местах у современных людей, что показывает факт утраты изначального инстинкта жить индивидуально, нести ответственность как за себя, так и за своих кровных и не кровных родственников и может явиться одним из показателей перехода человека в новую среду обитания в условиях техногенного общества, причем не в лучшем своем

качестве. Остается лишь предполагать, насколько может быть опасен сам для себя человек без ответственности и обязательств, без устойчивой психической структуры личности, без крепкого биофизического потенциала в условиях техногенного развития земного мира и возможных экологических катастроф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, П.В. Философия: учеб. пособие / П.В.Алексеев. – М., 1997.
2. Алехина, И.В. Психология: учеб. пособие / И.В.Алехина.– Брянск, 1999. - Ч. 2.
3. Введение в философию / сост. И.Г. Фролов. – М., 2005.
4. Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж.Годфруа.– М., 1992. - Т. 2.
5. Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С.Демиденко. – М., 1999.
6. Демиденко, Э.С. Экотехнологический апокалипсис, или «конец света» природного человека / Э.С.Демиденко. – Брянск, 1993.
7. Калитина, С.В. О некоторых аспектах деятельности практического психолога / С.В. Калитина // Проектирование и формирование развивающих образовательных сред. – Брянск, 2001.
8. Коул, М. Культурные механизмы развития / М. Коул // Вопросы психологии. – 1995. - № 3.
9. Крайг, Г. Психология развития / Г.Крайг. – СПб., 2003.
10. Краткий словарь по философии / ред. И.В.Блауберг. – М., 1982.
11. Кузнецов, В.Г. Философия / В.Г.Кузнецов. – М., 1999.
12. Маркович, Ж.Д. Социальная экология / Ж.Д.Маркович. – М., 1991.
13. Психологический словарь / ред. В.П.Зинченко. – М., 1997.
14. Психология: уч. пособие / ред. А.А.Крылов. – М., 1998.
15. Шаграева, О.А. Детская психология / О.А. Шаграева. – М., 2001.

С.Н.ЧУВИН

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И ТЕХНОГЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время техносфера как искусственная среда, созданная людьми для улучшения своей жизни и деятельности, получила в техногенном обществе особую доминанту развития: она стала, коренным образом менять облик человеческого общества и планеты из естественного в надприродно-искусственный. Коренные социоприродные эволюционные изменения и сопутствующие этим изменениям трансформации в итоге осуществляются в направлении постепенной замены естественных, природных форм жизни

искусственными, сконструированными человеком пока на базе биосферных форм с использованием достижений наукотехники.

При помощи последней трансформируются не только отдельные стороны общественной жизни, но и сам человек, его биосоциальная природа, психика, духовность. В современном техногенном обществе серьёзные изменения происходят не только в образе жизни людей, но и в человеческом организме, изменения не каких-то отдельных атрибутов, а целостная экотехнологическая трансформация человека: изменение его биосоциальной природы и даже его интеграция с техникой и техносферой в целом под воздействием многих факторов, и в первую очередь – наукотехники. Человеческий организм становится техногенным, пропитанным искусственными веществами, в нём нередко находятся сотни и даже тысячи созданных промышленностью веществ, он пребывает также постоянно и в искусственных электромагнитных полях.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что трансформация человека имеет противоречивую природу. С одной стороны, достигнутое на определённом историческом отрезке времени улучшение качества питания, условий жизни, медицинского обслуживания напрямую влияет на процессы акселерации и неуклонное увеличение средней продолжительности жизни. Так, если в Римской империи 2 тыс. лет назад последняя составляла примерно 20 лет, в XVI-XVIII веках в развитых странах - 25-30 лет, то к 90-м годам XX века в СССР - 70, на Западе в это же время - 75-77, в Японии - 80 лет. Если в России ещё столетие назад 43% детей умирало в возрасте до 5 лет, то современное развитое общество снизило этот показатель до 2-3% [4, с. 20; 5, с.34-35]. В то же время состояние здоровья людей современного развитого общества от десятилетия к десятилетию нарастающе ухудшается. Медицина концентрирует свои усилия на лечении больных, она не формирует здоровый организм, а *поддерживает* его здоровье, которое к тому же уже не является истинно природным, а образовано совокупностью в большинстве своём технологических и техногенных условий человеческого существования, действующих на человеческое здоровье весьма противоречиво. “На одно из центральных мест в повестке дня современного человечества выходит тематика индивидуального и общественного здоровья, проблема сохранения человеческой личности, сохранения человека как биосоциальной структуры... Речь идёт об угрозе существования человеческой

телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир”, - вполне обоснованно отмечает в своей монографии Е.Н.Гнатик [2, с.3].

Исходя из приведённых фактов и высказываний видных специалистов, напрашивается вывод о необходимости изучения тенденций в изменениях человека на протяжении развития всей его истории, особенно сейчас, во взаимосвязи с грандиозными социальными и техногенными преобразованиями в современном мире.

Чтобы раскрыть особенности развития человека под воздействием общественно-исторического развития необходимо дать определение следующим понятиям: “эволюционные изменения человека”, ”эволюционные трансформации человека”, ”экотехнологическая трансформация человека”.

Следует отметить, что речь идёт не о выявлении семантических различий в терминах “эволюция”, “изменение” и ”трансформация”, которые в трудах философов и учёных обычно выступают синонимичными, а о вкладываемом нами в эти понятия смысле в связи с проблемами исследования характера изменений человека в ходе эволюции. Мы не ставим перед собой цели разграничить области применения в социальной философии понятий “эволюционные изменения” и ”эволюционные трансформации”, провести анализ употребления их различными учёными, поскольку это относится к специфической области исследования в социальной философии; наша же цель – обосновать саму сущность и содержание процессов, обозначаемых понятиями “эволюционные изменения человека”, ”эволюционные трансформации человека”, ”экотехнологическая трансформация человека”.

На наш взгляд, эти процессы можно разграничить по нескольким параметрам: относительная длительность; подчинённость природным либо социальным законам; подчинённость объективным или субъективным факторам; направленность и тенденции развития человека в целом.

Так, *эволюционные изменения* человека – это медленные, происходившие на протяжении миллионов лет и подчинённые в основном природным законам перемены, в ходе которых человек интегрировался с окружающей средой, приспособлялся к ней и

результатом которых явилось возникновение человека современного биологического типа – кроманьонца. При эволюционных изменениях, прежде всего, характерны исторически длительные периоды перехода от одного качественного состояния к другому, человек по своему происхождению интегрирован с природой, является её неотъемлемой частью, и изменения носят в большей степени приспособительный характер к медленно эволюционирующей биосфере, то есть человек изменяется, но изменяется в соответствии с фундаментальными изменениями в биосфере и определённой географической среде, в которой он живёт и развивается.

В условиях изменяемой внешней среды интенсивная реализация факторов эволюции приводила к появлению всё новых и новых форм жизни, приспособленных к тем или иным средам, то есть условиям обитания. При этом наряду с освоением новых экологических ниш мы наблюдаем и совершенствование биологических форм в пределах этих ниш. Наиболее зримое воплощение эволюционного процесса имеет совершенствование нервной системы биологических существ за счёт увеличения объёма и совершенствования структур мозга. Именно путем усложнения, качественных изменений нервной системы биологические существа на поздних стадиях эволюции оказались способными быстрее и адекватнее реагировать на изменения внешней среды, что выделило их в разряд животных, именуемых высшими; при этом резкий спад воспроизводства таких существ компенсировался большей выживаемостью потомства.

Характерные особенности наших предков и их изменения во времени достаточно известны, и, хотя неполнота исходных археологических и иных материалов приводит к различному пониманию места какого-либо из найденных останков в родословной человека, что составляет суть многих расхождений в антропологии, общая картина эволюции человека представляется достаточно ясной.

Первые гоминиды, перешедшие к хождению на двух конечностях, были довольно незащитными в стычках с наземными врагами. Относительно большую роль для выживания сыграли приспособительные признаки, сохранившиеся от их древесной стадии существования, такие как ловкость и гибкость передних конечностей, способных к разнообразным движениям, привычка манипулировать различными предметами. Быстрый прогресс в использовании передних конечностей сначала для манипуляций, затем для бросания

предметов – камней и палок, а также для их обработки, хотя бы самой грубой, стал насущной необходимостью. Важным стимулом для использования и изготовления примитивных орудий явился и неизбежный в новых условиях переход к мясной, то есть добываемой охотой пище, тем более что гоминиды в отличие от павианов и горилл не были вооружены большими клыками.

Успеху гоминид во многом способствовали также другие навыки и элементы поведения, унаследованные ими от предков, живших на деревьях. Способность к совместной деятельности и организации в устойчивые семьи, стада и еще более крупные сообщества, эффективные системы взаимной связи и передачи информации, наличие весьма длительного периода обучения и воспитания потомства – все эти особенности поведения, которые мы в зародыше находим еще на предшествующих стадиях, несомненно, сыграли значительную роль в эволюционном становлении человека, когда заметные изменения происходят только на протяжении сотен тысяч и даже миллионов лет. Однако следует понимать, что в итоге на протяжении более короткого промежутка времени, количественные изменения переходят в качественные, как это произошло, например, с появлением двух известных нам типов *homo sapiens* – неандертальца и кроманьонца. Эти качественные изменения являются итогом длительных “эволюционных накоплений” в организмах предшествующих им человекоподобных существ, либо результатом весьма резких изменений на планете и появлением существенных факторов, воздействующих на человеческий организм в относительно сжатые временные сроки. Примером различной деятельности эволюционных изменений у гоминид является факт “отрыва” Южной и Северной Америк от Африки и Европы: как известно, существующий в Африке более высокий уровень радиационных воздействий привёл к более быстрым мутациям в гоминидах, что позволило не только развиваться высокоорганизованным обезьянам – гориллам и шимпанзе, но и привело к появлению более сложной структуры биологического организма – человека. Этого не произошло в Америке, а существующие там люди до европейского открытия «нового света» переселились туда из “старого света” [7, с.35].

Эволюционные изменения шли сравнительно медленно (миллионы лет), они плавно накапливались, сменившись затем эволюционными трансформациями, то есть качественными

переходами на основе накоплений внутренних изменений, особенно веса и структуры мозга. Эту закономерность очень ярко можно проследить на примере биологической эволюции человека, основанной на естественном отборе. Как отмечает Ю.И.Семёнов, “в течение всего раннего палеолита шел процесс эволюции человека как биологического вида. Между архантропами, палеоантропами и неоантропами существуют значительные морфофизиологические различия, которые, во всяком случае, не могут быть оценены ниже, чем видовые. Процесс трансформации архантропов в палеоантропов и последних в неоантропов с точки зрения биологии не может рассматриваться иначе, как процесс видообразования, возникновения новых биологических видов.

С появлением неоантропа развитие человека как биологического вида прекратилось. Это отнюдь не значит, что человек вообще перестал развиваться. Наоборот, только с появлением неоантропа началось стремительное, непрерывно убыстряющееся развитие человечества” [8, с.17].

Подобную точку зрения можно встретить и у других авторов, считающих, что “вытеснение естественного отбора происходило очень медленно и постепенно и закончилось, по-видимому, лишь с появлением человека современного вида. Об этом свидетельствуют, в частности, значительное изменение физического типа человека на протяжении нижнего палеолита при малом прогрессе в технике и культуре и постоянство типа современного человека, несмотря на грандиозные изменения в производстве и технике. По-видимому, начиная с эпохи позднего палеолита, прекратилась физическая реакция человека на изменения в производстве, сменившись более сложной зависимостью, опосредствованной в процессе производства. Иными словами, только в эпоху позднего палеолита произошла замена естественного отбора социальными закономерностями, и с этой эпохи прогресс в области производства не зависит от каких-то морфологических преобразований, а определяется только развитием человеческого сознания” [7, с.40].

В то же время следует отметить, что в своих исследованиях указанные выше авторы не правы, во-первых, в том, что произошла замена естественного отбора социальными закономерностями и, во-вторых, что утвердилось определённое постоянство типа современного человека.

Естественный отбор человека наблюдается на всём протяжении двухсоттысячелетней истории кроманьонца и собственно преимущественно социальные закономерности стали проявляться только в эпоху техногенного развития – индустриального и постиндустриального, тогда как в период собирательства и земледелия человек находился “в плену” природно-социальных закономерностей, где незначительная социальная составляющая не играла своей решающей жизненной роли. О социальных закономерностях развития человечества обычно говорят довольно условно: раз человек живёт в социуме, то и подвергается социальной эволюции. На самом же деле, человек, как биосоциальное существо, находится во власти двух групп закономерностей – природно-биосферных и социальных. И до появления и развития промышленного производства (с промышленной революции конца XVIII века) природно-биосферные закономерности всецело определяли жизнь человека; и только в условиях техногенного развития социальная составляющая существенно возросла – и мы сейчас можем говорить о том, что человечество развивается на основе социально-природных закономерностей. Так, за всю историю развития кроманьонца (150-200 тысяч лет) средняя продолжительность жизни возросла с 12-13 лет до 20 лет в XV веке, что определялось в основном высокой детской смертностью [5, с.38-39]. В годы прединдустриального развития (XVI-XVIII века) она возрастает до 30-35 лет, а за два столетия индустриального развития (XIX-XX века) она достигает уже 75-80 лет в наиболее развитых странах [5, с.40-53]. О поспешности выводов об определённости постоянства типа современного человека свидетельствуют и процессы акселерации, когда только в XX веке население промышленных стран подросло на 10-15 см, и многие другие данные.

Кроманьонец, проживший на планете без существенных физических изменений последние 50 тысяч лет, в эпоху постземледельческого развития стал стремительно видоизменяться и терять свои былые природно-функциональные качества, приобретая социальные и социально-техногенные.

Человек был порожден биосферой и до определенного времени развивался преимущественно как природное существо, в котором природные задатки превалировали над социальными способностями. И несмотря на все трудности жизни и выживания в

биосферно-природной среде, человек соответствовал этой среде, в которой проходила его жизнь и естественный отбор. Заметные изменения социального порядка в человеке стали происходить, начиная с эпохи неолита, аграрных революций. Именно в этот период начали не только развиваться многие стороны социальной жизни и соответственно социальные качества людей, но и снижаться давление естественного отбора. “Сам человек в его социальной истории, – пишет В.П. Казначеев, – в растущей степени управляемый целевыми факторами, опосредованными элементами культуры, социальными потребностями, выскользнул из сфер естественного отбора и вошел в зону культурного биосоциального эволюционного процесса. Советский биолог Н.К. Кольцов ещё в 20-е годы нашего столетия показал, что приблизительно за последние 8-10 тыс. лет давление естественного отбора снизилось в тысячу раз. В отношении наших дней давление естественного отбора на человека, вероятно, снизилось ещё на два порядка” [6, с. 222-223].

Здесь мы можем говорить об *эволюционных трансформациях* человека, которые шли уже не по чисто природным, а преимущественно по природно-социальным законам. Происходили они, по сравнению с предыдущими эволюционными изменениями, с относительно большой скоростью: если первые длились миллионы лет и завершились появлением кроманьонца – человека современного биологического типа, то вторые происходили всего лишь несколько десятков тысяч лет: с 40-50 тысяч лет до нашей эры и до 1800-х годов.

К эволюционным трансформациям в обществе собирательства и охоты мы можем отнести в основном такие социальные явления как появление и закрепление мифологического сознания, мифологического мировоззрения, культуры и основных (первичных) норм нравственности. Однако стоит отметить и то, что параллельно с этим шло и облагораживание телесности человека – становились более изящными, интеллектуальными черты лица и т.п. На базе развития социальной культуры становился и совершенствовался человек современного типа.

Становление индустриально-городской, затем постиндустриальной, а в итоге техногенной цивилизации является самым мощным фактором изменения человеческой жизнедеятельности и человека. Но большинству исследователей видятся

изменения в человеке только положительного характера, и мало кто обращает внимание на его кризисное состояние. Обеспокоенный ростом и давлением техники на общество и природу, Н.Бердяев одним из первых высказал предположения об изменении и кризисе рода человеческого. Он отмечал, что с концом Ренессанса и переходом к машинному производству “обнаруживается новое отношение человека к природе. Завоевывается и покоряется человеку сама внешняя природа, и от этого меняется сама человеческая природа... Если предшествующая стадия ознаменовалась органическим отношением человека к природе и ритм человеческой жизни соответствовал ритму жизни природной... то, с известного момента истории, происходит радикальный сдвиг и переворот: переход к механическому и машинному складу жизни... По моему глубокому убеждению, произошла величайшая революция, какую только знала история, - кризис рода человеческого... Я думаю, что победоносное появление машины есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе” [1, с.117].

Новая реальность, техногенный мир, а не природа, во многом уже определяют жизнедеятельность человека. В ходе развития техносферы и ноосферы происходит интеграция социально-природного человека с техникой и связанный с этим эволюционный кризис человека.

Это ставит перед человечеством вопрос: насколько значительны эти изменения в человеческом роде, и в каком направлении они трансформируют социально-природную сущность человека.

Ускоряющееся формирование техно-ноосферы во второй половине XX века характеризуется не только снижением давления естественного отбора, но и ускорением трансформации и даже деградации современного человека, особенно в урбанизированной, предельно техногенной среде.

Биосферный человек в условиях бурного промышленного развития, урбанизации жизнедеятельности и разрушения биосферы подвергается деструктивным процессам и, пожалуй, уже необратимой деградации природных его свойств. Все усилия медицины, как уже подчеркивалось нами, направлены не на сохранение и развитие природных качеств людей, а на лечение болезней, соответствующую разработку лекарств и различных технологий и методов лечения от болезней, не обращая внимания на

заметное усиливающееся разрушение физического и психического здоровья человека техногенной цивилизации, в результате чего и появляются болезни. Современные условия жизни землян изменяются настолько сильно, что это вызывает трансформацию человеческого организма. Стремительные индустриализация и урбанизация создали совершенно иные условия существования не только человека, но и всей биосферы и биоприроды, когда осуществляется переход от мира естественного к миру социально-искусственному, где рационально организованное общество, техника и технологии создают и поддерживают новую жизнедеятельность и экологию человека. Эти и многие другие подобные явления как положительного, так и отрицательного характера в диссертации будут рассматриваться нами в рамках процесса, который мы определили как “экотехнологическая трансформация человека”.

Экотехнологическая трансформация человека – это подчинённое социальным и социоприродным законам коренное изменение биосоциальной природы человека и его интеграция с техникой и техносферой в целом под воздействием ряда социальных факторов, и в первую очередь – стремительно восходящей науко-техники, с помощью которой человек изменяет самого себя и строит искусственную среду своего обитания. Можно сказать, что человек влияет на самого себя и изменяет самого себя при помощи созданного им инструмента – техники и искусственной среды обитания, которые через сложную систему воздействий и трансформируют его. К трактовке экотехнологической трансформации человека нельзя отнестись однозначно. Говоря о ней, можно говорить не только об интеграции современного человека с техникой, интеграции с искусственным миром, который развивается в зависимости от техники, наполняя ею быт человека, не только об изменении мировоззрения под влиянием техники.

К экотехнологической трансформации человека можно отнести также и изменение образа жизни под воздействием техники, и возникновение потребностей технико-технического характера, нередко – чисто психологических, формирование нового разумного существа, в организм которого уже могут быть включены чипы и иные технические средства. Как отмечает Э.С.Демиденко, “до сих пор на Земле осуществлялась биогенетическая смена биосферных существ, приведшая к появлению человека... сейчас же на смену

биосферному, биосоциальному существу грозит прийти существо постчеловеческое: вначале биотехносоциальное, затем и технобиосоциальное и, наконец, как венец творения homo sapiens – киборг...” [3, с.140].

Основными проявлениями экотехнологической трансформации человека, которая неразрывным образом связана с разрушением и деградацией биосферы, интенсивным загрязнением природной среды, с коренными техно-биологическими изменениями в ней являются проблемы экологии человека, выход его из сферы физического труда, что ведет к изменению его образа жизни и потере им былых природных свойств, органов и функциональных систем, особенно сердечно-сосудистой, половой, эндокринной и др., проблемы, связанные с употреблением алкоголя, наркотиков, психосоциальные перегрузки и т.п.

Новые потребности и интересы, которые овладевают человеческими умами и душами, связаны все больше и больше со стремительно развивающимися техникой и технологиями, искусственностью социоприродного развития.

По итогам данной статьи можно отметить следующее:

Во-первых, исследуемые в ней такие процессы как эволюционные изменения человека, эволюционные трансформации человека, экотехнологическая трансформация человека ещё не вполне изучены, упоминания о них довольно редко встречаются в научной литературе. Чтобы избежать методологической путаницы и сложностей, связанных с большим объёмом явлений и законов, входящих в данные процессы, их можно разграничивать по следующим параметрам: относительная длительность, подчинённость природным либо социальным законам, характер интеграции человека с окружающей средой, прогрессирование либо деградация определённых качеств человека, направленность развития человека в целом.

Изучение данных процессов, сопоставление их временных рамок позволяет нам более отчётливо представить динамику изменений, прежде всего, в человеке: от его становления и до современности. Мы видим, что с развитием общества эта динамика всё более и более ускоряется, человек развивается всё быстрее, и данную тенденцию нельзя оставлять без внимания. В то же время с рубежа промышленной революции начинаются процессы

деградационного плана, особенно касающиеся природных качеств человека, возникают серьёзные противоречия между биологической природой человека и требованиями, которое предъявляет к нему общественное развитие, построенное на увеличении роли социального и технико-технологического фактора. Постоянно ускоряющийся процесс изменений и трансформаций в человеке (как положительных, так и отрицательных) есть прямое следствие взаимодействия природных и общественных законов развития людей.

Во-вторых, под эволюционными изменениями человека мы понимаем медленные, происходившие на протяжении миллионов лет и подчинённые в основном природным законам перемены, в ходе которых человек интегрировался с окружающей средой, приспособлялся к ней, и результатом которых явилось возникновение человека современного биологического типа – кроманьонца. Эволюционные изменения формировали преимущественно тело и телесность человека, влияли на биологические параметры, которые отличают человека от животных: прямохождение, объём мозга, развитая кисть руки, способность к членораздельной речи и пр. Преобладающие при этом законы естественного отбора работали во благо человеческому здоровью; человек не противопоставлял себя природе, а просто пытался выжить в ней.

В третьих, эволюционные трансформации человека, шли уже не по чисто природным, а преимущественно по природно-социальным законам, происходили всего лишь несколько десятков тысяч лет: с 40-50 тысяч лет до нашей эры и до 1800-х годов. Начало эволюционных трансформации ознаменовалось такими социальными явлениями как появление и закрепление мифологического сознания, мифологического мировоззрения, культуры и основных (первичных) норм нравственности. С ходом дальнейшего прогрессивного развития общества и способов производства общественной жизни – от собирательного через земледельческий к промышленному – усложнялась структура человеческой жизнедеятельности, улучшался уровень жизни, и росла её средняя продолжительность. Это было связано с ростом благосостояния людей, улучшением медицинской помощи, питания и т.п. Человечество в целом прогрессировало, избавилось от многих болезней (оспа, чума и пр.); ускоренными темпами стали развиваться наука и техника, подготовив тем самым

переход к научно-технологическому способу производства общественной жизни.

В четвёртых, экотехнологическая трансформация человека, происходящая в последние десятилетия подчинена социальным и социоприродным законам, связана, в первую очередь, с глубинными экотехнологическими переменами в мире под воздействием достижений научно-технической революции, и является коренным изменением биосоциальной природы человека и его интеграцией с техникой и техносферой в целом. Это явление необходимо осознать, чтобы понять суть современной экологической ситуации, суть изменений в человеческом здоровье и его природных качествах, осмыслить проблематику трансформации человека в динамично изменяющемся техногенном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А.Бердяев. – М., 1991.
2. Гнатик, Е.Н. Человек и его перспективы в свете антропогенетики: философский анализ / Е.Н.Гнатик. – М., 2005.
3. Демиденко, Э.С. Формирование метасоциума и постбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М. – Брянск, 2006.
4. Демиденко, Э.С. Экотехнологический апокалипсис или “конец света” природного человека / Э.С.Демиденко. – Брянск, 1993.
5. Журов, Ю.В. Проблемы методологии истории / Ю.В.Журов. – Брянск, 1996.
6. Казначеев, В.П. Учение В.И.Вернадского о ноосфере в связи с современными проблемами экологии человека / В.П.Казначеев // Учение В.И.Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – М., 1990. – Т.1.
7. Першиц, А.И. История первобытного общества / А.И.Першиц, А.Л.Монгайт, В.П.Алексеев. - М., 1982.
8. Семёнов, Ю.И. На заре человеческой истории / Ю.И.Семёнов. - М., 1989.

Е.А. СТЕРНИКОВА

ХАРАКТЕР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сущность молодежи как социальной группы раскрывается в процессе реализации ею функции воспроизводства социальной структуры общественного организма. Наследуя и воспроизводя сложившиеся общественные отношения, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности социума, участвует в его

совершенствовании, в преобразовании многих сторон жизнедеятельности людей на основе своего инновационного потенциала, тем самым осуществляется как развитие молодежи, так и общества в целом.

Современные национальные и интернациональные общества - это динамично развивающиеся и усложняющиеся системы, проходящие один за другим этапы модернизации в производстве и других сферах жизни. Происходящие в них фундаментальные социально-экономические и социокультурные изменения направлены сторону усиления неопределенности, неоднозначности очень многих явлений и процессов. Исчерпывающее познание действительности становится невозможным. Снижается возможность прогнозирования не только отдаленного, но и ближайшего будущего, что приносит неопределенность и нестабильность в жизнедеятельность. Вместе с тем мы можем говорить об общем векторе развития общества и земного мира – переходе от естественных биосферных форм жизни к искусственным, техно-ноосферным [1, с. 43].

Человек на разных ступенях своего развития усваивает развёрнутый перед ним мир человеческой культуры, воплощенный в предметах производственной и иной деятельности людей, в разнообразных формах их социального общения. Данное *«развитие в процессе усвоения человеком накопленного человечеством социального опыта, воплощенного в различных проявлениях культуры и цивилизации, называют социализацией»* [3, с. 256].

В результате социализации у человека развиваются соответствующие способности, позволяющие ему не только приспособливаться к условиям внешней среды и деятельности, но и активно утверждать себя в этой среде, проявлять творчество и изменять условия своей жизни в собственных интересах.

Стремление человека изменить условия своей жизни в лучшую сторону привело к появлению множества незаменимых, казалось бы, вещей, созданных человечеством: промышленных автоматов, автомобилей, разнообразной бытовой техники, средств бытовой химии и многого другого. Сегодня трудно себе представить нашу жизнь без этих «незаменимых» помощников.

В итоге – человек в процессе современной жизнедеятельности затрачивает очень мало мускульной энергии и достаточно широко использует свой умственный и, по сути, онаученный потенциал.

Благодаря автоматизации многих сторон быта, у современного человека появляется много свободного времени, которое он тратит на приобретение новых профессий, получение новой информации, общение, то есть на развитие социальных качеств, соответствующих нынешнему цивилизационному развитию. Это, в свою очередь, отдаляет его от природы, в мире утверждается преимущественно социальный человек, приходящий на смену биосферному, сформированному вековой биосферной природой.

Изначально человек как биологический вид выполнял функции продолжения рода. Сегодняшний *homo sapiens* – человек разумный – не торопится обзаводиться потомством; на первом месте как у мужчин, так и у женщин – самовыражение, карьера, повышение социальной значимости. Теперь можно говорить о *homo faber* – человеке производящем – и *homo communicans* – человеке общающемся. В конечном счете, большинство детей появляется, когда родителям уже за 30, что не может не сказаться на здоровье потомства. Конечно же, ребенок выживет благодаря усилиям современной медицины, но какой генный заряд он будет в себе нести, как скажется сложившаяся ситуация на будущих поколениях?

Развиваются все сферы жизнедеятельности человека, совершенствуется техника и облегчает человеку жизнь, способствуя его социальному развитию. Средства массовой информации доносят до нас шедевры мировой культуры, рассказывают о достижениях науки и техники, об истории жизни отдельных людей, которые добились значимости, славы, тем самым рекламируя нам определенный образ жизни. И люди стремятся в города, где, кажется, все возможно, все доступно.

Процесс урбанизации в современном обществе приобрел поистине грандиозный размах. По данным, приводимым Э.С. Демиденко, в 1800 году на планете проживало 45 млн городского населения, или 5 % от населения планеты, в 2000 году горожан стало около 3 млрд, или около 50%, в 2007 г. – уже 3,3 млрд, или 50 % населения планеты. Урбанизация характеризуется не просто ростом количества городов и увеличением численности их населения. Наблюдается и повышение роли города в общественной жизни, и распространение городского образа жизни по всей планете [1, с. 44-45].

Таким образом, современная «урбанизация как мировое явление представляет собой процесс интенсивной территориально-городской концентрации несельскохозяйственных видов деятельности и населения, социальный механизм развития исторической промышленно-городской формы жизнедеятельности людей и перехода традиционного общества к качественно новому типу – техногенному. Урбанизация характеризуется также нарастающим социальным развитием человека, ростом городов и городского населения и усилением их роли в общественно-историческом прогрессе, повсеместным распространением промышленно-городских отношений, типичных элементов культуры и черт образа жизни крупнейших городов, становлением новых городских форм расселения и связанных с ними принципов материально-пространственной организации общества» [1, с. 43].

Иными словами, «урбанизация есть социальный процесс формирования техносферы, поскольку, возникнув из производственной потребности, города создали ситуацию постоянного и тесного общения людей и тем самым положили начало новому витку социального, политического и культурного прогресса. Города стали основой формирования индустриальной, а теперь и постиндустриальной культуры. Создана искусственная окружающая среда, имеющая резко выраженные отличия от сельской местности, характеризующаяся невиданным ранее разнообразием функций и потребностей. Город, становясь самодостаточным организмом, все больше изолирует горожан от естественной, природной среды, ее ритмов и ее ценностей, приводит их в замкнутую искусственную среду, оторванную от биосферной жизни. Именно жизнь в городе, как отмечает С.Н. Чувин, порождает «техносферного» человека, для которого искусственная окружающая среда становится преобладающей. Она отделяет человека от природы и навязывает новую форму жизни - техносферную» [4, с.9-10].

В таких условиях изменяется и психика молодого человека. Конкуренция на уровне массового сознания «старых» и «новых» ценностей не могла не привести молодежь в состояние растерянности, непосредственным образом повлиявшее на ценностный мир нового поколения, ставший крайне противоречивым и хаотичным. В этом усматривается релятивизация ценностей, как глобальная тенденция нравственной динамики современного общества: человеку, особенно

молодому, все труднее разобраться, что хорошо, а что плохо, что одобряется, а что осуждается. В такой аморфной культуре теряется мировоззренческая ориентация, резко возрастает психологическая нагрузка на живущего в ней человека, его психика несет бремя ценностной конфликтности. В связи с этим А.Д. Московченко отмечает: «Культурная деятельность человечества все более принимает паразитарные (гетеротрофные) формы. Это проявляется прежде всего в том, что на передний план выходят сервисно-технологические потребности человеческой деятельности. Тотальная сервисная техносферизация порождает человека сервисно-технологического, которому нет дела до окружающей природно-биосферной среды. Необходимо вернуть человеку естественно-целостное представление о мире...» [2, с. 87].

Можно заметить также определенную зависимость степени техносферизации человека от его возраста: чем моложе человек, тем более испытывает он техногенное влияние, социальные качества развиты у него сильнее по сравнению с предшествующими поколениями, и, как следствие, происходит более сильное разрушение его природных качеств, ухудшается здоровье, он более подвержен так называемым «болезням цивилизации», нежели его родители.

Эта ситуация может перерасти в глобальную проблему человечества: ослабление иммунитета, появление нежелательных мутаций, последствия болезней способствуют нарушению и истощению генофонда, что может привести к исчезновению человека как биологического вида.

Наблюдается «порочный круг»: человек развивается, социализируется, стремится к улучшению своей жизни в процессе социализации, тем самым изменяя природный мир, условия жизни, создает техносферу, которая вызывает еще более высокие темпы социализации, адаптации к техногенному миру, для чего необходимо ускоренное развитие социальных качеств, при этом природные качества уходят на задний план, о них «забывают» в этой своеобразной «гонке за комфортом». И так бесконечно.

В этом и заключается противоречивость человеческого бытия в техногенном мире: физическому организму (человеку) присущи социальные качества, которые в ходе социализации начинают преобладать над природными и тем самым разрушают тот организм,

которому они присущи. Буквально здесь очень подходит одна старинная поговорка: не руби сук, на котором сидишь.

Особую тревогу вызывает ухудшение здоровья молодого поколения в России за последние полтора десятилетия так называемых реформ, то есть перехода советского общества к капитализму. За этот период состояние здоровья молодого поколения ухудшилось на 60 %, о чем заявил в средствах массовой информации Сергей Иванов. Интеллектуальное развитие молодежи характеризуется резким падением: если СССР ранее занимал третье место в мире по данному показателю, то сейчас Россия – на 46-м месте. По данным Института мозга человека РАН, проблемы с психическим здоровьем имеют 15 % детей, 25 % подростков и до 40 % призывников. Социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения. Отмечается постоянный рост количества инвалидов. С 1980 г. по настоящее время число детей-инвалидов возросло примерно в 4 раза и далее продолжает увеличиваться.

Как отмечал в свое время М. Вебер, именно способность людей воспринимать радикальные изменения общественной жизни, готовность к адекватному поведению в новых условиях представляются наиболее важным в обеспечении успеха в крупных социальных и экономических сдвигах. Сегодня (и с этим согласны многие исследователи) назрела необходимость оперативно взять под контроль процесс социализации молодого поколения как более чувствительного и гибкого к различного рода изменениям. При этом необходимо обратить особое внимание на создание системы мер по активной социализации и укреплению природного здоровья молодежи как в городе, так и на селе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Урбанизация в современном мире / Э.С. Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. – Брянск: БГТУ, 2006. – Вып. 4.
2. Московченко, А.Д. Философия и стратегия инженерно-технического образования / А.Д. Московченко // Философские науки. – 2005. - № 12.
3. Социология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
4. Чувин, С.Н. Проблематика трансформации современного человека в техногенном мире / С.Н.Чувин. – Брянск: БГУ, 2006.

ПРОБЛЕМА ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Приходится бежать со всех ног,
только чтобы остаться на том же
месте. Если хочешь попасть в
другое место, нужно бежать вдвое
быстрее.*

*Льюис Кэррол.
«Алиса в стране чудес»*

В цивилизованном обществе здоровье человека является определяющим, системообразующим фактором государственной экономической и социальной политики, приоритетным направлением всех природоохранных и профилактических мероприятий. Общеизвестно, что здоровье молодого поколения является одним из наиболее чувствительных индикаторов, отражающих состояние качества окружающей его среды. Высокая чувствительность молодого организма, находящегося в процессе развития, не только определяет состояние здоровья человека в настоящий момент, но и оказывает влияние на его дальнейшее развитие. Ухудшение здоровья молодежи – одна из многочисленных глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией и поставивших под угрозу само существование человечества.

Отражением влияния факторов окружающей среды на здоровье молодежи являются показатели первичной заболеваемости, которые характеризуют частоту впервые в жизни установленных диагнозов болезней.

Манифестным маркером экологического неблагополучия среды, в первую очередь, является патология органов дыхания. Загрязненный воздух способствует возникновению и усугублению таких состояний, как острые и хронические неспецифические заболевания верхних дыхательных путей, хронический бронхит, эмфизема легких, бронхиальная астма, рак легкого. Установлено, что первичная заболеваемость молодых людей в среднем в 5 раз превышает уровень заболеваемости взрослого населения. Также

можно отметить, что городская молодежь подвержена этим заболеваниям в 1,7 раза чаще по сравнению с сельской.

В сложном спектре показателей, отражающих динамику здоровья молодежи, важное значение имеют эпидемиологические характеристики врожденных пороков развития (ВПР) у детей. Имеющиеся в настоящее время сведения об этиологической структуре ВПР свидетельствуют о том, что растущий уровень техносферизации и, как следствие, загрязнение окружающей среды может создавать опасность для повышения частоты ВПР в результате как воздействия техногенных факторов на развивающийся эмбрион и плод, так и повреждения генетических структур половых клеток родителей. Исследователями установлена достоверная корреляционная связь патологии беременности с повышенным содержанием сернистого газа, фосфорного ангидрида, свинца, никеля, железа в атмосферном воздухе.

Как отмечает С.Н. Чувин, «сейчас даже новорожденные дети под воздействием техногенных изменений, что приводит к ослаблению иммунной защиты человека, болеют в 4-5 раз больше, чем ранее. С ростом организма продолжается накопление отрицательных воздействий техногенной окружающей среды... Особенно это выражено у людей, проживающих в экологически неблагоприятных местностях – в промышленных регионах, вблизи химических комбинатов, в зоне радиационных загрязнений». [4, с. 30]

Стремительно развивающаяся техногенная урбанизация существенно изменила естественный магнитный фон Земли, превысив его в десятки, а в ряде мест и тысячи раз. Таким образом, все живое на Земле окунулось в «искусственное море» электромагнетизма, перейдя местами в «бушующий и хаотичный океан», когда уровень волнового воздействия многократно превысил порог безопасной индукции. Масштабы электромагнитного загрязнения среды обитания людей стали столь существенными, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включила эту проблему в число наиболее актуальных для человечества. А многие ученые относят ее к сильнодействующим экологическим факторам с катастрофическими последствиями для всего живого на планете.

Современный молодой человек не мыслит своей жизни без определенных производственных и особенно «бытовых благ». Дело в том, что у человечества со временем, как отмечает З. Бауман

«развилась потребность» в самых разнообразных благах цивилизации. Так, «... когда просиживание за телевизором по вечерам еще и не мыслилось, он нам и не был нужен; теперь же мы чувствуем себя обделенными и подавленными, если телевизор выходит из строя» [1, с.209]. Что же говорить в таком случае о подрастающем поколении, которое с самого рождения погружено в эту благоприятную для организма среду, заметим, техногенного характера? Микроволновая печь, некоторые виды теплых полов, электроплита, электродуховка (особенно с грилем), зарядные устройства и выпрямители, холодильник (с системой No Frost), телевизор, кондиционер, музыкальный центр с разветвленной по всей квартире, включая туалет и кладовку, системой динамиков, кухонный комбайн, пылесос и лампы дневного света — вот та микротехносфера, в которой он чувствует себя комфортно, не замечая при этом, что каждый из этих «чудесных, но привычных предметов» является фактором риска для его здоровья, и для здоровья будущих поколений.

Конечно, человечество, вкусившее все блага цивилизации, никогда не откажется от них, даже если существует угроза его здоровью. Однако только разумное пользование ими может пойти во благо. Молодой человек, экологически неориентированный, окруженный в избытке такими вездесущими атрибутами жилища, как цветной телевизор, компьютер, мобильный или радиотелефон, посудомоечная и стиральная машины, будет расплачиваться повышенной вероятностью возникновения рака, инфаркта, инсульта, импотенции, бесплодия и психических расстройств. К сожалению, телевизионное «зомбирование» и большинство газетно-журнальных публикаций формируют в массах опасения глобальных экологических проблем (типа потепления, «озоновых дыр», разлившихся из танкера нефтепродуктов), что, конечно, весьма важно, но в то же время отводят внимание общественности от региональных, муниципальных и, особенно, «домашних экологических катастроф».

Современная медицина, оснащенная новейшими техническими средствами, имеющая в своем распоряжении новые лекарственные препараты значительно продлила срок человеческой жизни. Она может лечить многие болезни, но вместе с тем устраняет действие естественного отбора, который на заре становления человечества

«вычеркивал» носителей генетических ошибок из цепи сменяющихся поколений. С ростом мутагенных факторов в современных условиях биологического воспроизводства человека нарастает опасность резкого ухудшения генофонда человечества, уже в ближайшие десятилетия XXI века.

«Если рассматривать негативные тенденции в репродукции людей, - отмечает С.Н. Чувин, - то на первом месте, пожалуй, стоит ухудшение возможности оплодотворения: в сперме современных мужчин стремительно уменьшается не только общее количество сперматозоидов, но и число активных, жизнеспособных. Найденный вроде бы выход – искусственное оплодотворение – не устраняет самих причин нарастания человеческого бесплодия. Если при естественном зачатии в яйцеклетку проникает один из самых активных сперматозоидов, то при искусственном зачатии под окуляром микроскопа в нее вводится произвольный. Да и вообще, «ребенок из пробирки» (мы говорим не о безвыходной ситуации, а о нарастающей тенденции) подрывает саму биологию материнства, и, вполне возможно, в нашем техногенном будущем у женщин исчезнут функции деторождения (останется лишь функция производства яйцеклеток)». [4, с. 35].

Некоторые исследователи видят выход в перспективах генной инженерии, и генетической медицины, использующей расшифрованный геном человека. Здесь нас подстерегают, на наш взгляд, новые опасности. Если дать возможность вмешиваться в генетический код человека, изменять его, то этот путь ведет не только к позитивным результатам лечения ряда наследственных болезней, но и открывает опасные перспективы перестройки самих основ человеческой телесности. Возникает соблазн «планового» генетического совершенствования природой созданного «антропологического материала», приспособливая его ко все новым социальным нагрузкам. Об этом сегодня пишут уже не только в фантастической литературе. Подобную перспективу всерьез обсуждают биологи, философы, социологи и футурологи. Несомненно, что достижения научно-технического прогресса дадут в руки человечества могучие средства, позволяющие воздействовать на глубинные генетические структуры, управляющие воспроизводством человеческого тела. Но, получив в свое распоряжение подобные средства, человечество обретет нечто равнозначное, если не более

могущественное, атомной энергии по возможным отрицательным последствиям.

Все эти моменты можно отметить, но управлять ими крайне сложно, тем более при отсутствии единой воли народов. Мы согласны с выводами Е.А. Дергачевой, что в этих условиях можно «... лишь принять меры по ограничению негативных аспектов техногенной рациональности, гуманизации научно-технического прогресса, ... но нельзя остановить стремительно нарастающие темпы разрушения былой природно-социальной системы и формирования новой, социоприродной» [2, 177].

Тем не менее мы не должны отказываться от поисков сохранения природного здоровья молодого поколения и разрабатывать уже сегодня действенные меры по укреплению здоровья молодежи и всей нации в целом. Среди таких мер, на наш взгляд, можно предложить:

1) широкомасштабные исследования падения состояния здоровья молодежи в связи с нарастающим техногенным развитием земного мира;

2) массовая организация просвещения населения и особенно молодого поколения в области современных тенденций техногенного развития, основных причин падения здоровья молодого поколения и основных направлений и конкретных форм укрепления здоровья;

3) разработка и реализация программ оздоровления населения, развитие его социальных и природных качеств, преодоление техногенности человеческого организма;

4) разработка специальных программ по формированию экологически благоприятной среды для воспитания и укрепления здоровья детей в детских яслях, садах и школах;

5) формирование экологической законодательной базы для строительства и эксплуатации всех видов и форм техносферы – от мегаполисов и городских агломераций, производств до предметного электромагнитного окружения;

6) формирование законодательной базы для производства экологически ценных продуктов питания для населения и особенно детей.

Безусловно, мы в небольшой статье коснулись лишь некоторых аспектов проблематики здоровья молодежи в техногенном обществе

и мер по его укреплению. Проблема здоровья крайне острая и сложная, и ее следует решать сейчас, не откладывая на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Мыслить социологически: учеб. пособие / пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: монография / Е.А. Дергачева. – Брянск: БГТУ, 2005.
3. Меерович, М.И. Опережающая педагогика в техногенном обществе / М.И.Меерович, Л.И. Шрагина // Техника будущего. – № 1-2. - 1994. - С. 54-57.
4. Чувин, С.Н. Проблематика трансформации современного человека в техногенном мире / С.Н.Чувин. – Брянск: БГУ, 2006.

А.В. ГОРОХОВ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА (ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Целью данной работы является выявление тенденций отношений личности и социальной среды (общества, социума), выделение в них противоположных диспозиций взаимодействий, имеющих диалектико-персоналистическую природу. Тем самым мы покажем, что тенденции социализации и персонализации являются генеральными в системе взаимодействий.

Перед тем как приступить к анализу взаимодействий личности и общества, необходимо сделать некоторые предварительные утверждения.

Утверждение 1. Система «личность-общество» является целостной, тотальной. Другими словами, категории «личность» и «общество» являются диалектической парой, взаимополагающие и взаимодополняющие свою противоположность, т.е. эти категории *комплементарны*. Из этого следует, что бессмысленно выяснять выводимость одной категории из другой, тем более искать сущность одной категории в содержании другой. Суждение «личность выводима из социума» и «социум выводим из личности» суть антиномии, которые преодолеваются диалектическим синтезом.

Диалектическое единство «личности» и «общества», их нерасчлененность – исходное положение наших рассуждений.

Утверждение 2. Будучи целостными в системе «личность-общество», сами категории имеют в определенном смысле

субстанциональность, т.е. определенные меры самодостаточности и независимости от своей противоположности.

Несмотря на то что и личность, и социум проникают друг в друга, это проникновение носит относительный, а не абсолютный характер. Бесспорно, что личность социальна, а общество личностно. Однако и личность, и общество содержат в себе субстанциональную неповторимость, не растворимую в своем другом. Как мы увидим ниже, тенденции персонализации и социализации являются частью этой неповторимости, конституирующие свой полюс взаимоотношений.

Утверждение 3. Система «личность-общество» не может быть в принципе завершена. Иными словами, динамика взаимодействия между личностью и его социальным окружением находится в диалектическом единстве и тождестве устойчивости и изменчивости.

Это положение следует из того, что и личность и общество не завершены до конца, в них есть всегда элемент возможного, т.е. потенциального (само)развития. А на основании их комплементарности можно сделать вывод, что они обуславливают друг друга и приводят к развитию системы в целом.

Утверждение 4. Из предыдущего утверждения логически следует положение, что взаимодействие в системе «личность-общество» невозможно до конца объяснить из-за ее незавершенности, тем более выявить сущности данных взаимодействий. Таким образом, остается лишь *феноменологическое описание* всевозможных паттернов их взаимодействия.

Теперь опишем метод нашего исследования. Его логика заключается в следующем. Исходным моментом (основополагающим методом) является диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. движение по схеме *всеобщее-особенное-единичное*. В нашем случае это есть определение наличных или возможных состояний личности и/или способов ее взаимодействия с социальной средой. Наиболее крайней абстракцией (*всеобщим*) является система «личность-общество». Восхождение абстрактной схемы «личность-общество» к конкретным ее проявлениям (*единичное*) осуществляется путем выделения структурной и динамической сторон данной системы. Конкретизация абстрактной возможности структурирования происходит путем выделения подсистем взаимодействия «личность-общество»

(особенное), а именно выделения двух способов отношений личности: отношение к себе (в себе) и отношение к другим (в других). Конкретизация динамической стороны системы «личность-общество» происходит путем последовательного выделения:

а) модусов активности, которые в целом определяют тенденции взаимоотношения, а именно модусов *социализации* и *персонализации*;

б) источников активности, т.е. определенных мотивационных установок, а именно стремлений «иметь» и «быть»;

в) способов активности, т.е. характера протекания взаимодействия в системе, а именно тенденций организованности–структурированности и дезорганизованности–стихийности.

Превращение абстрактных возможностей взаимодействия в указанной системе в конкретные осуществляется путем выделения осей с противоположными полюсами. Основными осями в нашем исследовании есть противоположность «Я»(личность)–«другие»(социум) и противоположность «социализация»–«персонализация». Остальные оси-противоположности будут в ходе рассуждения сопоставлены и скоординированы с генеральными. Таким образом, переход абстрактной возможности взаимодействия к конкретным действиям происходит путем взаимовращения осей, в результате чего нам можно выделить отдельные виды тенденций взаимодействия. В результате мы получим всю панораму потенциально-конкретных паттернов взаимодействия личности и общества, логику и диалектику которых следует проанализировать относительно модусов активности отношения – социализации и персонализации.

Итак, основные диспозиции в нашем исследовании являются полюсы «Я»–«другие» и «социализация»–«персонализация», причем первый полюс отражает структуру, а второй – динамику системы «личность-общество».

Остановимся на этих диспозициях поподробнее.

Бесспорно, что свойство отношения (связи) имманентно личности, является его атрибутивным качеством (способом) существования. Человек по своей природе есть бытие с другим и для других, т.е. связь к другому, к «Ты» посредством общения (или трансцендирования) заложено в природе человека, поэтому личность пронизана двояким отношением: не столько отношением к самому

себе (наличное бытие, бытие-в-себе), сколько устремлением-отношением к другому (бытие-с-другими, бытие-в-других) [2, 6, 7].

Дескрипция «отношения к ...» и «отношение в ...» не случайна, так как многие сужают феномен отношения ($\equiv$ сознания), сводя его только к «отношению к ...». Однако отношение, как связь, есть не только знание (отношение к ...), но и рефлексия данного знания (отношение в ...). Сознание человека есть не только направленность (интенциональность) к объекту, но и последующее о-сознание этого акта – рефлексия над со-бытием, т.е. вживание в ситуацию, в феномен.

Итак, с точки зрения структуры системы мы выделили два способа, два уровня отношения личности к социальной среде: отношение к (в) себе и отношение к(в) другим(х). Примечательно, что эти отношения в самой структуре личности проявляются как тенденции индивидуализации и универсализации личностного бытия (рис. 1):

Рис. 1. Тенденции индивидуализации и универсализации личностного бытия

Таким образом, основными интенциональными объектами взаимодействия, относительно которых формируется все многообразие паттернов взаимодействия в системе «личность»–«общество», являются категории «Я» и «другие». Это означает, что инвариантной осью с двумя крайними полюсами, вокруг которых будут вращаться все другие (вариативные) оси, является ось «Я»–

«другие», что в свою очередь соответствует диалектической паре «личность»–«общество».

Говоря о динамической стороне системы «личность-общество», необходимо указать на определенную сложность при выделении генеральной диспозиции тенденций активности в системе, относительно которой остальные тенденции являлись бы вторичными, производными. Из всего многообразия тенденций и исходя из общей логики исследования, можно выделить противоположную пару активности, находящуюся в диалектическом единстве и тождестве, с одной стороны, и являющейся, по нашему мнению, родовой относительно других модусов активности в системе «личность-социум», с другой. Эта диалектическая пара есть пара «социализация»–«персонализация».

Под социализацией понимается такой способ бытия (или его достижение) человека, в котором он выступает как *социальный индивид*. Данный способ характеризуется процессом принятия индивидом определенных, в основном социально-значимых, норм, предписаний, директив, социальных статусов для эффективного взаимодействия с другими людьми в социуме.

Тенденция «социализация» сопровождается следующими процессами:

- адаптация, иначе говоря, разнообразные способы приспособления индивида к социуму;
- стереотипизация, ритуализация поведенческих актов (установка «быть как другие»);
- формирование принадлежности (или соответствующего чувства) к определенной социальной общности;
- коллективизация жизни (установка «быть как все») и т.д.

Под персонализацией понимается такой способ бытия (или его достижение) человека, в котором он выступает как *личность*. Данный способ высвечивает в человеке его духовную составляющую, являющуюся результатом личностного роста, его свободу, творческие акты, ответственность за себя и свое окружение.

Тенденция «персонализация» сопровождается такими процессами:

- творческое преобразование, т.е. свободное формирование образа «Я» и окружения;

- унификация, партикуляризация поведенческих актов (установка «быть-самим-собой»);
- формирование принадлежности (или соответствующего чувства) к духовной общности, духовному союзу людей;
- универсализация совместной жизни и ее одухотворение (установка «быть-собой-во-имя-других») и т.д.

Вполне очевидно, что в системе «личность»–«общество» диалектически взаимодействуют и проявляются обе тенденции. Абсолютизация одной из них и игнорирование противоположной есть грубейшая ошибка в социальном анализе, приводящая не только к методологическим промахам, но и к идеологическим трагедиям. Социализация и персонализация суть комплементарные тенденции в бытии человеке, их анализ наглядно показывает, что в данный момент социального бытия человека актуализировано (доминирует), а что находится в заблокированном состоянии (латентно присутствует).

Необходимо так же еще отметить, что обе тенденции не подлежат оценке по традиционной шкале «плохо»–«хорошо», так как они суть непосредственные модусы взаимодействий в системе «личность – общество».

Для доказательства логической обоснованности выбора данной оппозиции воспользуемся методом, сущность которого заключается в использовании «логического квадрата». Идея использования метода «логического квадрата», которой пользуется автор, взято из работы Н.И.Сарджвеладзе «Личность и ее взаимодействие с социальной средой»[4]. Основными отношениями в «логическом квадрате» являются отношения противности (контрарности), противоречия (контрадикторности) и подчинения (субординации). Построим «логический квадрат» на основе понятий «социализация» и «персонализация» (рис.2):

социализация	contrari	персонализация
		ия

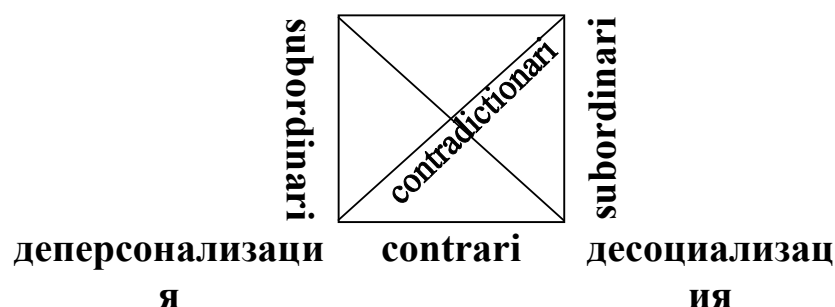

Рис.2. «Логический квадрат»

Очевидно, что «социализация» противоположна «персонализации» по своим существенным признакам. Совершенно очевидно также наличие отношения контрадикторности в парах «социализация»-«десоциализация» и «персонализация»-«деперсонализация». Не вызывает с логической точки зрения сомнения и противоположность (контрарность) получившейся пары «десоциализация»-«деперсонализация». Что касается отношения субординации, то в первую очередь необходимо сделать следующие правомерные выводы: 1) тенденция-установка «социализация» не сводится только к стремлению «деперсонализации», в ней есть не только негативные, но и позитивные, положительные моменты; таким образом, «социализация» более сложное образование нежели «деперсонализация», включающее в себя отрицание персонализации; 2) тенденция «десоциализация» логически входит в более широкое по объему образование, как «персонализация». Справедливо, что «персонализация» в качестве подчиненного элемента, определенного промежуточного состояния включает в себя момент (негации) «деперсонализации», но отнюдь не исчерпывается им.

Если же теперь скоординировать ось интенционального объекта активности «личность (Я)» - «социум (другие)» с осью модусов активности «социализация» - «персонализация», то мы выделим 4 исходных динамических тенденций (рис.3):

социализация	1	2
персонализация	3	4

Рис.3. Динамические тенденции

Опишем каждую из тенденций-установок отдельно.

1. Социализация к другим (социуму).

Бесспорно, что данная тенденция - самая изученная тема в социальной философии и социальной психологии. Данная динамическая тенденция означает, что человек, вступая в систему общественных отношений, интериоризирует определенные нормы и ценности, адаптируется к своему социальному статусу и принимает соответствующие социальные роли. При этом формируется чувство принадлежности и сопричастности к определенной общности (так называемая «идея включенности»), консолидируясь в состояние «как-другие».

2. Социализация «Я».

Очевидно, что указанные процессы распространяются не только на внешнюю среду. Интенциональная активность, связанная с социализацией, может быть направлена и на самого человека, на его внутренние состояния. Взаимодействуя со средой, человек адаптируется, включается не только к внешним для него нормам и директивам. Совершенно справедливо и то, что подобная активность исходит из него самого: относительно самого себя складываются определенные ожидания и выдвигаются самому себе вполне социально значимые требования, которые человек стремится выполнить. Таким образом человек стремится сообразовать линию поведения с системой требования к самому себе.

Тенденции самосоциализации сопровождаются не только в самоприспособлении, но и в самопрятии, снисходительности к себе, самоуверенности, самопоследовательности и т.д.

Чрезвычайно важным моментом социализации к среде и самосоциализации является формирование социальной идентичности. Хорошо известно, что человек сталкивается с большими трудностями на определенных этапах своей жизни, связанными с утратой идентичности. Примером может послужить подростковый кризис, когда молодой человек находится в поиске социальной и индивидуальной идентичности. Утрата статуса ребенка, его

психологическое неприятие и неопределенность в выборе нового социального статуса сопровождается конфликтами не только с окружающими, но, прежде всего, с самим собой.

3. Персонализация «Я».

Данная динамическая тенденция направлена вновь на интенционального объекта «Я», но протекает совершенно иным образом. Если самосоциализация есть поиск и нахождение своей социальной субъектности (социальной самости), то самоперсонализация есть духовный прорыв в бытии человека, есть его трансцендирование, выход за рамки самого себя для обретения своего «свободного Я», «того самого Я» (духовной самости). Иными словами, самоперсонализация есть поиск и нахождение духовной составляющей жизни, в этом состоянии человек обретает духовный уровень (способ) бытия.

4. Персонализация других (социума).

Эта тенденция направлена на внешнюю среду взаимодействия системы, которая характеризуется следующими моментами:

- одухотворение социальных связей между людьми;
- тем самым формирование духовной общности, цели которой сопряжены и соответствуют задачам самоперсонализации каждой личности;
- актуализация другого, его раскрытие в свободном творчестве и т.д.

Очевидно, что персонализация социума и самого себя есть необходимый момент персоналистического состояния общества.

Итак, мы рассмотрели исходные варианты взаимодействия личности с социумом по оси «социализация»-«персонализация». Проследим определенную логическую взаимосвязь данных тенденций, которую можно представить следующей цепочкой:

(1) социализация социума ↔ (2) самосоциализация ↔ (3) самоперсонализация ↔ (4) персонализация общества.

По-другому можно сказать, что существует две генеральные тенденции во взаимодействии личности и общества:

1) стремление к тотальной социализации, сопровождающейся отчуждением тенденции персонализации

$4 \rightarrow 3 \rightarrow 2 \rightarrow 1.$

2) стремление к тотальной персонализации, сопровождающейся отчуждением тенденции социализации

$1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 4.$

Таким образом, мы выделили в системе «личность-общество» два различных способа бытия человека в социальном пространстве-времени, которые диалектически связаны между собой. Очевидно, что в жизни конкретного человека на различных этапах его развития можно проследить и выявить обе тенденции-установки. Кроме того, данные тенденции раскрывают нам по-иному диалектическое противоречие, которое возникает из многообразия взаимодействий человека с социальной средой, поэтому в анализе социального бытия человека необходимо выделять оба вектора взаимодействий, которые обуславливают конкретные паттерны поведения. И соответственно игнорирование одной из них, тем более абсолютизация какой-то одной из тенденций искажают истинную картину социального бытия.

Персоналистическое учение о человеке, разработанное русским мыслителем Н.А.Бердяевым и подхваченное западными европейским философами середины XX века, говорит нам о том, что неправомерно умалять духовную, трансцендирующую составляющую взаимодействия человека и общества. Их критика традиционного анализа социальной жизни заключается, по сути, в том, что в данном анализе абсолютизируется единственная тенденция – тенденция социализации во взаимодействии элементов системы «личность-общество» и совершенно игнорируется его диалектическая противоположность – тенденция персонализации. Это, с одной стороны, может привести (и как показывает логика развития современного общества [3, 5]) к нивелированию личностного начала в человеке, сужению понятия личности до уровня социального индивида. С другой стороны, отсутствие учета возможности трансцендирования в личностном бытии, его прорыва к другому, к Ты, разрывающего рамки социума, есть «слепое» следование тому методологическому принципу, который идет вразрез с реальными процессами, происходящими в системе «личность-общество». История взаимодействия имеет множество примеров создания малых и больших общностей людей, характеризующихся тенденцией персонализации, одухотворения социальных связей между людьми, причем, в них самих процесс социализации также присутствует, но эта тенденция носит подчиненный характер, обусловленный доминантой персонализации.

Итак, персоналистический подход глубже и соответственно богаче высвечивает в своем изложении многообразие взаимодействий в системе «личность-общество», добавляя к традиционному процессу-тенденции социальной жизни, процессу социализации его диалектическую противоположность – процесс-тенденцию персонализации. Это позволяет проследить сложность и нетривиальность проблемы, связанной с анализом системы «личность-общество». Кроме этого, персоналистическое учение носит сугубо *гуманистическое направление*, которое видит в человеке не столько индивида, который, подчиняясь социальной среде, приобретает в ней социально-значимые паттерны поведения, сколько активную личность, способную самостоятельно формировать данные паттерны, одухотворять социальное бытие. «А это значит, что в общности преодолевается одиночество не через подчинение личности обществу, как части целому, а через победу духовного мира над миром природно-социальным, т.е. через достижение духовной социальности, которая излучается личностью, а не подавляет личность» [1, с.206].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. О человеке, его свободе и обществе: избр. труды / Н.А.Бердяев / ред.-сост. Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская. – М.: МПСИ:Флинта, 1999.
2. Вольнов, В.В. Феномен свободы / В.В.Вольнов. – СПб.: «БЛИЦ», 2002.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г.Маркузе. М. 2004.
4. Сарджвеладзе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н.И.Сарджвеладзе. - Тбилиси: «Мецниереба», 1989.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э.Фромм. – М.:Республика, 1995.
6. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э.Фромм. - Киев, 1986
7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М.Хайдеггер. - М., 1997.

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Со второй половины XX века внимание философии, науки и мировой общественности привлекают процессы и проблемы, которые

объединяются под общим названием глобалистики. «**Глобалистика** представляет собой междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности, тенденций и причин процессов глобализации и порождаемых ею глобальных проблем современного общественного и социоприродного развития. Поскольку глобализация имеет двойственную, противоречивую природу, то в границах глобалистики осуществляется поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для биосферы и человека последствий современной глобализации. **Глобализация** - это довольно сложный и динамичный процесс становления единого взаимосвязанного мира, процесс стремительного формирования единого социального и социоприродного пространства развития человечества и земной жизни в целом. Феномен глобализации по-разному воспринимают, интерпретируют и оценивают. Литература по глобалистике насчитывает многие сотни монографий и тысячи статей, материалов научных конференций. В мире насчитываются сотни институтов и междисциплинарных центров, изучающих феномен глобализации, который несёт в себе множество оттенков» [1].

Обычно глобализацию рассматривают как широкий общественный процесс, упуская из виду современный социоприродный переход жизни на планете Земля. Действительно, общество не только глобализируется на основе постземледельческих, научно-технических производительных сил, развивается как техногенное мегаобщество, но трансформирует и социализирует биосферу, природный земной мир и тем самым формирует новую социоприродную реальность. Различные подходы современной эволюционной глобализации нашли отражение в трудах отечественных философов и социологов, среди которых можно назвать В.И. Вернадского, Э.С. Демиденко, Е.А.Дергачеву, А.М. Ковалева, В.А. Кутырева, Н.В. Попкову, А.Д. Урсула и др. Из теории эволюционного социоприродного перехода жизни и вытекает новое понимание глобалистики и глобализации.

Современная глобализация рассматривается как ведущая тенденция техногенного общественного и социоприродного развития и как решающий шаг в формировании будущего человечества и социоприродной жизни. Здесь, безусловно, решающую роль играет научно-техническая революция (НТР). Достижения НТР в области

информатики и связи, а также информационно-коммуникативная революция с её Интернетом и телекоммуникационными системами активизировали создание **глобального мирового сообщества**, разрывая национальные границы и неся угрозу национальной идентичности и безопасности многих народов.

Современный процесс глобализации общества обусловлен, прежде всего, глобализацией инфосферы - мирового информационного пространства, которое в последние годы стремительно преобразуется в результате развития и распространения средств информатики и новых информационных технологий. Эти средства все более и более широко проникают практически во все сферы жизнедеятельности общества и коренным образом изменяют привычный образ жизни и профессиональной деятельности миллионов людей в различных странах мира. Они создают для них принципиально новые, беспрецедентные в истории человечества возможности, а также новые, ранее неизвестные проблемы, изменяя традиционные стереотипы поведения и образ жизни. Глобальная информатизация и новые информационные технологии (ИТ) открывают небывалые возможности во всех сферах человеческой деятельности, но и порождают новые проблемы, связанные с информационной безопасностью личности, общества, государства.

Хотелось бы отметить как и основные перспективы, так и вопросы глобальной проблематики, которые поднимаются как классической теорией, так и сегодняшней практикой информатизации общества. Актуализация этих проблем чрезвычайно важна, поскольку позволит осуществить переход к информатизации общественных социоприродных процессов наиболее оптимальными и эффективными путями и с наименьшими потерями, причем необходимо учитывать трудности настоящего момента, трудности перехода к такому обществу, которое было бы гуманным и смогло бы преодолеть проблемы современности, сохранить биосферу, биосферную жизнь и человека.

Рассмотрим некоторые принципиально важные гуманитарные тенденции, которые просматриваются уже сегодня в связи с развитием новых информационных технологий и формированием глобального информатизированного социального и природного мира. Одна из них заключается в глобализации индивидуального и

общественного сознания. Это новая и весьма революционная тенденция, безусловно, будет иметь важные последствия для всего дальнейшего развития человеческого общества и земного мира. Она обусловлена глобализацией информационного пространства современного мира, которая особенно заметно стала проявлять себя в последние годы.

Если проанализировать основные факторы, содействующие глобализации информационного пространства мирового глобализирующего сообщества, то среди них можно выделить следующие четыре наиболее важных:

1. Развитие глобальной системы телевидения и радиовещания на основе использования спутниковых систем связи, покрывающих сегодня всю поверхность земного шара. Благодаря этому практически в любой точке нашей планеты сегодня обеспечивается прием нескольких телевизионных и радиопрограмм крупнейших мировых теле- и радиокompаний, которые работают круглосуточно и передают важнейшие новости, а также сведения из области экономики, науки, образования и культуры.

2. Развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей. Ярким примером здесь является сеть Интернет, которая сегодня охватывает практически весь земной шар и количество пользователей в которой продолжает непрерывно возрастать.

3. Глобализация телефонной связи, в том числе мобильной. По мобильному телефону уже сегодня можно связаться с абонентами во многих развитых странах мира, а через несколько лет эта сеть будет охватывать уже всю нашу планету.

4. Появление принципиально новых средств и технологий для информационных коммуникаций. Здесь, прежде всего, необходимо отметить персональные цифровые коммуникаторы, представляющие собой портативные устройства, обеспечивающие интеграцию функций мобильного телефона, терминала сети Интернет и даже миниатюрной видеокамеры. Кроме того, очень быстро развиваются и технологии интернет-телефонии, когда речевые сообщения передаются по информационным трактам сети Интернет. Еще одна тенденция проявляется в расширении функций обычного телевизионного приемника. После перевода телевизоров на цифровую элементарную базу они будут обеспечивать возможность не только приема информации из компьютерных информационных

сетей, но также и передачу ответной информации в эти сети от своих абонентов.

5. Появление наряду с наукоградами и технополисами информполисов, которые призваны в первую очередь решать социальные проблемы и затем разрабатывать соответствующие социальным прогнозам научно-технические проекты [2].

Какими могут быть гуманитарные последствия дальнейшего развития перечисленных факторов, совместное действие которых и создает новое глобальное информационное пространство? Их много. Прежде всего, это развитие у людей чувства "постоянной включенности" в мировое информационное пространство и, как следствие этого, глобализация сознания. Суть этого нового гуманитарного феномена состоит в том, что человек больше не чувствует себя национально ограниченным, оторванным от других наций и народов. Уже сегодня он быстро узнает обо всех событиях, которые происходят в мире, и становится сопричастным к этим событиям. Впервые в истории развития человеческого общества практически у каждого человека нашей планеты появляется реальная возможность влиять на те или иные общественно значимые мировые события или же по крайней мере выражать свое отношение к этим событиям. И эти возможности появляются именно благодаря развитию новых средств информационных коммуникаций, охватывающих весь земной мир.

В процессе глобализации становятся общедоступными технологии формирования личностного сознания. Возникает своеобразный электронный супер-Карнеги, приспособляющий не товар к человеку, а человека к уже имеющемуся товару, High-tech порождает High-hume (высокие технологии управления сознанием человека) [3]. Информация, воспринимаемая через монитор, воздействует непосредственно на подсознание, обходя блоки критического осмысления сознания. «Человек сетевой» превращается в одно из средств киберпространства и представляет широкие возможности целенаправленной манипуляции (в бизнесе, в политике и т.д.) им. Развитие человека переходит в сферу электронной несвободы, виртуального мира. Первые исследования «сетевиков» (фанатиков Интернет) показывают, что психология, менталитет и даже внешние черты характера человека меняются очень быстро. Изменения, прежде всего, сводятся к отторжению реальной жизни, реальных человеческих ценностей, реальной истории.

Еще одна важная гуманитарная тенденция развития информационных технологий в современном мире проявляется в том, что сегодня происходит формирование новой информационной культуры общества. Какой смысл мы сегодня вкладываем в это понятие? Можно дать такое определение: «Информационная культура общества характеризует его способность формировать и использовать информационные ресурсы, современные средства информатики и информационные технологии в интересах обеспечения жизнедеятельности и развития общества». Необходимо отметить, что здесь очень много зависит от уровня развития системы образования, ведь именно она дает человеку широкий кругозор, формирует у людей новые информационные потребности.

Хотелось бы подчеркнуть, что современная информационная культура не сводится лишь к навыкам использования вычислительной техники и телекоммуникационных систем. Это понятие гораздо шире. Оно включает в себя и готовность людей воспринимать новую информацию, т. е. предполагает определенный уровень развития интеллекта, и владение основными международными языками, на которых сегодня представлены современные научные, экономические и другие знания, и многое другое, в том числе умение общаться с другими людьми.

Информационная безопасность в сфере национальной культуры, лингвистики по своей значимости выходит сегодня на первый план. Пока мировое информационное пространство стремительно изменяется по принципу «плыви, мой челн, по воле волн», а последствия этого должным образом не прогнозируются. Россияне в этом плане не являются исключением. Исследователи отмечают повышенную чувствительность русского языка к информационным воздействиям: он легко заимствует новые слова из других языков, причем не только обогащающие его, но и обедняющие, трансформирующие в один из международных сленгов.

Язык - основа культуры, интеллектуальной жизни любого народа. Их деградация в России неизбежна, если информационные воздействия в нашем лингвистическом пространстве не будут контролироваться и регулироваться, что является одной из функциональных обязанностей государства. В Англии наследный принц Чарльз возглавляет комиссию, которая следит за «здоровьем» английского языка, оказавшимся под угрозой информационных

воздействий извне. Чистота французского языка охраняется законами страны, и за этим следит ученый секретарь Института Франции (Французской академии наук). В Израиле специальный комитет ученых-филологов осуществляет надзор за состоянием и развитием государственного языка - иврита. Комитет заботится о том, чтобы в этот язык не проникали вульгаризмы, речевые обороты из интержаргона, противоречащие традиционным лексикологическим нормам иврита. Без своей культуры, без языка невозможно развитие в других сферах деятельности, невозможно успешное создание информационной культуры, развитие полноценного сознания. Именно поэтому постиндустриальные государства заботятся о сохранении своего языка и культуры. От развития новой информационной культуры сегодня зависит очень многое в развитии общества и человека. Ведь история показывает, что только те новшества и изобретения, которые воспринимались культурой, в конечном итоге и находили свое развитие в обществе. Или же, наоборот, их развитие задерживалось на многие годы.

Еще одна важная тенденция современности проявляется в том, что сегодня в развитых странах мира формируется новый, информационный образ жизни людей. Дело в том, что новая информационная среда общества достаточно быстро формирует у людей новые привычки, стереотипы поведения, новые культурные запросы и даже новые ценности. Мы уже привыкли пользоваться теми удобствами, которые нам дает информационное общество, и не собираемся от них отказываться. Однако здесь важно понять другое - новая информационная среда изменяет и самого человека, весь его стиль жизни и профессиональной деятельности. Характерным примером является сокращение транспортных коммуникаций с целью обмена информацией. Ведь сегодня можно вполне успешно организовать совместную работу людей над общим проектом, даже если они проживают в разных городах или в различных странах. Сетевая экономика, сетевые распределенные коллективы - все это уже становится реальностью сегодня, и, безусловно, будет развиваться в будущем.

К сожалению, глобальная информатизация общества несет человеку не только блага и удобства, но также и новые проблемы. Некоторые из них имеют глобальный характер и начинают проявлять себя уже сегодня.

Одна из этих проблем - это проблема информационного неравенства между людьми, странами и их регионами в новой информационной среде общества. Этой проблеме было уделено особое внимание в Окинавской хартии глобального информационного общества, которая была принята на встрече руководителей стран «большой восьмерки» в июле прошлого года. Подписавшие этот документ руководители объявили о своем намерении объединить усилия для построения глобального информационного общества и борьбы с информационным неравенством.

Следует подчеркнуть, что проблема информационного неравенства является сегодня не только глобальной экономической, геополитической и социальной проблемой. Это также и проблема культурологическая. Ведь возможность использования тех преимуществ, которые дают новые информационные технологии и средства информатики, зависит не только от уровня развития экономики той или иной страны. Во многом она зависит от уровня образованности и лингвистической культуры общества, ее ориентации на новое, информационное направление вектора развития современной цивилизации. К сожалению, есть основания полагать, что проблема информационного неравенства, которая сегодня только начала привлекать к себе внимание политических лидеров и научной общественности, в ближайшие годы будет обостряться и для ее решения необходимо будет принимать специальные меры как на национальном, так и на международном уровне.

Сегодня становится весьма острой и противоречивой проблема обеспечения информационной безопасности человека и общества. Эта проблема приобретает в условиях глобализации новое содержание и включает в себя не только информационную и компьютерную преступность. Здесь появились и совершенно неожиданные аспекты. В их числе средства и технологии воздействия на массовое сознание (манипуляция сознанием), которое может осуществляться как через средства массовой информации, так и через глобальные компьютерные сети, а также проблема разрушения традиционных национальных культур под воздействием глобализации общества.

Еще одна опасность подстерегает мир на пути все большей технократизации общества, которая в последние годы становится все

более заметной. По многим прогнозам, уже в XXI в. в обществе будет доминировать технократия, поскольку общество и земной мир развиваются по пути техносферизации. Так, уже сегодня 80% всей собственности в Японии находится в руках технократов. В основном это ведущие менеджеры различных фирм, которые владеют контрольными пакетами акций. Таким образом, уже сегодня Япония - это не капиталистическая страна, а скорее страна с корпоративной формой собственности.

Правомерен вопрос: а хорошо ли это? Конечно, не плохо, когда к власти в стране приходят компетентные люди, которые не только имеют свой капитал, но и умеют сами работать, производить новую продукцию. Здесь важно другое - не потерять при этом гуманитарных ценностей общества, не допустить подмены этих ценностей технократическими, что, к сожалению, представляет собой ведущую тенденцию развития современного общества и земного мира

Дегуманизация общества, которая сегодня наблюдается практически повсеместно, представляется в стратегическом плане крайне опасной. Свидетельство этому широкий спектр событий: от уничтожения биосферы, трансформации человека до взрывов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они должны заставить нас пересмотреть свое отношение к проблемам морали и нравственного воспитания людей, утраты коллективизма, соборности. Ведь только нравственное воспитание может дать людям надежду на сравнительно спокойное будущее. Наш мир становится все более сложным, опасным, и высокие технологии эту опасность не только не снимают, но и еще более усиливают.

Важнейшие тенденции развития современного общества, связанные с процессом его глобализации, должны будут оказать самое серьезное и многоплановое воздействие на многие компоненты гуманитарной сферы общества. Совокупность этих воздействий и будет составлять основное содержание того нового общецивилизационного феномена, который уже все отчетливее проявляет себя сегодня и который с достаточным основанием можно квалифицировать как новую гуманитарную революцию. Развитие этой революции, на наш взгляд, следует ожидать в ближайшие десятилетия XXI в. Уже сегодня совершенно ясно, что эта ожидаемая революция может привести не только к радикальным переменам в сфере образования, науки и культуры, но также во многом изменить и

мировоззрение людей во всех странах мира, их отношение к природе, к себе, к другим людям.

В середине XXI в. мы, вполне вероятно, будем жить уже совсем в другом мире. Хотелось бы думать, что он будет лучше и безопаснее того, который окружает нас сегодня.

С позиции синергетики процесс глобализации общества можно рассматривать как закономерную реакцию мировой цивилизации на новые угрозы для ее дальнейшего устойчивого развития. Сегодня здесь борются между собой две главные противоречивые тенденции - повышение информационной взаимосвязанности различных частей мирового сообщества, что, безусловно, должно повысить его устойчивость как сложной самоорганизующейся системы, и другой тенденции - разрушения традиционных национальных культур под воздействием процесса глобализации.

Какая из этих тенденций возобладает, покажет будущее. Однако в любом случае сегодня уже совершенно ясно, что главные проблемы будущего человечества будут решаться не в экономической или политической сферах, а в сфере культуры, которая и должна стать в ближайшие годы центром внимания в контексте проблем устойчивого развития цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Философия о глобальных процессах и проблемах современности: лекция / Э.С.Демиденко. - Брянск, 2007. - С. 4.
2. Демиденко, Э.С. Информполис как научно-технический центр информатизации общественной жизни и формирования интеллектуальных систем / Э.С. Демиденко // Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы. – М., 2005. – С.125.
3. Ракитянский, А.М. Россия и вызовы глобализации / А.М.Ракитянский // СОЦИС. - 2002. - №4.

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЧЕЛОВЕКА

Информатизация общества сегодня открывает перед человеком многообразные возможности: улучшает качество человеческой жизни, облегчает его трудовую деятельность и позволяет по-новому организовывать досуг. Глобализация информационных процессов, внедрение в жизнедеятельность человека новейших информационных

технологий, развитие личности в современных условиях неизбежно влечет за собой потребность в переосмыслении проблем, возникающих в связи с этим. В настоящее время возникла необходимость всестороннего изучения социокультурных условий, характера, потребностей, особенностей, направлений использования информационных технологий в процессе развития личности. Новая информационная эпоха демонстрирует глобальные преимущества, которые определяют развитие современного общества и человека.

Во-первых, это высокий уровень взаимодействия компьютеров с человеком. Компьютер выступает в роли персонального помощника человека, отвечающего практически всем органам чувств человека. Относительно беспроblemное сращивание компьютера с различными техническими средствами (телефоном, радио, видео- и фотосредствами, диагностической аппаратурой и т. п.) обеспечивает компьютерный слух, зрение, осязание, способность речевого воспроизведения.

Следующее преимущество, *во-вторых*, определяется способностью компьютеров взять на себя функции всех существующих средств массовой информации сразу, включая книги и музыкальные инструменты. Это означает, что человек получает возможность выбирать те виды средств массовой информации, через которые он хочет получать и передавать идеи. Такие конструкции и явления, как тексты, изображения, звуки и кино (почти недоступные в традиционных средствах массовой информации) становятся легко управляемыми самим человеком.

В-третьих, поскольку информация может быть представлена во многих различных аспектах, человеку предоставляется возможность многосторонне рассмотреть идеи или проблемы и свести воедино информацию различных источников.

В-четвертых, суть компьютерных расчетов состоит в построении динамической модели идеи посредством имитации условий. С помощью компьютера можно получить не просто статистические выкладки, а наглядные модели, которые описывают и проверяют противоречащие друг другу теории. Обеспечение возможности более ясного “видения” мира становится все более реальным сегодня.

Пятое преимущество состоит в том, что компьютеры можно наделить «мышлением», то есть программным выбором

рациональных путей решения сложнейших задач. Способность компьютера к построению «разумных», кибернетических моделей позволяет ему соперничать с человеческим разумом.

Эти преимущества представляют собой могущественную информационную среду, инструментом которой является компьютер, а субъектом действия - человек. В рамках этой системы реализуется взаимодействие двух инстанций - человека и компьютера - противоположных по своей сущности, по способу и целям существования. Жизнедеятельность современного человека теперь реализуется на путях все более активного общения с техническими устройствами; если раньше они являлись как бы продолжением человеческих рук и способствовали усилению его физических потенций, то возникновение компьютера резко изменило положение: он играет роль сотрудника, совместно выполняющего сложную интеллектуальную работу. Это ведет к формированию качественно другого отношения к компьютеру, нежели к технике. Стремление постоянно использовать компьютер для решения все более широкого круга задач имеет серьезное значение, так как позволяет человеку успешно использовать огромные возможности машины. Компьютер позволяет резко увеличить эффективность и качество многих форм деятельности человека, облегчает его работу, вводит в круг новых, интересующих его событий и концептуальных представлений, что, конечно, способствует прогрессу личности, усиливает ее интеллектуальные возможности.

Человек потенциально готов жить и работать в качественно новой информационной среде, адекватно воспринимать ее реалии и, более того, успешно развивать ее. Таким образом, это изменяет не только условия жизни человека, но и его самого. Однако эти изменения носят противоречивый характер, что связано со многими весьма разноплановыми факторами, например, с необходимостью выделения значительных ресурсов общества, с неизбежной и нередко болезненной ломкой различных структур (социально-экономических, производственно-технологических, культурных, чисто информационных и др.), с трудностями культурно-психологической адаптации человека к нетрадиционным информационным средствам и технологиям. Этот процесс нельзя представлять как сугубо позитивное явление, без недостатков, издержек и нежелательных последствий.

Рост информационного давления на человека имеет несколько аспектов. Существует зависимость интеллекта человека и его эволюции от характера информационного потока, в который он вовлечен. Показательно, что массовые средства информации, особенно электронные, оказывают существенное (как качественное, так и количественное) влияние на мыслительные способности человека, способны целенаправленно формировать определенные механизмы мыслительной деятельности. Внедренная через СМИ точка зрения становится определяющим фактором его поведения.

Вместе с тем, разработаны и применяются методики информационного программирования и кодирования мыслительных процессов. С их помощью осуществляется непосредственное воздействие на подсознание человека, что дает возможность преобразования не только способа мышления, но и психического типа личности. Тем самым возникает реальная угроза управления сознанием, интеллектом в массовых масштабах. Очевидно, это создает особый экологический аспект, в перспективе весьма опасный. Поэтому разработка методов контроля и защиты от этой горькой части первых плодов становления «информационного общества» - важный фактор улучшения экологии человека, его безопасности. В связи с этим все большее внимание обращают на себя энергетические носители информации. Излучение антенн, линий связи и самих аппаратов информационной техники так или иначе воздействуют на нервную систему и организм человека в целом. Вопрос о масштабе и отдаленных последствиях такого воздействия изучен недостаточно, но в некоторых аспектах его отрицательный характер уже установлен. Поскольку плотность и мощность такого излучения возрастает, то увеличивается и экологически негативная его составляющая.

Исследователям влияния информационного потока на мозг известно, что возникающие при этом перегрузки могут не только нанести существенный вред, но и полностью нарушить функционирование человеческого мозга. Опасность здесь заключается в том, что усталость центральной нервной системы проявляется иначе, чем мышечная усталость. При физических перегрузках человеку все труднее становится выполнять ту или иную деятельность. В результате он либо ограничивает ее, либо от нее отказывается вовсе, что позволяет восстановить силы. Мозг человека

хотя и так же сначала обнаруживает усталость, но после определенного барьера она как бы исчезает, появляется нечто вроде «второго дыхания». Однако в действительности это приводит к неочевидному для человека, но к крайне опасному по последствиям нервному истощению. Следовательно, информационные нагрузки требуют разработки эффективных средств контроля и регулировки, причем более строгих, чем при физических нагрузках, поскольку природа не сталкивалась ранее со столь мощным уровнем информационного давления и не выработала действенных механизмов контроля и защиты.

В то же время недостаточная загруженность информационной деятельностью также отрицательно сказывается на здоровье человека. Средняя продолжительность жизни у людей, занятых интенсивным интеллектуальным трудом, превышает этот же показатель не занятых таким трудом, но живущих в тех же социальных условиях. Таким образом, уровень воздействия информационных нагрузок на естественный интеллект должен рассматриваться наряду с такими же важными факторами здоровья, как правильное питание, физические нагрузки и т.п.

Сейчас, в эпоху резкого возрастания роли компьютерной техники, проблема сохранения самобытности человеческой личности приобретает особую важность как в сфере теоретического осмысливания места человека в современном обществе, так и в связи с назревшей необходимостью новых подходов к воспитанию человека.

Прогресс компьютеризации сопровождается формированием еще и такого негативного явления, как привязанность человека к компьютеру, неспособность обойтись без него при решении даже простейших задач. У многих пользователей развивается утрата интереса к окружающему, дисплей компьютера начинает восприниматься как единственное окно, через которое воспринимается окружающая реальность. Подобное состояние классифицируется как своеобразная болезнь. Лица с ее симптомами не в состоянии сколько-нибудь длительное время обходиться без компьютера, который часто воспринимается ими и как орудие труда, и как собеседник на отдыхе. Такой человек, лишенный компьютера, оказывается порой совершенно беспомощным.

По мнению большинства учёных, вычислительная техника воздействует на психику, преобразуя познавательные и мотивационно-эмоциональные процессы, деятельность и общение человека, сознание и межличностные отношения. Представители Национального института охраны труда и профилактики профзаболеваний США заявили, что люди, работающие с ЭВМ, в большей степени, чем другие профессиональные группы, подвержены развитию стрессовых состояний. Как показывают исследования, при работе на компьютере наблюдаются следующие стрессовые факторы [3]:

- значительное время реакции компьютера на выполнение команд человека;
- трудность освоения новой программы или перехода на новую версию старой;
- нестандартные способы визуализации информации;
- сбои в работе программного обеспечения (зависание компьютера).

Широкое использование систем виртуальной компьютерной реальности, сопровождавшееся на начальном этапе эйфорией по поводу их безграничных возможностей, начинает вызывать определенное беспокойство. Уже сейчас специалисты задаются следующими вопросами [4]:

- Сможет ли легко ранимая человеческая психика безболезненно приспособиться к пребыванию в виртуальном мире?
- Будет ли этот мир безвредным для человечества?
- Не отступит ли в психике человека реальный «серый» мир под натиском «лучезарного» виртуального на второй план?
- Не появится ли в будущем возможность использования систем виртуальной реальности для манипулирования сознанием человека?

На все эти вопросы пока нет чётких ответов, и это вызывает определенное беспокойство. Если современные технические разработки дают возможность человеку воспринимать виртуальные объекты как реальные, то их дополнение психологическими разработками даёт возможность глубокого проникновения в психику человека. Широкое внедрение систем виртуальной реальности может способствовать появлению возможности у определенных

группировок использовать данные системы для массовой дезинформации, во зло общественным интересам.

В последнее время серьезно обсуждается новое заболевание, которое называют Интернет-зависимостью (Internet Addiction Disorder - IAD). Под ним подразумевается патологическое влечение к пребыванию в Сети. Впервые предложил использовать этот термин в 1996 г. врач Айвен Голдберг [3]. Работы Голдберга основывались на результатах, полученных в конце 1994 года К.Янг. Она разработала специальный опросник, разместила его на Web-сайте [www.pitt.edu/~ksy/survey] и получила почти 500 ответов, из которых около 400 свидетельствовали о наличии Интернет-зависимости

Интернет-зависимость характеризуют следующие признаки [1]:

- ощущение эмоционального подъема во время работы;
- нежелание отвлечься даже на короткое время от работы;
- неспособность спланировать время окончания работы в сети Интернет;
- расходование больших сумм денег для обеспечения работы;
- забывание в ходе работы в сети Интернет о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах;
- готовность мириться с разрушением семьи, потерей круга общения из-за поглощенности Интернетом;
- пренебрежение собственным здоровьем, сном (из-за ночной работы в Сети); злоупотребление кофе и другими тонизирующими средствами;
- пренебрежение гигиеной, ибо все «личное» время занимает работа в Сети;
- готовность удовлетворяться случайной и однообразной пищей, принимаемой нерегулярно и не отрываясь от компьютера.

Описаны случаи пребывания в сети Интернет по 18 и более часов в сутки, по 100 и более часов в неделю.

Выделяются четыре своеобразные линии изменений в приоритетных источниках информации и формах досуга современного общества [2]:

- интерес к чтению книг и значимость книги как источника информации падает;
- телевидение играет значимую роль в структуре досуга, однако оценка его роли как источника информации резко снижается;

- снижается значимость и частота общения с друзьями;
- использование персональных компьютеров и сети Интернет быстро повышает свой статус и в структуре досуга, и в информационном пространстве.

Данные изменения говорят о том, что люди проводят за компьютерами всё больше времени, используя их не только как средство для проведения досуга и развлечений, но и в качестве важного средства деловой и учебной информации. Существует и опасение, что компьютеризация деятельности специалиста, не обладающего фундаментальной культурой мышления, способна превратить человека в придаток машины, лишить его способности к творчеству.

Результаты социологического исследования людей, проводящих за компьютером ежедневно более 4 часов [5], показывают, что около 80% респондентов испытывают «компьютерный голод» при перерывах в работе на ЭВМ хотя бы на один день; 25% опрошенных ощущают трудность при переключении с компьютерной работы на другое занятие; 17% респондентов отмечают, что им легче общаться с компьютером, чем с людьми; для лиц, работающих ежедневно более 8 часов, этот показатель увеличивается до 40%.

Одной из главных особенностей Интернета является то, что он задуман и развивается как свободное информационное пространство, практически без каких-либо запретов. Как обычно, это имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Интернет, как часть инфраструктуры современного информационно-техногенного общества, даёт человеку богатейшие возможности для творческого развития в связи с доступом ко всему многообразию когда-либо существовавших знаний и ценностей. Вместе с тем, ориентация личности в Интернете затрудняется постоянно растущим объёмом информации, циркулирующей в нем и воздействующей на личность, а также неструктурированностью этой информации. Деятельность человека в Интернете осуществляется в специфической информационной среде, имеющей свои закономерности, особенности развития и функционирования. Использовать возможности, предоставляемые в этой среде, может только человек со сформированными информационными знаниями, умениями и навыками, которые включаются в понятие информационной культуры.

При этом процесс становления профессионально и социально конкурентоспособной личности включает в себя развитие информационной культуры, выражаемой в совокупности информационных знаний, информационного мировоззрения, с одной стороны; и в информационном поведении, культуре информационной деятельности, с другой стороны. Достижение такой информационной культуры возможно путём развития потребности в информации, приобретения знаний об информационных ресурсах и направленной информационной деятельности.

К сожалению, приходится признать, что большинство посетителей Интернета не осознает своей некомпетентности в области информационной деятельности. Они не представляют ценности специальных знаний и умений в области информационного самообслуживания, не имеют этих знаний и умений и, соответственно, не могут их применить. Таким образом, некомпетентность и неразвитость мотивационного компонента информационной культуры личности порождает ущербное развитие других компонентов.

У большинства неквалифицированных пользователей Интернета существует убеждение, что в сети есть все и обо всем, что поисковые системы сети в любой момент могут найти нужную информацию самостоятельно без особых усилий со стороны пользователя. На это накладывается характерная, к сожалению, для многих, в особенности молодых, посетителей неспособность критически воспринимать и осмысливать информацию. Здесь стоит упомянуть и о том, что в среде Интернета несколько меняется механизм проверки информации на достоверность. Возможность анонимности авторства, отсутствие редактуры и фильтра приема публикаций допускают ситуации, связанные с манипулированием людьми. Осознав это, человек вынужден учиться отбирать информацию, значимую и позитивную для его жизнедеятельности, и иметь эффективные алгоритмы реакции на разрушающую информацию, грозящую безопасности личности. Важнейшая задача в формировании информационной самозащиты личности - это изучение сущности и механизмов манипулирования, распознавания манипуляционных воздействий, методов защиты от них. И эту информацию нам может предоставить Интернет, но проблема в том, как быстро и эффективно ее найти.

Да, в Интернете можно найти ресурсы, аккумулирующие сведения по многим родственным проблемам, он значительно упрощает поиск необходимых данных. Но мощные поисковые машины сети, как правило, поиск ведут по заданным пользователем ключевым словам в отсутствие какой-либо привязки к контексту. Такой бесконтекстный поиск часто приносит массу бесполезных, нерелевантных документов, непроверенных и заведомо ложных данных. С другой стороны, начиная поиск по какой-либо незнакомой теме, пользователь нередко не владеет самим запасом ключевых слов этой темы и рискует потерять некоторые важнейшие документы. Создание полномасштабных интеллектуальных контекстных поисковых машин и каталогов - дело будущего. Работа в такой гигантской библиотеке, как иногда называют Интернет, затрудняется отсутствием «консультантов-библиографов», привычных нам в обычных библиотеках.

Таким образом, анализ перехода к обществу с развитыми информационными системами показывает, что качественно меняющаяся действительность ставит перед обществом новые проблемы. Новейшие технологии расширяют возможности самореализации личности, позволяют людям преодолевать пространственные ограничения и успешно бороться с неизлечимыми ранее болезнями. Однако, как и всякое крупномасштабное социальное явление, информатизация несет в себе не только благо для человека и человечества, но и серьезную угрозу для их существования и развития в случае бесконтрольного или злонамеренного использования ее возможностей. Это обстоятельство ставит информационную безопасность личности, общества и государства в ряд актуальных и перспективных проблем государственной политики и научного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войскунский, А.Е. Зависимость от Интернета: актуальная проблема / А.Е. Войскунский // Материалы всерос. Интернет-конф., 20.03.2001 – 14.05.2001. - М., 2001. - Режим доступа: <http://www.auditorium.ru><BR
2. Евстигнеева, Ю.М. Место новых информационных технологий в жизни современного школьника / Ю.М. Евстигнеева, В.С. Собкин // Материалы всерос. Интернет-конф., 20 марта - 14 мая 2001 г. - М., 2001. - Режим доступа: <http://www.auditorium.ru><BR

3. Иванченко, В. Компьютер и здоровье / В. Иванченко // Подводная лодка. - 2001.- N1.
4. Катус, Г.П. Новая информационная технология - компьютерный синтез виртуального пространства. Часть 2 / Г.П. Катус, П.Г. Катус // Информационные технологии. - 1999. - N 4. - С. 7-14.
5. Кондратьева, Т.В. Воздействие искусственного интеллекта на личность / Т.В. Кондратьева // Человек в системе социокультурных отношений: сб. науч. ст. - М., 2000. - Вып. 3. - С. 101-112.

А.В. ДУНИН

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ И ТЕХНОСФЕРИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Введение

В имеющейся научной литературе пока еще в недостаточной мере отражена социально-педагогическая проблематика урбанизирующихся индустриального и постиндустриального общества. Она даже не представлена в перечне направлений в исследованиях по социальной педагогике. Что касается вопросов урбанизации, связанными с философией и социологией (Э.С. Демиденко), географией и экономикой (Ю. Л. Пивоваров, Я.Г. Машбиц), экологией (О.Н. Яницкий), то они в значительной мере уже рассмотрены российскими учеными. Вот почему темой авторского исследования являются именно социально-педагогические проблемы урбанизации и техносферизации.

В статье предпринята попытка выявить наиболее значительные черты и последствия указанных процессов. Из многообразного комплекса социально-педагогических проблем наше внимание сконцентрировано на тех, которые раскрывают противоречивый характер процесса урбанизации, ее роли в жизни общества и социализации человека. Познание процессов урбанизации и техносферизации даст возможность усовершенствовать социально-педагогическую теорию в условиях формирования техногенного общества.

Урбанизация и техносферизация, их содержание

В формировании современного общества существенную роль играет не только индустриализация, различного рода модернизация, но и вызванный ими процесс урбанизации – и, прежде всего, как

определенный социальный механизм социализации человека. Урбанизация органически связана с понятием города (от лат. – *urbanus* – городской, *urbs* – город). Сам термин «урбанизация» появился впервые в зарубежной литературе в 1867 г. в Испании. Вначале это понятие объединяли с простым ростом городов и городского населения, поэтому в понятии урбанизации усматривалось только явление концентрации населения на небольших участках без связи с сущностью общества и эпохи. Затем в понятие урбанизации включили понимание того, что сами города начинают играть существенную роль в развитии общественного организма и человека – и чем дальше, тем больше, причем в возрастающих масштабах. Географ Ю.Л. Пивоваров считает: «Урбанизация – это исторический процесс повышения роли города, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанной с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития» [14, с. 16]. В этом и подобных определениях в основном перечисляются многие содержательные стороны урбанизации, но не отражаются сущностные, качественные черты этого процесса, на что обратили внимание философы и социологи.

Процесс урбанизации последними органически связывается с процессом социализации человека, формирования нового типа общества и его пространственной среды. Наиболее полное определение урбанизации в этом плане дает социолог-урбанист Э.С. Демиденко: «Урбанизация *в социально-философском значении* представляет собой всемирно-исторический процесс интенсивной территориально-городской концентрации несельскохозяйственных видов деятельности и населения, социальный механизм формирования и развития постземледельческих форм жизнедеятельности людей и перехода традиционного общества к качественно новому своему типу – техногенному. В *узком значении* урбанизация – явление роста городов и городского населения, повышение их роли в развитии общества и нового типа культуры, концентрации деятельности, городских отношений и образа жизни» [3, с. 67].

Взаимосвязанные процессы индустриализации и урбанизации начинаются с промышленной революции конца XVIII в. Если в 1800 г.

на планете насчитывалось всего 45 млн горожан (5,1%), то в 2007 г. около 3,4 млрд (50%), а через 30 лет ожидается примерно 5,7-5,8 млрд городского населения, или $\frac{3}{4}$ всех землян. Индустриализация породила массовую миграцию сельского населения в города, где оно оказалось не приспособленным для жизни в новых условиях, зачастую не могло создать полноценных семей и дало всплеск преступности, аморального поведения, став основным поставщиком беспризорных, бродяг и нищих. В Америке положение усугублялось массовой иммиграцией из преимущественно слаборазвитых регионов Европы. Урбанизация в Европе совпала со становлением национальных государств, а в Северной Америке – с формированием американской нации. И то и другое объективно требовало культивирования определенных ценностей (провозглашаемых или подразумеваемых как национальные) во всех социальных слоях и возрастных группах населения.

Церковь как традиционный воспитатель, хотя и продолжала играть существенную роль в жизни людей, но утратила монопольные позиции в сфере морали и воспитания (кроме того, она далеко не сразу осознала появление новых социокультурных реалий).

Образовался социокультурный вакуум, который необходимо было заполнить. Это и попытались сделать некоторые педагоги, начав разрабатывать социальную педагогику. Термин «социальная педагогика» был предложен немецким педагогом Фридрихом Дистервегом в середине XIX в., но стал активно употребляться лишь в начале XX в. Социальная педагогика стала изучать и направлять социальное воспитание человека, соотнося его с такими процессами, как общественное развитие и соответствующая ему социализация [11, с. 4-5].

В целом нужно отметить, что урбанизация, с одной стороны, привносит с собой немало положительных, особенно цивилизованных, элементов в общественную жизнь, с другой стороны, ее можно рассматривать и как глубоко негативный процесс. Она весьма ощутимо повышает цивилизованность, развивает социальные качества народонаселения, но и в то же время порождает проблемы развития (социализации) человека во взаимодействии и под влиянием техносферной окружающей среды (города, мегаполиса и др.).

Промышленно развивающаяся Россия в границах Советского Союза имела высокие темпы урбанизации. Сейчас по доле горожан (73%) она находится на средневропейском уровне. Современный этап развития России характерен неклассической урбанизацией и связан с переходом РФ к рыночной экономике после распада СССР, кризисным состоянием общественного развития. За последние 10 лет XX в. количество городских поселений сократилось более чем на 10%, численность городского населения – на 3,5%.

Урбанизация и техносферизация ведут к дисбалансу в развитии социальных и природных качеств населения, падению его здоровья, снижению рождаемости и даже урбандемографическому вымиранию населения, что характерно для крупных и миллионных городов. В результате непродуманных реформ в России средняя продолжительность жизни населения в 1990-2005 годах снизилась с 70 до 65 лет, а у мужчин с 66 до 59 лет. При наличии сейчас на супружескую пару в среднем 1,3-1,4 ребенка грозит снижением населения в 2 раза в течение примерно 40 лет. Исчезнут многие поселения белой расы. Становление рыночной экономики, социальное расслоение, новые потребности и интересы образовавшихся богатых и бедных слоев изменяют не только социальный облик России, но и трансформируют сложившуюся картину урбанизации и формируют на ее основе постбиосферные условия жизни [3, с. 75-76].

И так, мы видим, что, с одной стороны, в XX веке произошли мощные изменения, связанные со становлением и развитием городской жизни и городской культуры в основном в положительные стороны; а с другой стороны, еще в большей степени произошли и разрушительные процессы. На первый взгляд патологические последствия урбанизации резко не проявляются, но их результаты уже давно прогнозируются учеными, видя, как наш земной эволюционный мир проходит особый период, который называют индустриальным, индустриально-городским, постиндустриальным, технотронным, информационным, глобализирующимся, техногенным и т.п. Без учета роли урбанизации в жизни общества и социализации человека не может быть полноценного знания закономерностей и вектора эволюции современного мира.

Роль урбанизации в жизни общества и социализации человека

В настоящее время назрела необходимость исследовать серьезные изменения, которые происходят в образе жизни людей и их культуре в связи с индустриализацией и урбанизацией.

Культура (от лат. Cultura) в основном означает возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание. Именно такая множественность трактовок привела к большому разнообразию определений этого понятия (в англоязычной литературе таких определений ученые насчитывают более 250, немало их и в русскоязычной литературе). Однако важно заметить, что в слове культура имеется корень социально-педагогического значения.

При исследовании роли урбанизации в жизни общества следует рассмотреть главную составляющую этого процесса, т.е. проблемы городской культуры. Немецкий ученый Пауль Наторп считал в этой связи, что именно предметом социальной педагогики является исследование проблемы интеграции воспитательных сил общества с целью повышения культурного уровня народа [11, с.5]. Такое понимание в достаточно полной мере соответствует как социальному заказу новейшего времени, так и позволяет рассмотреть кризис современной культуры, пагубное влияние «массовой культуры», дегуманизацию человеческих качеств. Следует отметить, хотя понятие цивилизация стало употребляться как синоним слова «культура», однако оно все же более широкое, олицетворяющее общность людей, объединенных сходством образа жизни, культуры. Исходя из этого, «культура» более узкое понятие. Как понятие «цивилизация», так и понятие «культура» имеют достаточно ярко выраженное территориальное содержание [14, с. 22]. Поэтому при исследовании роли урбанизации на этот счет имеются разные точки зрения. Одни считают, что урбанизация привела к массовому оттоку населения из деревни, к безвозвратной потере многих культурных и нравственных традиций деревенского уклада жизни. Другие полагают, что открытие широкого доступа к «массовой культуре» привело к общему снижению уровня цивилизации. Интересный вывод сделал Г.А. Гольцев о том, что в слове «урбанизация», наряду с присутствием формального корня «город», заложен изначальный смысл как бы противопоставления культуры (интеллекта) городского и сельского жителя [14, с.78]. Парадокс нашей эпохи состоит в том, на что обращает внимание Э.С. Демиденко, что гибнут, и похоже

безвозвратно, и тысячелетняя народная культура, и дворянская культура, и буржуазная культура, уступая место другим формам культуры.

Как уже отмечалось, урбанизация характеризуется не просто ростом количества городского населения, но и наблюдается повышение роли городов в общественной жизни, и распространение городского образа жизни по всей планете. Современная урбанизация как мировое явление есть процесс, связанный с распространением типичных элементов культуры и черт образа жизни больших городов и связанных с ними новых принципов социальной организации культуры, образовательного и воспитательного уровня общества. Иными словами, урбанизация есть социальный процесс формирования новой социальной среды, поскольку, возникнув из производственной потребности, города создали ситуацию постоянного и тесного общения людей и тем самым положили начало новому витку социального, политического и культурного прогресса. Города стали основой формирования индустриальной, а теперь – и постиндустриальной культуры.

Для городов характерна в основном искусственная окружающая среда, имеющая резко выраженные отличия от сельской местности, отличающаяся невиданным ранее разнообразием функций и потребностей. Город, становясь самодостаточным организмом, все больше изолирует горожан от естественной, природной среды, ее ритмов и ее ценностей. И искусственная среда отделяет общество от природы и навязывает человеку новую форму жизни, поэтому процесс урбанизации неотделим от процесса формирования новой культуры и социальной жизни.

Основным фактором современной социализации человека является наука. С периода научно-технической революции происходит качественное изменение её характера. Развитие науки как основополагающего базиса культуры задает динамику и инициирует социальный прогресс современного общества. Будущему поколению больших городов придется жить в замкнутом пространстве, жизнедеятельность в котором будет сравнима с длительным пребыванием в космосе. Научная мысль уже на современном этапе реально позволяет выращивать без почвы продукты растениеводства, перерабатывать и использовать продукты жизнедеятельности.

Применение научных достижений изменяет и условия социализации человека техногенного общества, связанные, в первую очередь, с отрывом от естественных биологических основ существования. И чем выше прогресс, тем должен быть выше социальный и естественно-культурный уровень общества. С применением научных достижений горожане все больше будут отделяться от природы, строить новую социализированную среду своей жизни. Человечество создаёт новую, городскую культуру, а вместе с ней развивает социум на искусственной основе. Изменяется интеллектуальная деятельность жителя города. Постепенно заменяются традиционные письменность и книгопечатание с расширением доступа к информационным ресурсам, накопленным человечеством за многие тысячелетия. Происходит информационная глобализация, т.е. превращение национальных пространств в единое мировое пространство. Появляется возможность информационного влияния на общественную жизнь. Г.Г. Малинецкий в этой связи утверждает: «Средства массовой информации, компьютерные коммуникации делают все более яркой и полноправной «виртуальную реальность», открывая огромные возможности для манипулирования массовым сознанием... Человек постиндустриальной эпохи все больше живет как бы не своей, а чужой жизнью» [9, С. 109].

Урбанизация и связанный с ней научный прогресс предъявляет новые требования к образованию и воспитанию. Деятельность горожан во все большей степени зависит от их информированности, способности эффективно использовать информацию в своей жизни. Развитие компьютерной техники и технологий, воспроизведение и быстрая передача новаций послужили толчком к развитию общества. Но в лавинообразном потоке знаний ориентироваться становится все труднее, а порой без основ специальной психологической и социальной подготовки и невозможно. Ученые заметили, что человеческое поведение подвергается изменениям под действием информационной перегрузки. Д.Г. Миллер, который исследует душевное здоровье, заметил: «Мы давим на людей, заставляя их адаптироваться к новым ритмам жизни... мы побуждаем их обрабатывать информацию с гораздо большей скоростью. Поэтому можно не сомневаться, что мы подвергаем их перевозбуждению сознания» [19, С. 386].

Урбанизация и её роль в жизни общества обуславливаются также потребительским фактором. Так, урбанизация и связанный с ней процесс увеличения выпуска потребительских товаров вырабатывают стереотип поведения вседозволенности, который становится неотъемлемой частью образа жизни урбанизированного общества. Известный психолог Э. Фромм в этой связи сказал: «Суть установки, присущей потребительству, состоит в стремлении поглотить весь мир. Потребитель – это вечный младенец, требующий соски» [22, С. 53]. Потребительство, как следствие экономико-социальной культуры, ориентировано на массовое потребление огромного объема материального, духовного и информационного производства [21, с. 140]. О новом поведении людей в этой связи писал Э. Тоффлер, назвав стандартизацию и массовость одним из важнейших признаков индустриального (и естественно урбанизированного) общества. По каналам СМИ распространяются стандартизированные системы образов, что делает прогнозируемой (и во многом программируемой) психологию и поведение миллионов людей [20, с. 93-97]. Люди, воспитанные обществом лишь для товарно-производственных отношений, становятся таким образом безразличными к судьбе будущего поколения и в своем поведении и культуре не могут быть образцом подражания. Им следовало бы обратить повышенное внимание к стратегии собственного воспитания, к искусству и нравственности [24, с. 6-13].

Следовательно, необходимо не только осмыслить противоречивые последствия процесса урбанизации в культуре и образе жизни людей и соответственно неблагоприятные условия социализации человека в урбанизирующемся обществе, но и определить систему мер по гуманной социализации человека, направленной на сохранение гуманных отношений как между людьми, так и человеком и природой.

Социализация человека в техногенном обществе

В.И. Вернадский рассматривал ноосферу как проблему изучения сохранения и развития биосферы. Однако на современном этапе наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и такого влияния на все стороны жизни, что превратились в определенный фактор техногенного развития и состояния цивилизации. Необходимо сказать, что в статье не ставится цель рассмотреть достижения цивилизации, а лишь рассмотреть содержательную сторону процесса

урбанизации, породившей неблагоприятные условия социализации. А.В. Мудрик, рассматривая человека как жертву неблагоприятных условий социализации, берет только сугубо социальные отношения, не затрагивая весь спектр социально-исторических условий, а именно индустриализации, урбанизации, техносферизации, что особенно характерно для современного общественного развития и социализации человека [11, с.25]. Так, Н.Т. Дружкова и Н.П. Карпова отмечают: «Испытав на себе влияние техники, а в широком смысле – техногенной цивилизации, культура, как правило, начинает трансформироваться. При этом и изменяются сами основания прежних способов жизнедеятельности человека. Меняются типы общения, формы коммуникации людей. Подвергается изменению образ жизни личности... Техногенная цивилизация своей динамичностью, подвижностью, «агрессивностью» подавляет, подчиняет себе, буквально поглощает традиционные общества и их культуры. Следствием такого активного взаимодействия техногенной цивилизации и традиционных обществ оказывается гибель последних... Традиционные культуры трансформируются благодаря культурным основаниям техногенной цивилизации» [7, с. 247].

Традиционный, консервативный образ жизни стал терять свои социокультурные ценности, заменяется новыми, которые соответствуют реалиям современной промышленно-городской цивилизации. В качестве примера С.Н. Чувин приводит то, что совершенно новой гранью культурной ситуации в XX веке стало возникновение «молодежной» субкультуры. Конфликт «отцов и детей» - продукт техногенного мира, в котором идет постоянное изменение и обновление социокультурной реальности, а это во многом обесценивает жизненный опыт и авторитет «отцов». Последние все меньше участвуют в социализации детей, в их воспитании и обучении. С ростом периода социализации молодежи у нее появляется потребность как в самовыражении, так и в культурном оформлении своего нового жизненного пространства, своего молодежного «Я». Иное видение мира и перспектив развития человечества и вызвало к жизни культурный конфликт поколений [24, с.14-15].

Как светские, так и православные ученые видят решение этой задачи только в повышении роли семьи в духовном воспитании детей. Они утверждают, что без существования консервативного

стержня жизнь на земле может оборваться. Только исторические корни, духовность, православная культура как остов в разумной взаимосвязи с прогрессом приемлемы для развития и становления новой цивилизации. Бездуховное, однобокое развитие человека в техногенном обществе может породить из него монстра, беспощадного и хладнокровного. Те достижения, которые могут быть направлены на благо человека, направляются на бездумное наращивание богатств, убивая человека.

Рождение и воспитание детей, по православному учению, является одной из важнейших целей брака. «Истинный отец не тот, который родил, но тот, который хорошо воспитал и научил», - пишет святитель Тихон Задонский. «Родители главным образом ответственны за воспитание своих детей и вину за дурное воспитание их никому не могут приписывать, кроме себя», – проповедовал священномученик Владимир, митрополит Киевский.

Разрушению традиционных связей родителей с детьми, к сожалению, во многом и способствует уклад жизни современного общества. Церковь считает, что роль семьи в становлении личности исключительна, ее не могут подменить иные социальные институты. Разрушение семейных связей неизбежно сопряжено с нарушением нормального развития детей и накладывает долгий, в известной мере, неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь [13, с. 334-335].

Высоко оценивая общественную роль женщины и приветствуя их политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами, церковь одновременно противостоит тенденции к умалению, а то и устранению роли женщины как супруги и матери в воспитании детей. Фундаментальное равенство и достоинства полов не упраздняют их естественных различий и, естественно, ролевых призваний как в семье, так и в обществе.

В условиях духовного кризиса человеческого общества, который также порожден процессом урбанизации и глобализации, средства массовой информации и производства так называемой массовой культуры нередко становятся орудиями нравственного растления, воспевая и превознося половую разнузданность, всевозможные половые извращения, низводя тем самым женщину до уровня животного, а мужчин до маниакального уровня, то есть руководствующего лишь инстинктами. В книгах, кинофильмах и

другой видеопроодукции, в средствах массовой информации, а также в некоторых образовательных программах подросткам зачастую внушают такое представление об интимных отношениях, которые крайне унизительны для человеческого достоинства. Осуждая порнографию, церковь не призывает гнушаться половой близостью, которая становится источником продолжения человеческого рода [13, с. 336-337] и главной роли женщины в этом процессе.

В целом современный период породил почти весь набор негативных явлений, который, к сожалению, не уменьшается, а наоборот расширяется за счет глобализации и техногенных явлений, что приводит к трансформации человека. Под влиянием широкого мирового обмена во всех областях жизни складывается новая общемировая цивилизация с другим, не свойственным нашему традиционному укладу типом культуры, когда прежние социокультурные ценности заменяются новыми, соответствующим реалиям современной городской цивилизации.

Прогресс технологий и порождённый им информационно-технологический мир, как справедливо отмечает В.Д. Симоненко, носит двойственный характер по отношению к человеку: он «одновременно развивает, и подавляет личность (ограничивает её свободу), удовлетворяет её потребности и ухудшает условия существования... Техносфера, жизнь и деятельность в ней изменили и меняют интеллектуально-духовную сущность и тело человека. ...В техногенной среде человек может потерять свои природные свойства и превратиться в человека – машину, лишённого чувствительности, гуманности, сердечности» [18, с. 134, 138].

Как уже отмечалось, техногенное общественное развитие, с одной стороны, создает хорошие условия для ускоренной социализации личности, развития его социальных качеств, увеличения средней продолжительности жизни, снижения детской смертности, процесса акселерации, а с другой стороны, ведет к ухудшению здоровья населения, разрушая такие функциональные системы как сердечно-сосудистая, иммунная, эндокринная, репродуктивно-половая. Увеличение психических расстройств и заболеваний, интеграция человека с техносферой, насыщение его организма искусственными включениями и функциональными органами ведет к формированию не только «технологического человека», но и биотехносоциального существа. При таком развитии

событий не исключен экологический коллапс биосферного человека, о чем предупреждали еще в 70-е годы XX в. ученые Римского клуба.

С христианской точки зрения такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что это развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной «свободе» научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями. Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни, как никогда, необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями.

Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой. Ибо, с одной стороны, в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные. С другой – религия не занимается вопросами устройства материи. Церковь предостерегает человека от искушения рассматривать науку как область, совершенно независимую от нравственных принципов [13, с. 370-371].

Таким образом, труды ученых, которые были использованы при исследовании роли урбанизации в общественной жизни и социализации человека, независимо от мировоззрения авторов, являются по сути тем предостережением, о чем нас просит Церковь и являются исходными данными для выработки концепций нашей социокультуры. Признавая за каждым человеком право на нравственную оценку явлений культуры, церковь оставляет такое право и за собой.

В качестве основного вывода следует заострить внимание нашей высшей школы на подготовку специалистов, которые освоили бы технологии материальной и духовной социализации человека в различных условиях и форм жизнедеятельности и могли бы применять их как в образовательных, воспитательных целях, так и в практической деятельности в самых разных сферах социальной жизни.

Заключение

Рассмотренные в статье проблемы уже сегодня предусматривают определенную трансформацию и интеграцию педагогических наук и социальных теорий. Социализация горожан в новых условиях требует неразрывной связи образовательного, воспитательного, психологического и других воздействий. Необходима междисциплинарная дисциплина, где её языком общения может стать синергетика. В разделе общенаучных проблем она сформулирована как «Синергетический подход в социальной педагогике». Создатель синергетики Г. Хакен высказал следующие предположение: «Хотя синергетика возникла в рамках естественных наук, мне всегда представлялось, что ее возможные важнейшие приложения будут касаться специфических человеческих и социальных процессов». Ю.А. Данилов в связи с этим отмечает, что «...синергетика, занимающаяся изучением сложных (многоэлементных) систем, элементы которых взаимодействуют между собой нелинейным образом, обратилась к изучению сложной системы, как человек и человеческое общество, вполне естественно и поэтому не вызывает удивления» [2, с.89].

В настоящее время уже необходимо задуматься о разработке перспективной системы воспитания подрастающего поколения. В этой связи необходимо отметить, что, характеризуя образовательный стандарт специальности «социальная педагогика» второго поколения, который был введен в 2000 году, некоторые специалисты утверждают: он ориентирован «на подготовку специалистов, которых никто нигде не ждет, поскольку соответствующих должностей нет ни «в организациях специально для этого созданных», ни тем более «в организациях, для которых воспитание не является основной функцией (предприятия, воинские части и др.)». Негативные последствия этого уже начинают проявляться в падении престижа социальной педагогики и профессии социального педагога [18, с. 45].

Таким образом, чтобы избежать негативного отношения к социальной педагогике настало время определить концепции и сделать выбор парадигм, что явилось бы первым шагом в дальнейшем развитии социальной педагогики как междисциплинарной науки, направленной на гуманную социализацию человека. Урбанизированная, техногенная среда трансформирует человека, что заставляет нас вести поиски такой

социализации человека, которая, с одной стороны, объективно раскрывала бы сущностные изменения и вектор эволюции земного мира, а с другой стороны, ориентировала бы людей на безопасное для человека и биосферы и в то же время гуманное изменение земного мира и человеческого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басов, Н.Ф. История социальной педагогики. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Басов, В.М. Басова, А.Н. Кравченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Данилов, Ю.А. Синергетика – внутри и вокруг человека / А.Ю. Данилов // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М., Изд. ИФРАН, 2002.
3. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – М. – Брянск: Всемирная Информ-Энциклопедия, 2006.
4. Демиденко, Э.С. Урбанизация в современном мире / Э.С. Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / Под общей ред. Э.С. Демиденко. – Брянск: БГТУ, 2006. – Вып. 4.
5. Демиденко, Э.С. О периодизации и особенностях процесса урбанизации в России и СССР / Э.С. Демиденко // Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная / Сб. науч. тр. – Брянск: Изд. БГПИ, 1994
6. Демография и статистика населения: учебник / И.И. Елисеева, Э.К.Васильева, М.А. Клуфт и др. Под ред. И.И. Елисеевой. – М.: Финансы и статистика, 2006.
7. Дружкова, Н.Т., Карпова, Н.П. Техника и человек (культурологический аспект) / Н.Т. Дружкова, А.П. Карпова // Труды членов РФО.– М., 2003. - Вып. 6.
8. Липский, И.А. Социальная педагогика. Методологический анализ / И.А. Липский: уч. пособие. – М.: ТЦ Сфера, 2004.
9. Малинецкий, Г.Г. Нелинейная динамика и историческая механика / Г.Г. Малинецкий // Общественные науки и современность, 1997 - №2.
10. Молитвослов св. прав. Иоанна Кронштадского. – М., Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Центр Благо, 2000.
11. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / А.В. Мудрик / Под ред. В.А. Сластенина, - 5-е изд., доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
12. Население России 2002: Десятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневская. — М.: ИНГ РАН, Центр демографии и экологии человека, 2004.
13. О социальной концепции русского православия / под общ. Ред. М.П. Мchedлова. ИЦ «Религия в современном обществе», 2002.
14. Пивоваров, Ю.Л. Основы геоурбанизации: урбанизация и городские системы / Ю.Л.Пивоваров. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1999.

15. Пименов, П.А. Основы рекламы: учеб. пособие / П.А.Пименов. – М.: Гардарики, 2005.
16. Просветова, Т.С. Предпосылки, сущностное содержание социальной педагогики в России (60 -80-е гг. XXв.) / Т.С. Просветова // Человек и общество: история и современность / под ред. М.В. Шакуровой. – Воронеж, 2003.
17. Социальная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.А. Никитина. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2002.
18. Симоненко, В.Д. Технологическая культура и образование / В.Д. Симоненко. – Брянск, 2001.
19. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002
20. Тоффлер, Э. Третья волн: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М., ООО «Издательство АСТ», 2002
21. Флир, А.Я. Культурология в истории культуры / А.Я. Флир // Общественные науки и современность. 1995, №3
22. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Айрис – пресс, 2004
23. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Т. 1. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004
24. Чувин, С.Н. Проблематика трансформации современного человека в техногенном мире / С.Н. Чувин. – Брянск: Изд. БГУ, 2006
25. Шарков, Ф.И. Социология: теория и методы: учебник / Ф.И. Шарков. – М.: «Экзамен», 2007.

А.М. ЖОГИН

НООСФЕРА И ТЕХНОСФЕРА: РЕАЛЬНОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ

Встретив XXI век и переступив черту третьего тысячелетия, человек должен понять, что ему дает будущее. Оценивая произошедшие изменения в укладе жизни за прошедшие века, рассматривая длительную историю человечества, невольно хочется ужаснуться или восхититься, что пока еще не ясно, темпами научно-технического прогресса, поступательного движения к приближающемуся будущему. Громовая поступь цивилизации всё ускоряется в своем развитии, вначале неторопливо подменяя охотников и собирателей пахарями и жнецами, а затем принося индустриально-городской уклад жизни на смену аграрно-земледельческому.

Когда речь идет о процессе общественного развития человечества, на первый план выступают такие факторы как развитие науки, индустриализация, урбанизация и, как результат, научно-техническая революция и глобализация, приведшие к

техносферизации планеты. Ускоренный рост индустриальных и постиндустриальных городов и необходимость удовлетворения быстро растущих потребностей и интересов человечества неизбежно подталкивают земную цивилизацию к формированию качественно новой среды обитания, поскольку бывшее биосферное окружение уже не способно удовлетворить новые цивилизационные потребности человека. Складывающийся под воздействием новых технологий, техники, кибернетики и генетики мир, в ходе глобального развития превращается в особую искусственную оболочку планеты, в которой осуществляется вся совокупность жизнедеятельности основного большинства людей, в техносферу.

Техносфера – понятие, отражающее область реального бытия созданных человеком техники и технологии, совокупность материальных средств преобразовательной деятельности общества, искусственный небиологический предметный, вещественный и электромагнитный мир в единстве с частью природного земного мира, фундаментально преобразованного человечеством [4, с.57-58]. Иначе говоря, в широком понимании, техносфера – это новый дом человечества, новая, искусственная форма организации его жизни на Земле, приходящая на смену биосфере и привносящая свои законы в систему природных и социальных законов.

О формировании такой системы и неизбежности преобразования биосферы под влиянием антропогенных факторов говорил еще В. И. Вернадский: «Лик планеты – биосфера – химически меняется человеком сознательно, и главным образом - бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды» [1, с.175]. Таким образом, становление техносферы на планете Земля в результате научной и технико–технологической деятельности не является случайностью, а носит закономерный характер и избежать ее нельзя, также как нельзя уклониться от ее положительных и отрицательных воздействий на развитие человека и биосферы.

В. И. Вернадский считал, что на смену биосфере придет ноосфера – разумная оболочка планеты, в принципе объединяющая только положительные эффекты развития научной мысли и являющаяся скорее целью прогрессивного развития человеческой цивилизации, нежели крайне противоречивой объективной реальностью. Наблюдая тенденции в научной среде и последствия

важнейших открытий, В. И. Вернадский, ставя научную мысль и человеческий разум превыше всего, был вынужден, однако, оговориться: «Ученый не должен закрывать глаза на возможные последствия своей научной работы, научного прогресса. Ученые должны чувствовать себя ответственными за последствия своих открытий» [1, с.167].

Несмотря на открывшиеся отдаленность перспективы ноосферы, теория Вернадского о переходе биосферы в ноосферу служила и служит отправной точкой в изучении техносферизации планеты и управления техногенными процессами в биосфере. Сфера разума, вопреки своей нынешней противоречивости, вполне реальна; и исходя из реальных процессов, проходящих в настоящее время, она будет носить множество отрицательных черт, и в первую очередь - негативное воздействие на биосферу, вплоть до ее полного уничтожения, замены биосферного дома живых организмов техносферными. Неизбежность ноосферных преобразований и техногенная экспансия во всё биосферное требует новых подходов в понимании ноосферы, рождающейся из техносферы и разумного управления ее формированием, как к тому взывал В. И. Вернадский. Отмечая эти моменты, ученые опасаются, что созданная посредством научной мысли среда обитания не только не улучшит условия жизни человека, но и грозит рухнуть, погребя под собой и человечество [3, с.115-121].

Так как же все-таки оценивать ноосферу и предшествующую ей техносферу? Ведь нельзя не заметить, что радужная перспектива ноосферы, выдвинутая Э. Леруа и В. И. Вернадским, меркнет рядом с реальностью техносферных преобразований. В стремлении удовлетворить быстро растущие потребности и интересы многих социальных слоев, современное общество совершенно бездумно и безответственно использует новейшие достижения научно-технического прогресса для удовлетворения не только насущных нужд, но и прихотей, особенно богатой публики, используя для этого ресурсы биосферы и приводя ее к краху. Оценивая современные тенденции развития наукотехники и социальные подвижки общества в совокупности с глобальным экологическим кризисом, мы становимся свидетелями ужасающего заблуждения, когда научный разум человека приводит к действиям, абсолютно противоположным разумным. Разрушая биосферное молниеносными ударами техники, человек еще

не в состоянии создать искусственное, подобное и способное заменить уничтоженное природное. И тогда, без естественных ресурсов планеты, самые смелые и новейшие научные достижения уже не смогут полностью обеспечить удовлетворение запросов потребительского общества.

В. И. Вернадский неоднократно отмечал, что «цивилизация «культурного человечества» - поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, - не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее, геологически сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было» [2, с.46]. Он видел неизбежность ноосферы, подготавливаемой как эволюцией биосферы, так и историческим развитием человечества. С точки зрения ноосферного подхода по-иному видятся и современные болевые точки развития мировой цивилизации: варварское отношение к биосфере, угроза мировой экологической катастрофы, производство средств массового уничтожения – все это должно иметь преходящее значение. В то же время нельзя не заметить, что с развитием научной мысли и подвижками технологического прогресса антропогенное влияние на окружающую среду не только не уменьшается, но проявляется со все большим давлением.

Мы наблюдаем, как производство, основанное на научных достижениях, все сильнее и глубже начинает изменять биосферу Земли, оно меняет условия жизни, геологические процессы, энергетику планеты. Значит, как о том говорил В.И. Вернадский, и сама научная мысль является природным явлением. В переживаемый нами момент создания новой геологической силы, т.е. научной мысли, резко возрастает влияние нового живого вещества – человечества - на эволюцию биосферы. Однако биосфера, перерабатываясь научной мыслью *Homo Sapiens*, переходит не в ноосферу, а уступает место техносфере; и об этом можно судить на основе сравнения прогнозов ноосферного перехода и реальности техносферизации планеты.

В.И. Вернадский, анализируя геологическую историю Земли, утверждает, что наблюдается переход биосферы в новое состояние – в ноосферу под действием новой геологической силы, научной мысли

человечества. Однако в его трудах нет законченного и непротиворечивого толкования сущности материальной ноосферы как преобразованной биосферы. В одних случаях он писал о ноосфере в будущем времени (она еще не наступила), в других – в настоящем (мы входим в нее), а иногда связывал формирование ноосферы с появлением человека разумного или с возникновением промышленного производства.

Итак, что же такое ноосфера: утопия или реальная стратегия выживания? Труды В.И. Вернадского позволяют более обоснованно ответить на поставленный вопрос, поскольку в них указан ряд конкретных условий, необходимых для становления и существования ноосферы. Проследив, насколько выполняются эти условия в современном мире, ученые и с ними автор статьи, пытаются отличить ноосферные преобразования от техносферных.

Заселение человеком всей планеты. Это условие выполнено. На Земле не осталось мест, где не ступала бы нога человека, он обосновался даже в Антарктиде. Неуправляемое, почти стихийное расселение человечества, вполне объективное явление и следствие цивилизационного развития, впрочем несет в себе и отрицательные черты, характерные для техногенного мира и урбанистической культуры города.

Резкое преобладание средств связи и обмена между странами. Это условие также можно считать выполненным. С помощью радио и телевидения мы моментально узнаем о событиях в любой точке земного шара. Средства коммуникации постоянно совершенствуются, появляются такие возможности, о которых недавно было трудно мечтать: развитие глобальной телекоммуникационной сети Internet дало начало настоящей революции в человеческой цивилизации, которая входит сейчас в эру информации.

Усиление связей, в том числе политических, между всеми странами Земли. Это условие можно считать если и не выполненным, то выполняющимся. Возникшая после Второй мировой войны Организация Объединенных наций (ООН) прочно связала вместе практически все государства планеты.

Начало преобладания геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере. Это условие также можно считать выполненным: так, объем горных пород, извлекаемых из глубин Земли всеми шахтами и карьерами мира,

сейчас почти в два раза превышает средний объем лав и пеплов, выносимых ежегодно всеми вулканами Земли.

Здесь стоит заметить, что активное преобразование окружающей среды и количественное и качественное преобладание деятельности человека над биосферными процессами повлекло за собой некоторые негативные явления. Так, под влиянием антропогенных воздействий на жизненное пространство, происходят небiosферные изменения в природе самого человека. В этой сфере привлекает внимание настораживающая динамика нарастания генетических заболеваний и иных патологий, в процессе активной техносферизации и урбанизации среды. «В начале 1990-х годов появились данные по Москве: свыше 20% родившихся детей относятся к дебильным или другим категориям умственно отсталых» [3, с.129].

Расширение границ биосферы и выход в космос. В работах последнего десятилетия жизни В. И. Вернадский не считал границы биосферы постоянными. Он подчеркивал расширение их в прошлом как итог выхода живого существа на сушу, появления высокоствольной растительности, летающих насекомых, а позднее летающих ящеров и птиц. В процессе перехода в ноосферу границы биосферы должны расширяться, а человек должен выйти в космос. Часть этих предсказаний сбылась.

Открытие новых источников энергии. Условие выполнено, хотя сейчас стоит проблема получения альтернативной, экологичной энергии. Освоена атомная энергия, ведутся разработки по термоядерному синтезу. Для развития международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии в 1957 году создано Международное Агентство по Атомной Энергии (МАГАТЭ), объединявшее к 1981 году 111 государств. Тем не менее, нельзя сказать, что открытие новых источников энергии принесло человеку только пользу. Как не прискорбно об этом говорить, но проблема атома и по сей день остро встает на международной арене, и человечество не в силах пока еще решить ее полностью, несмотря на уроки Хиросимы, Чернобыля и «холодной войны». Говоря о проблеме мирного использования атомной энергии, нельзя также забывать об обратной стороне процесса радиоактивного распада – радиации, ее влиянии на генетическое состояние и здоровье человека в целом.

Равенство людей всех рас и религий. Это условие если не достигнуто, то, во всяком случае, достигается. Решительным шагом для установления равенства людей различных рас и вероисповеданий было разрушение в конце XIX века колониальных империй и дальнейшие демократические преобразования в новых независимых государствах.

Увеличение роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики. Это условие соблюдается во всех странах с парламентской формой правления.

Свобода научной мысли и научного искания от давления религиозных, философских и политических построений и создание в государственном строе условий, благоприятных для свободной научной мысли. В развитых и даже развивающихся странах государственный и общественный строй создают режим максимального благоприятствования для свободной научной мысли.

Продуманная система народного образования и подъем благосостояния трудящихся. Создание реальной возможности не допустить недоедания и голода, нищеты и чрезвычайно ослабить болезни. Это условие, к сожалению, можно считать выполненным лишь наполовину, так как на него оказывает влияние одна из острейших глобальных проблем современности – проблема «Север - Юг», отражающая различия в цивилизационном уровне развития стран северного и южного полушарий. Все перечисленные Вернадским признаки характерны для развитых стран, и пока недостижимы для большинства развивающихся государств Африки и Азии.

Таким образом, мы видим, что налицо многие конкретные признаки, и большинство условий, на которые указывал В. И. Вернадский, чтобы отличить ноосферу от существовавших ранее состояний биосферы. Это позволяет нам говорить о некой тождественности содержания понятий ноосферы и социосферы, которая все более и более базируется на мощи техносферы и испытывает многие отрицательные последствия антропогенных воздействий на окружающую среду и человека. Из этого видно, что ноосфера в ее техносферном варианте вполне реальна, и, кроме того, несет в жизнь скорее отрицательные, нежели положительные черты, на которые надеялся В. И. Вернадский.

Он выделял еще два важнейших признака становления ноосферы, которые, впрочем, придали ей, с нашей точки зрения, некую утопичность. По мнению В. И. Вернадского, основополагающим фактором для формирования ноосферы станет *исключение войн из жизни общества и разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать её способной удовлетворить все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения*, по сути, управляемость процессами ноосферизации, в основу которой должен быть положен принцип коэволюции человека и биосферы. Становится очевидным, что в понимание ноосферы, как будущей обители знания, В. И. Вернадский не мог допустить современную техносферу, такое состояние, когда промышленное производство, удовлетворяя материальные потребности общества и человека, в то же время разрушает благоприятную для существования человека как биологического вида природную среду или, точнее, биосферу.

Однако как показывает социальная практика, мы уничтожаем биосферу, обустроиваем нашу планету и жизнь техносферой и творим искусственную биоприроду, по сути, создаем техно-ноосферный, постбиосферный мир, на что особое внимание обращает Э. С. Демиденко, отстаивая идеологию сохранения и возрождения биосферы [4, с.138-145].

В.И. Вернадский писал: «Я смотрю в ближайшее будущее очень оптимистично. Моя большая книга должна закончиться главой о «ноосфере», дать понятие о новом состоянии биосферы, благодаря которому человек становится геологической силой, с одной стороны, а с другой — благодаря тому, что интересы народных масс являются впервые сознательным объектом исторического процесса» [2, с.424]. Ноосфера мыслилась в широком смысле слова как новое состояние биосферы под влиянием научной мысли и человеческого труда. Это была вдохновляющая идея и вдохновляющее понятие в эпоху научно-технического прогресса.

Сейчас вполне очевидно, что человек стал геологической силой, как о том говорил В. И. Вернадский, но это не привело к формированию ноосферы, а породило практически искусственный земной дом – техносферу. Реальность техносферных преобразований окружающей среды, вытекающих из тех же причин, что и ноосферный переход. В. И. Вернадский, указывает нам на

необходимость пересмотра стратегии развития человечества. Ноосфера из цели и результата техносферизации превращается в некую отдаленную перспективу, символ веры, идеал разумного человеческого вмешательства в биосферные процессы под влиянием научных достижений. Об этом пишет и говорит исследователь эпохи постмодернизма В. А. Кутырев: «...это учение с самого начала несло в себе элементы утопии; в нем переплелись аксиологические и онтологические подходы без какого-либо их разграничения; ценностные характеристики ноогенеза до сих пор являются однозначно положительными, что противоречит диалектике жизни; надо различать трактовку ноосферы как утопии и ее реальное состояние» [5, с.24-25].

Идеи Вернадского намного опережали то время, в котором он творил. В полной мере это относится к учению о биосфере и ее переходе в ноосферу. Только сейчас, в условиях необычайного обострения глобальных проблем современности, становятся ясными пророческие слова Вернадского о необходимости мыслить и действовать в планетном — биосферном — аспекте. Только сейчас рушатся иллюзии технократизма, покорения природы и выясняется сущностное единство биосферы и человечества, побуждающее по-новому взглянуть на мир и рождающее стремление к правомерным преобразованиям не столько биосферного пространства, сколько самого человека. Приоритетной задачей в решении этого вопроса нам видится культивирование морали как проявления живой сердечной человеческой уникальности, этики уважения ко всем формам жизни, создание пространства для культивирования созерцательности и жизнотворчества как способов преодоления потребительства, развитие идей единства биосферной природы и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 1989.
2. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М., 1988.
3. Демиденко, Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни: Монографический сборник статей по социально-экологической тематике / Э. С. Демиденко. – М., 2003.
4. Демиденко, Э. С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э. С. Демиденко. – М.-Брянск, 2006.

А.В. ПАТРАКОВА

К ВОПРОСУ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КОНТИНУУМА. ВРЕМЯ, ДВИЖЕНИЕ, ВЕЧНОСТЬ

Фиксируя относительные сроки бытия, время характеризует одновременное существование или несуществование материальных объектов в пространстве. Анализ многочисленных литературных источников показывает, что сами представления о времени формировались при помощи более доступного для понимания представления о пространстве, движение материи в котором “породило” течение времени и связало эти категории друг с другом в некий континуум. Однако попытка постичь сущность времени через движение в пространстве породила проблему континуума (непрерывности), сущность которой выразил в своих парадоксах Зенон из Элеи и передал в «Физике» Аристотель: «Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое, о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе (так называемое Ахиллес) заключается в том, что существо более медленное никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше прийти в то место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество... Третье... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь»... Четвертое рассуждение относится к двум разным массам, движущимся с разной скоростью, одни – с конца ристалища, другие – от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна его двойному количеству» [2].

Проблема континуума волновала умы многих мыслителей разных эпох, которые в основном считали, что все апории должны доказать невозможность движения, так как нельзя его мыслить, не впадая в противоречия. Среди современных философов наиболее обобщенный и обстоятельный ее анализ, на наш взгляд, провела П.П.

Гайденко. Как и у многих современных мыслителей, рассуждения Гайденко сводятся к тому, что смысл апорий Зенона заключается «в стремлении доказать, что чувственный мир, или, как его называли греческие философы, мир становления, где все множественно, текуче и приходящее, не обладает подлинным бытием, которое едино, вечно, неизменно и неподвижно, всегда тождественно самому себе. Именно бытие, согласно Зенону, есть предмет научного знания; что же касается становления, то оно недоступно знанию и всегда остается предметом всего лишь мнения, столь же изменчивого и непостоянного, как и сам чувственный мир. Противоречия и парадоксы, возникающие при попытке мыслить движение, свидетельствуют по убеждению Зенона, об иллюзорности множественного и изменчивого эмпирического мира» [3, с. 112-113].

В первой апории – «Дихотомия» – утверждается, что движение невозможно, так как движущееся тело, прежде должно пройти половину расстояния, а соответственно, половину этой половины и т.д.: «ведь любой отрезок можно делить пополам – и так до бесконечности. Другими словами, если пространственный континуум рассматривается как актуально данное бесконечное множество элементов, то движение в таком континууме невозможно мыслить, ибо занять бесконечное число последовательных положений в ограниченный промежуток времени невозможно» [3, с. 111]. При такой постановке вопроса движение не может даже начаться.

Апория «Ахиллес» сталкивается с тем же затруднением, что и «Дихотомия»: когда Ахиллес преодолевает расстояние, отделяющее его от черепахи, она пройдет еще один отрезок пути и так до бесконечности, поэтому, чтобы догнать черепаху Ахиллес должен занять бесконечное множество «мест», ранее занимаемых черепахой. П.П. Гайденко отмечает: «В обеих апориях Зенон предполагает континуум делимым до бесконечности, но при этом мыслит эту бесконечность как актуально существующую» [3, с.112].

В свою очередь, В. Федоров, используя современный математический аппарат, отмечает следующее: «Возьмем парадокс Зенона, где Ахилл никогда черепаху не догонит. Разумеется, рассуждения Зенона логически безупречны, но неполны, поэтому, приводят к абсурду. Налицо парадокс: теория противоречит эксперименту. Он легко разрешается, стоит лишь написать формулу времени t , за которое Ахилл догоняет черепаху.

$$t = \frac{a}{(V_a - V_q)} = \frac{a}{x}$$

где: V_a – скорость Ахилла,

V_q – скорость черепахи,

a – стартовое расстояние между соревнующимися,

$x = V_a - V_q$.

Простой анализ формулы показывает: действительно, при $V_a = V_q$ Ахилл никогда черепаху не догонит, т.к. при этом t равняется “бесконечности”. Зенон рассматривает только этот случай, а выводы распространяет на все оставшиеся, что ошибочно. Если V_a равен “бесконечности”, то $t = 0$, т.е. Ахилл догоняет черепаху без затраты времени. В реальной жизни этот случай вообще невозможен. Таким образом, в зависимости от соотношения скоростей, t будет находиться в промежутке: $0 < t < \text{“бесконечность”}$ [8, с. 24].

В то же время Д. Гильберт и П. Бернайс отмечают: «Обычно этот парадокс пытаются обойти рассуждением о том, что сумма бесконечного числа этих временных интервалов все-таки сходится и, таким образом, дает конечный промежуток времени. Однако это рассуждение абсолютно не затрагивает один существенно парадоксальный момент, а именно парадокс, заключающийся в том, что некая бесконечная последовательность следующих друг за другом событий, последовательность, завершаемость которой мы не можем себе даже представить (не только физически, но хотя бы в принципе), на самом деле все-таки должна завершиться» [5, с. 40].

В третьей апории – «Стрела» – Зенон утверждает, что летящая стрела покоится. В данном случае рассматривается уже само время. Философ представляет время как сумму неделимых моментов «теперь» и пространство как сумму неделимых точек. Получается, что в каждый момент времени стрела занимает определенное место, равное своему объему. При этом двигаться становится невозможно, поскольку само движение предполагает, что предмет занимает большее пространственное место, чем он сам. Поэтому «движение можно мыслить лишь как сумму состояний покоя (сумму “продвинутостей”», а это невозможно, ибо сумма нулей не дает никакой величины» [3, с. 112].

Четвертая апория – «Стадии» – по своим предпосылкам сходна со «Стрелой».

Результат, отсюда вытекающий, говорит о том, что решить проблему движения с помощью атомистически конструированного континуума невозможно.

Позднее, введя понятие непрерывности, Аристотель разрешает трудности, возникающие при допущении, что время и пространство состоят из неделимых частей. Непрерывность становится условием возможности движения и условием его мыслимости. В частности, он пишет: «По неделимому пути ничто не может двигаться, а сразу является продвинувшимся. Движение будет состоять не из движений, а из моментальных перемещений и продвижений чего-нибудь не движущегося... Следовательно, возможно будет прибыть куда-нибудь, никогда не проезжая пути: проехал его не проезжая» [2]. Различая потенциальную и актуальную бесконечности, Аристотель разрешает апории «Дихотомия» и «Ахиллес», основанные на допущении актуальной бесконечности любого отрезка пространства и времени. «Поэтому ошибочно рассуждение Зенона, – замечает он, – что невозможно пройти бесконечное, т.е. коснуться бесконечного множества отдельных частей в ограниченное время. Ведь длина и время, как и вообще все непрерывное, называются бесконечными в двояком смысле: или в отношении деления, или в отношении границ. И вот бесконечного в количественном отношении нельзя коснуться в ограниченное время, бесконечного согласно делению – возможно, так как само время в этом смысле бесконечно. Следовательно, приходится проходить бесконечность в бесконечное, а не в ограниченное время и касаться бесконечного множества частей бесконечным, а не ограниченным множеством» [2].

Позднее Гегель диалектику движения также связывал с непрерывностью времени и пространства: «...Двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, – следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение» [4, с. 131].

В то же время А.М. Анисов справедливо замечает: «Современная наука, особенно математика и физика, блестяще подтвердила философию элеатов, приняв статические представления о движении. Та картина движения, которую она дает, надо полагать, вполне бы удовлетворила как Парменида, так и Зенона с точки зрения отсутствия в ней процесса движения. Обгоняя черепаху, Ахилл не

движется в том смысле, что не переходит из одного места в другое. Просто в один момент времени он находится в одном месте, в другой – в другом, подобно тому, как мчащийся по шоссе автомобиль на киноленте просто размещается в разных кадрах этой ленты» [1].

На наш взгляд, проблема заключается несколько в другом. Когда мы рассматриваем парадоксы континуума, у нас перед глазами практический опыт наблюдаемого нами движения. И, несмотря на то, что теория относительности говорит о том, что движение зависит от выбранной системы координат и точки отсчета, относительно которых наблюдаемое тело будет либо перемещаться, либо покоиться, мы продолжаем сводить проблему движения, выраженную в апориях к проблеме нашей возможности наблюдения, в частности, мы не берем в расчет движение относительно Ахиллеса и черепахи, их движение и движение самого наблюдателя относительно окружающих объектов, а также движение всей этой системы относительно других систем координат, которые тоже меняют свое местоположение в пространстве с течением времени. Скажем, относительно выбранной точки в космическом пространстве, за время, которое Ахиллес потратил на то, чтобы догнать черепаху, Земля переместилась на такое расстояние, что путь, отделяющий объекты наблюдения (Ахиллеса и черепаху) бесконечно увеличит расстояние, пройденное за это время черепахой, а, следовательно, подтверждается мысль о том, что Ахиллес никогда ее не догонит. Приведенные рассуждения не отрицают возможности самого движения, но только относительно эмпирически возможных пространственных величин, поскольку бесконечно большие отрезки сводят к нулю само время, о чем и говорится в «Стреле». При этом каждый материальный объект представляет собой некоторое пространство и занимает собой пространство у другого пространства. Отсюда становится ясно, что как такового движения не существует, имеет место относительное взаимоперемещение пространств. То, что принято называть движением тел в пространстве – не что иное, как перемещение пространств в пространстве относительно друг друга. При этом скорости перемещения тел ставятся в зависимость от их пространственных размеров. В примере со стрелой, которую мы наблюдаем реально движущейся в пространстве, на самом деле имеет место перемещение взаимодействующих пространств. При чем скорость стрелы относительно того пространства, в котором она

перемещается, получается настолько бесконечно малой, насколько размеры пространства бесконечно большими. Нетрудно из скоростей выделить проходящие стрелой отрезки пути, которые описывал Зенон и увидеть, что стрела действительно может покоиться.

Сама суть проблемы, связанная с парадоксальностью движения, состоит, большей частью, в том, что частное эмпирическое знание воспринимается, зачастую, как единственно возможное: если мы это наблюдаем, значит другого и быть не может, но возможен и другой опыт наблюдения, который выходит за ограничивающие рамки современного состояния научного познания и существующие парадигмы, где схемы мышления выстраивают вполне логические объяснения, не противоречащие нынешним научным теориям. В то же время, нельзя не отрицать, что уже греческая мысль, не взирая на уровень развития средств и возможностей получения эмпирического опыта, высказала принципиально новый и потому революционно-парадоксальный взгляд на сущность и даже, можно сказать, на природу неоспоримо “очевидных” явлений. Многие мыслители пытались опровергнуть заключения, к которым пришел Зенон из Элеи, тем самым неосознанно желая вписать их в границы современных им возможностей познания.

Проблема континуума или непрерывности несколько шире, чем представляется в трудах некоторых философов и ученых, поскольку чрез нее впервые была сделана попытка обозреть необозримое, то, что находится за гранью сознания и позволяет ощутить насколько наше существование проявлено в этом мире и насколько деяния как отдельного человека, так и человеческого общества в целом отражаются в непознанном, но интуитивно ощущаемом мироздании.

Создатель учения об умопостигаемом мире идей, принципиально отличных от чувственного мира, Платон впервые в истории философской мысли попытался дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью. Время, таким образом, предстало как подобие вечности в эмпирическом мире. Платон называет время «вечным же образом»: время создано для того, чтобы по возможности уподобить творение (космос) его сверхчувственному. Здесь явно прослеживается момент создания времени, его сотворения богом, демиургом вместе с космосом. В диалоге «Тимей» Платон, в частности, пишет: «Когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов,

движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. Поскольку же образец является собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в Едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, которое мы называли временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это – части времени, а «было» и «будет» суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибки... Тому, что вечно пребывает тождественно и неподвижно, не пристало становиться со временем старше или моложе... либо вообще претерпевать чтобы то ни было из того, чем возникновение наделило поток данных в ощущениях вещей. Нет, все это – виды времени, подражающие вечности и бегущего по кругу согласно закону числа» [6].

Соотнося время с вечностью, Платон рассматривает его как категорию космическую: оно возникает вместе с космосом, явлено в движении небесных тел и подчиняется закону числа. Но так как космос не вечен, а только создан по вечному образцу, то он может иметь также и конец своего существования; однако, как подчеркивает Платон, его может уничтожить лишь тот, кто его создал. Демиург же, как полагает греческий философ, не может захотеть разрушить свое создание, потому что он – благ, а поэтому космос можно считать бессмертным. Вопрос о возможном конце времени, также как и космоса, остается у Платона в сущности открытым: время, говорит он, «возникнув вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад» [6].

Платоновское рассмотрение времени сквозь призму понятия вечности сохраняется на протяжении многих столетий в традиции платонизма и получает дальнейшее развитие в работах Плотина, Прокла, Ямвлиха, Симпликия и др.

Однако отметим, что утверждение о том, что космос является бессмертным, вовсе не предполагает его бесконечности, ибо, являясь материальным воплощением идей, подразумевает его ограниченную

протяженность, поскольку даже сотворенное небо для обозначения времен цикличностью уже полагает собой пространно-временные рамки.

Развитие господствующего представления о времени (линия Платона) имело тенденцию к смещению в сторону реальности: от абстрактной независимости от чего бы то ни было (абстрактности) к его связанности с пространством.

Однако все понятия, вводимые и Платоном, и Аристотелем, на которых потом они выстраивали свои умозаключения, являются субъективными посылками абстрагированных сознанием моделей чувственного восприятия эмпирически познаваемого окружающего мира, домысленные в масштабах вселенской законченности и значимости, попыткой формирования целостного представления вероятной действительности. Здесь даже «реальность», выраженная в «пространстве», не является однозначно существующей таковой, поскольку также имеет категориально-абстрагированную зависимость от ранее выстроенных смоделированных конфигураций сознания, поскольку именно им и осмысливается, и зависит от его свойств.

В философии средневековья непостижимый Бог ассоциировался с Вечностью. В частности, Августин Блаженный пишет: «...начало времени – Вечность, то есть Бог» [7, с. 340]. Такое толкование времени можно найти и в «Библии». В Евангелии от Иоанна, в первой главе, читаем: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть». Здесь явно начало времени связывается с Богом, с его первоначальной волей. Время берет свое начало в Вечности, не имея при этом какого-либо изначального свойства самой Вечности. Эта идея творения времени Богом перекликается с учением Платона, что в свою очередь указывает на некое заимствование философии средневековья и преемственность отдельных ее частей для построения христианской картины мира.

Божественное начало в философии средневековья присуще всему сотворенному, в том числе и времени. Вечность же не может быть осмыслена, ибо является воплощением Бога, сущность которого постигается через веру. Посему и природа времени непостижима, так как его начало – в Вечности. Однако, вполне определен конец

времени, синонимом которого является «конец света». При этом после должен наступить некий переход в вечность, то есть в мир без времени, где нет необходимости в измерении длительности.

Осмысливая взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего, Августин определяет настоящее как момент, ибо оно уходит в прошлое и устремляется в будущее, о чем свидетельствует жизнь «града человеческого» (общества). В свое время Плотин писал: «...время – жизнь души... в переходе из одного состояния в другое» [3, с. 127]. Из этого следует, что момент настоящего и есть тот «кирпичик», из которого состоит и прошлое, и будущее.

Так же как и у Платона, в средневековой философии ознаменованием времен выступает сотворение неба и небесных тел. В «Библии» (в первой книге «Бытие», в первой ее главе) говорится: «... И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов...» и далее в псалме 103: «Он сотворил луну для указания времен; солнце знает свой запад». Необходимо отметить, что время, являясь порождением Вечности, воплощается в сугубо частном его выражении – в сотворении нашего мира, где проявляется в человеческом существовании как единого социоприродного организма. Также, можно найти пространственную зависимость времени, ибо, сотворяя Землю, Бог определяет ее пространственными рамками и временными процессами, выраженными в длительности. Кроме того, видно, что мыслимые пространство и время в своих свойствах отражаются в сознании воспринимающего субъекта, поскольку тем же Творцом человеку дана возможность определять окружающую действительность и предметно выражать ее, сознательно, как бы, порождая свойства объективного мира, а не только и не столько зреть его как такового, как некую изначальную данность. В том же писании находим следующее: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». То есть, выходит, что у человека изначальное право номинативно определять индивидуальные качества объектов мира, что, кстати говоря, и было присуще полагать

одному из направлений средневековой философии. Однако одновременно с этим сами качества тоже определяются человеком, поскольку категориально формируется представление о них на уровне интуитивно-чувственного познания, позднее удостоверенного эмпирически. Образы, не имеющие опытного подтверждения, не получают и четко выстроенного сознательного алгоритма решения их проявления в объектах и явлениях материального мира в силу системности общества и обращенности вовнутрь себя самого научного познания, а также нереализованности потенциала сознательно-разумной познавательной способности человека.

Философская мысль Востока, в частности буддистская средневековая философия, сосредоточила свое внимание на разработке иллюзорности бытия и истинности небытия. На этой основе время и пространство, как атрибутивные характеристики бытия, являются лишь мнимыми образами сознания. Однако, и здесь, если исходить из бессмертия души и ее перевоплощения на путях достижения вечного духовного мира, полностью не может быть отвергнута идея реального объективного существования времени. Это следует из самой возможности перевоплощения: есть настоящее – это жизнь сегодня, она одновременно является будущим, так как когда-то была уже прошлым. Существует и будущее, следующее за настоящим.

Однако же каким бы ни было человеческое представление о вечности, оно порождено на подсознательном уровне быстротечностью существования, неидеальностью социального мира, осознанием конечности бытия. В свою очередь, это является предпосылкой к определению локализованной проявленности Вечности, коим, в данном случае, и является время. По сути, время предстает неким подобием Вечности, как человек – подобием Бога. Неосознанное стремление к Вечности, к идеальной безвременности и привело к введению категории, позволяющей в противопоставлении представить недостижимую и непознаваемую Вечность – время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисов, А.М. Апории Зенона и проблема движения / А.М. Анисов. – <http://ihtik.lib.ru/>
2. Аристотель. Физика / Аристотель. – <http://ihtik.lib.ru/>

3. Гайдено, П.П. Время и вечность: парадоксы континуума / П.П. Гайдено // Вопросы философии. – 2000. – №6.
4. Гегель, Г. Собрание сочинений: В 14 т. – Т. 9.
5. Гильберт, Д. Основания математики. Логические исчисления и формализация арифметики / Д. Гильберт, П. Бернайс. – М., 1979.
6. Платон. Тимей / Платон. – <http://ihtik.lib.ru/>
7. Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. – Ч.1. – Киев, 1980.
8. Федоров, В. Теория парадоксов – теория обмана / В. Федоров // Инженер. – 2003. – №8.

А.В. ПАТРАКОВА

ВРЕМЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Время есть пространство человеческого развития.

К. Маркс

Время – это то, что показывают часы.

А. Эйнштейн

По мере развития человеческого общества и накопления знаний об окружающем мире люди создавали своеобразный алгоритмический аппарат, позволявший не только выживать в суровых условиях действительности, но все больше углубляться в тайны бытия. Для систематизации полученной информации и упорядочивания своего существования требовались соответствующие понятия и категории. Любое определение объекта или явления появлялось с возникновением необходимости вписать их в формирующуюся картину мира. Так, некоторые понятия исчезали, другие наполнялись новым смыслом, третьи становились категориями бытия.

Чтобы выявить, на каком этапе эволюции появляется понятие времени и определить его сущность, проанализируем некоторые моменты развития нашей Вселенной и человеческого общества. При этом за основу примем концепцию космологического расширения.

С момента разворачивания нашей Вселенной, возникновением и развитием жизни на Земле материя характеризовалась количеством и энергией. Считается, что с момента рождения Вселенной время начинает течь, а пространство расширяться. На это указывают и современные ученые [4; 8]. Если же рассмотреть саму концепцию

космологического расширения, то становится очевидным то, что изначально расширяющаяся материя уже обладает некоторым пространством. При этом определенное количество этой материи создает систему, которой, несмотря на сообщаемость, присуща цикличность и периодичность. При чем по мере расширения с увеличением пространственных характеристик быстрота смены процессов и явлений уменьшается. Время в чистом виде здесь не присутствует. Скорее имеет место протяженность и длительность, что является косвенным выражением времени. Таким образом, если говорить о времени как физическом феномене, то оно является совокупностью характеристик материальной системы, количественно выражающей цикличность процессов и сменяемость явлений. Однако физическая компонента (такая как пространство) время не существует.

В процессе эволюции, с зарождением и развитием биологической жизни, появлением *Homo Sapiens* и формированием у него сознания время становится неотъемлемой характеристикой действительности. В цепочке взаимодействующих биологических видов наблюдается биогенетическая сменяемость поколений, которые встраиваются в соответствующие ниши и обеспечивают эволюцию биологической формы существования материи. Это возникло из-за пространственно-количественной ограниченности материальной системы, которой и является наша планета. Пьер Тейяр де Шарден, пишет: «...Мельчайшее одноклеточное структурно так вплетено в ткань жизни, что прекращение его существования вызвало бы нарушение *ipso facto* всей сети биосферы. Размещение, последовательность и солидарность существ зависят от их конкретного места в общем генезе, время и пространство органически соединяются» [7, с. 330]. Биологической форме материи, которой является жизнь на Земле, присуще ощущение цикличности процессов и периодичности смены явлений. Однако само понятие о времени возникает только на этапе, когда человеческое сознание стало способно абстрагировать элементы своего бытия, когда появилась сложная структура общества и необходимость стабильности и поэтапного развития социальной системы. У первобытных людей его, вероятно, не было. Об этом может свидетельствовать, например факт того, что у аборигенов Индонезии и Южной Америки до сих пор нет даже представления о времени. Они следуют естественному течению

бытия. У них есть «завтра» и «вчера», а то, что выходит за эти рамки носит название «давно» и «скоро». Здесь отметим одну особенность, которая, несомненно, указывает на причину введения понятия времени – это отсутствие какого-либо измерения длительности сменяемости природных процессов и явлений. Первобытные люди, ненагруженные мировоззренческой системностью, под которой мы будем понимать алгоритмическую совокупность способов и методов формирования мировоззренческих представлений в системе целостного восприятия мира и развитой общественной структурой, не имели необходимости в количественной оценке бытия.

Понятие времени появляется с необходимостью регламентации и упорядочивания общественного бытия и возникновением первой “научной” картины мира, т. е. первой попыткой логического осмысления окружающей действительности, в которой присутствует система измерения. Позднее были разработаны целые метрические системы измерения времени, в которых уже появляются своеобразные эталонные меры. Так, если обратиться к истории, то древние вавилоняне делили сутки на равные части: день – на 12 частей и ночь – на 12 частей. Вавилонский час также делился на минуты и секунды, для более скоротечных процессов использовалось более тонкое деление – доли и мгновения. Их мгновение составляло примерно в 22,8 раза меньше секунды. Древние майя возводили свои постройки через определенные промежутки времени и связывали это с какой-то датой или астрономическим явлением. Около 2100 года до н. э. египетские жрецы использовали такую же, как и вавилоняне, систему деления суток, но день у них длился 10 частей, сумерки – 2 части и ночь – 12 частей. Придерживаясь этого, древние греки во второй половине IV века до н. э. впервые ввели понятие «час» (трансформация греческого слова через латинское и образовало английское “hour” – час). В современном мире пользуются физической системой измерения, в которой, за эталонную единицу времени, равную одной секунде, принято считать $9\,192\,631\,770\,000$ Гц колебаний атомов цезия.

Стремительное развитие системы измерения и “умельчения” единицы времени обусловлено, на наш взгляд, в первую очередь ускоряющимися темпами общественного бытия, динамичностью процессов, происходящих в человеческом сообществе, осознанием системности и ограниченности способов познания действительности

и, как следствие, наличие пробелов в знании о мире. В данном случае системность характеризуется восприятием цикличности планеты Земля. С постепенным расширением представлений о мире, развитием сознания и средств познания, такое восприятие переносится на макро- и микро- уровни – Вселенную и физический микромир. Кроме того, само общество представляет собой систему, эволюция которой направлена вовнутрь себя на поддержание своего существования, воспроизводство и трансляцию сложившихся мировоззренческих стереотипов и этому подчинены все устремления социально-культурной направленности и научного поиска. А это значит, что процессы цикличности в нем наиболее выражены и восприятие системности в целом актуализируется в восприятии индивидуумом системности общественного бытия.

Таким образом, время является инструментом социального регулирования и представляет собой совокупность абстрагированных сознанием чувственных образов окружающей действительности и цикличности природных процессов и явлений. Однако нельзя до конца согласиться с И. Кантом, считавшим, что время – это только присущая человеку способность упорядочивать свой чувственный опыт, воспринимать воздействие различных предметов и явлений внешнего мира одно за другим: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцание нас самих и нашего внутреннего состояния» [5, с. 58]. Было бы неправильным полностью абстрагировать время, лишив его объективности, поскольку оно настолько же реально, насколько и другие явления, процессы, тела окружающего мира, понятия о которых возникли в нашем сознании, впрочем, как и сам мир, его структура и свойства – человеческое сознание само “творит” ту действительность, которую потом и познает через созданные им же средства (науку, культуру, образование и пр.). Каждый из элементов этой действительности выстраивается в определенном порядке, образуя своеобразный алгоритм бытия, и играет свою уникальную роль в общем процессе существования мироздания, где все подчинено локализованной высшей Вселенской логике.

Время определяет динамику социокультурного процесса, позволяет вписать отдельного члена общества в свою структуру. Более того, понятие времени дает возможность исторической ретроспективы происходящих социокультурных процессов и

явлений, оценивать эффективность и жизнеспособность системы и отдельных ее элементов. Введение понятия времени привносит в человеческое общество упорядоченность, определяет последовательность событий и их место в историко-культурном процессе развития. В этом смысле, несмотря на естественнонаучное приложение, справедливым, в некотором смысле, становится определение Стивена Хокинга: «Пространство-время – четырехмерное пространство, точки которого являются событиями» [8, с. 176]. Действительно, время в обыденной жизни проявляется в событийности. Т.Х. Керимов пишет: «... в событии время приходит ко времени, время случается как время...» и далее – «Событие времени предполагает рассмотрение бытия как времени – не времени как бытия, субстанции и субъективности» [6, с. 129]. При этом само событие можно рассматривать и с позиции явлений, формирующих внутривременной цикл, и с позиций целых исторических воплощений, какими являются цивилизации. Д.Г. Горин отмечает: «Категории “пространства” и “времени” имеют структурирующее значение в культурно-исторической теории цивилизаций <...> Именно цивилизация связывает прошлое, настоящее и будущее, вводит надлокальное измерение времени, выраженное в большой традиции и характерных представлениях об историческом процессе и о неподвластных времени “вечных” ценностях» [2, с. 18].

Как социокультурный феномен время имеет свою структуру, специфику которой обобщенно автор представляет следующим образом (рис.1):

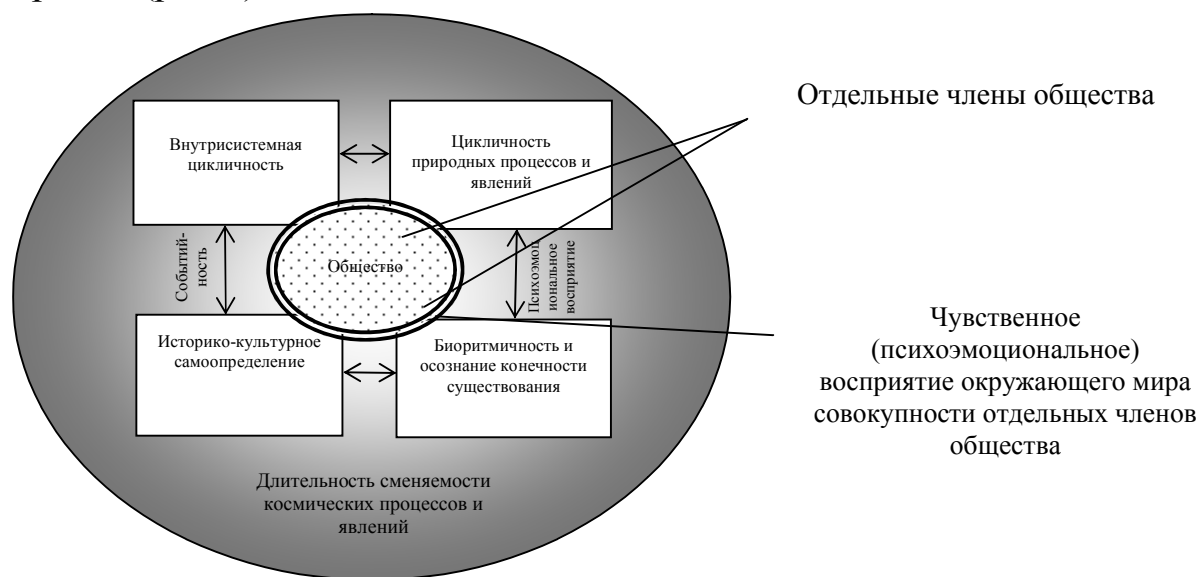

Рис.1. Специфика структуры социокультурного феномена времени

Являясь системой, общество через чувственное (психоэмоциональное) восприятие окружающего мира отдельных своих членов систематизирует, абстрагирует и объединяет проявления цикличности природных процессов и явлений, собственной внутрисистемной цикличности, космической длительности и сменяемости. Согласовывая полученную информацию с внутренними биоритмами, происходит осознание конечности своего существования, что порождает чувство времени уже на подсознательном уровне. Отсюда возникают прошлое, настоящее и будущее, которые, органически сплетаясь в недрах нашего сознания, ведут к историко-культурному самоопределению общества.

Появление новых средств и технологий производства, глобальной урбанизации дало мощный толчок к трансформации самого времени. Это выражается, прежде всего, в том, что люди стали жить в «ритме машины». Уже сегодня человек проживает жизнь с такой интенсивностью, которой человеку прошлых эпох хватило бы на несколько жизней. Биологическая сущность человека постепенно растворяется в созданной им технической реальности. Э.С. Демиденко пишет: «... в настоящее время глобальное техногенное общество с развившимся научно-социальным интеллектом не просто переподчиняет биосферу и направляет изменения на планете в целом, но уже в своих границах “перекраивает” биосферу по своим потребностям и формирует техносферу и техно-ноосферную жизнь – жизнь иного качества и заданного назначения, определяемую сложившейся социально-научной рациональностью и определенным качеством техносферы» [3, с. 95-96]. В такой социокультурной действительности время теряет свои прежние качества, приобретая свойства развивающейся техносферы, определяя, по большому счету, упорядоченность структурной самоорганизации постбиосферного общества, что может привести к формированию некоего техногенного общественного

организма, состоящего из техносоциальных элементов – деградировавших биосферных сущностей. В период развития такого техносоциального организма будет наблюдаться нарастание интенсивности быстротечности временных процессов с последующей ноосферной трансформацией человеческого восприятия, когда происходит разрыв между чувственно-психоэмоциональным и окружающим миром. Эти социокультурные изменения могут закончиться переходом человечества в так называемую вневременную реальность, где теряется смысл времени как такового и отсутствует необходимость в согласованности существования с длительностью и цикличностью.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, кроме всего прочего, время – это в большей степени социокультурный инструмент, позволяющий регламентировать, упорядочивать, систематизировать человеческое общественно-биологическое существование в материальном мире. Такое определение времени, на наш взгляд, не только дополняет представление о нем, но и существенно раскрывает сущность этой категории, позволяя ее рассмотреть под несколько иным углом зрения, и раскрывает новые горизонты для научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисов, А.М. Феномен времени / А.М. Анисов //Электронный журнал «Credo». – 2000. – №6.
2. Горин, Д.Г. Смысловое освоение пространства-времени в цивилизационной динамике российской культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: 24.00.01 / Д.Г.Горин. – М., 2003.
3. Демиденко, Э.С. Формирование метасоциума и постбиосферной земной жизни/ Э.С. Демиденко. – М.-Брянск: Всемирная Информ-Энциклопедия, 2006. – 160 с.
4. Нудельман, Р. Новейший путеводитель по времени / Р. Нудельман //Знание – сила. – 2002. – №12. – С. 32 – 51.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И.Кант. – Симферополь: «Реноме», 1998. – 528 с.
6. Керимов, Т.Х. Поэтика времени / Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2005. – 192 с.

7. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: сб. очерков и эссе: пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.

8. Хокинг, С. Кратчайшая история времени / Стивен Хокинг, Леонард Млодинов; [пер. с англ. Б. Оралбекова под ред. А.Г. Сергеева]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. – 180 с.

А.В. ПАТРАКОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Нет, в жизненный поток мы вовлечены не только материальной стороной нашего существа. Но как тончайший флюид пространство-время, заполнив наши тела, проникает в нашу душу. И заполняет ее. Оно смешивается с ее свойствами до такой степени, что вскоре душа уже не знает, как отличить от него самое себя. Для того, кто умеет видеть, очевидно, что от этого потока, о котором можно судить лишь по возрастанию сознания, ничто больше не ускользает, даже то, что находится на вершинах нашего бытия.

Пьер Тейяр де Шарден

Являясь объективной категорией бытия, время носит и субъективный характер, проявляясь в ощущении хода временных процессов и явлений. Анализируя понятие времени, его свойства и восприятие человеком, можно прийти к выводу, что время большей частью является «формой внутреннего чувства». Известно, что такое понимание этой категории нашло отражение в теории И. Канта, который определял время, как только присущую человеку способность упорядочивать свой чувственный опыт, воспринимать воздействие различных предметов и явлений внешнего мира одно за другим: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцание нас самих и нашего внутреннего состояния» [2, с. 58]. На таком уровне философской мысли проблема времени

окончательно перемещается в русло необходимости доказуемости реальности самого бытия, поскольку утверждается, по-сути, зависимость от сознания окружающей действительности.

Рассматривая время как форму внутреннего чувства и, в то же время, как объективно существующую категорию введем понятия, характеризующие причинно-следственные связи в чувственном времявосприятии реальной действительности: “прошлое настоящее”, под которым будем понимать прошлое, оперируемое нашим сознанием, в настоящем для определения вариантности событийного развития; “настоящее настоящее” – событие настоящего; “настоящее прошлое” – осознаваемый в настоящем момент прошлого настоящего; “прошлое прошлое” – факты событий, определившие будущее, реализованное в настоящем как прошлое; “настоящее будущее” – сформированная поливариантность будущего в настоящем; “будущее будущее” – неопределенное формирующееся будущее; “будущее настоящее” – будущее, реализуемое в настоящем.

Ощущение времени происходит через наше сознание путем чувственного (психоэмоционального) восприятия окружающего мира посредством систематизации, абстрагирования и интеграции проявлений цикличности природных процессов и явлений, собственной внутрисистемной цикличности, космической длительности и сменяемости. Согласовывая полученную информацию с внутренними биоритмами, происходит осознание конечности своего существования, что порождает чувство времени уже на подсознательном уровне. Отсюда возникают более укрупненные промежутки бытия – такие, как прошлое, настоящее и будущее. Между тем, отдельные моменты бытия воспринимаются почти неосознанно, но, в конечном счете, формируют само время, которое в обыденной жизни проявляется в событийности: «Событие времени предполагает рассмотрение бытия как времени – не времени как бытия, субстанции и субъективности» [3, с. 129]. Проявляясь в событийности, время творится отдельными фактами бытия в настоящий момент события настоящего – “настоящее настоящее”. Постепенно накопленный опыт “настоящего настоящего” при определении вариантности дальнейшего событийного развития переходит в “прошлое настоящее”. Поливариантность будущего в настоящем фиксируется как “настоящее будущее”, а события неопределенно формирующегося будущего – “будущее будущее”.

Установив сценарий следующего событийного развития, происходит возвращение к осознанию в настоящем уже свершившегося момента прошлого, имеет место быть “настоящее прошлое”. Далее, чувственно воспринятое настоящее, недавно бывшее как потенциальное будущее, но сейчас реализованное в свершившемся событии момента настоящего уходит в “прошлое прошлое”. При этом в настоящем часть будущего уже реализуется в событии чувственно воспринимаемого момента бытия – “будущее настоящее”. Такой процесс не прекращается, циклически повторяясь.

В процессе эволюции, с зарождением и развитием биологической жизни, появлением *Homo sapiens* и формированием у него сознания время становится неотъемлемой характеристикой действительности. В цепочке взаимодействующих биологических видов наблюдается биогенетическая сменяемость поколений, которые встраиваются в соответствующие ниши и обеспечивают эволюцию биологической формы существования материи. Это возникло в силу пространственно-количественной ограниченности системы, которой является наша планета. Для характеристики времени в таких системах введем понятие «системная замкнутость», под которой понимаем свойство материальной системы, выраженное в определенной количественной ограниченности вещества системы и характеризующаяся внутрисистемной периодичностью и цикличностью процессов и явлений, законами сохранения и свойствами вещества. Пьер Тейяр де Шарден пишет: «...Мельчайшее одноклеточное структурно так вплетено в ткань жизни, что прекращение его существования вызвало бы нарушение *ipso facto* всей сети биосферы. Размещение, последовательность и солидарность существ зависят от их конкретного места в общем генезе, время и пространство органически соединяются» [4, с. 330]. Биологической форме материи, которой является жизнь на Земле, присуще ощущение цикличности процессов и периодичности сменяемых явлений. Однако само понятие времени возникает только на этапе, когда человеческое сознание стало способно абстрагировать элементы бытия, когда появилась сложная структура общества и необходимость стабильности и поэтапного развития социальной системы.

По мере развития человечества, вместе с усложнением общественных отношений, социализацией человека и усилением его

оторванности от природного существования, а также с развитием средств производства и техносферизацией жизни менялось восприятие окружающего мира и смысловая сущность фундаментальных категорий бытия, одним из которых и является время.

В развитии человечества можно выделить такие основные этапы, как доземледельческий; аграрный, сельско-земледельческий; индустриальный или промышленно-городской; постиндустриальный. Доземледельческому этапу, занимающему в человеческой истории самый длительный период – примерно 190 тысяч лет существования кроманьонца (95% времени своего исторического развития) присущи собирательство, в том числе рыболовство и охота. На этом этапе, как отмечает Э.С. Демиденко, «Человек оставался пленником дикой, биосферной природы и, в то же время, ее неотъемлемой частью, поскольку всецело пользовался ее плодами, применяя самые простейшие орудия труда» [1, с. 39].

Аграрный, сельско-земледельческий этап, насчитывает около 10 тысяч лет. «Темпы общественного развития в этот период значительно выросли за счет широкого использования одомашненных животных, искусственных орудий труда и сооружений» [1, с. 39].

Индустриальный (или промышленно-городской) этап развития человечества, занимает менее двух столетий без учета преиндустриальных форм. «Движущими «силами лихорадочного роста» (П. Кууси) индустриального общества явились промышленная энергетика, технические производительные силы, основанные на научных знаниях и на социальном прогрессе самого человека» [1, с. 40].

Постиндустриальный этап, начавшийся складываться в конце XX века в наиболее развитых странах Запада, характеризуется высоким уровнем развития экономики и «доминирующей третичной сферой производящей экономики – сферой услуг, в которой занято подавляющее большинство граждан» [1, с. 40]. Общество этого этапа получило название информационного или электронного.

При рассмотрении изменений восприятия времени, целесообразно, на наш взгляд, объединить последние два этапа в более крупные и тем самым внести некую новую определяющую качественную характеристику в каждый из рассматриваемых

периодов. Этот укрупненный этап называют техногенным [1, с. 51-64].

На стадии собирательства социализация человека практически отсутствует, его чувственное восприятие, как и вся жизнь, подчинено естественному течению природных процессов и явлений, поскольку все его существование проходит в биосфере и, пока еще, сам человек является частью этой среды. Формирование восприятия времени на данном этапе происходит под внешним влиянием цикличности природных процессов и явлений планеты Земля, длительности сменяемости космических процессов и явлений, а также биосферных изменений на инстинктивно-психо-интуитивном уровне, гармонично согласованном с внутренней биоритмичностью. Человеком, большей частью, управляют инстинкты, и ощущение хода временных процессов является естественной компонентой его существования.

Отметим также, что роль времени в развитии человечества на стадии собирательства в основном сводилась к крайне медленному процессу формирования культуры и сознания первобытных людей и накоплению необходимых для выживания знаний, поэтому этот период и характеризуется такой большой длительностью. При этом полное подчинение природному ходу временных процессов определяет и низкий темп общественного развития этого периода.

Вместе с тем, с физиологической точки зрения восприятия времени, этот этап характеризуется невысоким уровнем происходящих в мозге мыслительных процессов, частичным отсутствием или скорее неразвитостью у человека так называемых «биологических часов», которые могли бы фиксировать отдельные мгновения жизни и определять их как временные отрезки, формирующие время. У человека отсутствует восприятие прошлого как прошлого, настоящего как настоящего и будущего как будущего. Для него все сливается в сплошное и неосознанное “настоящее настоящее”. При этом характерным является восприятие временных промежутков большой длительности (дня, времен года, этапов жизни человека) и соответствующий этому ритм жизни первобытного человека. Малые же промежутки бытия вообще никак не фиксируются как длительность.

На этом этапе происходит так называемая локализованная эволюция Вселенной, когда, после создания биологической формы существования материи, живое вещество проходит путь эволюции

усложнения организмов и их нервной системы и, одновременно, становления принципиально отличной жизненной формы – человека разумного.

Находясь на относительно невысоком уровне развития, человечество воспринимает время как только длительность. В этом состоит особенность этого этапа и прослеживается логическая взаимосвязь эволюционирования Вселенной, выраженная в эволюции самой материи: с момента разворачивания нашей Вселенной, появлением и развитием биологической жизни на Земле материя характеризовалась количеством и энергией. Считается, что с момента рождения Вселенной время начинает течь, а пространство расширяться. Однако если рассмотреть саму концепцию космологического расширения, то становится очевидным то, что изначально расширяющаяся материя уже обладает некоторым пространством. При этом ограниченное количество этой материи создает систему, которой присуща цикличность и периодичность. Причем, по мере расширения, с увеличением пространственных характеристик быстрота смены процессов и явлений уменьшается. Время в чистом виде здесь не присутствует. Скорее есть протяженность и длительность, что является косвенным выражением времени, которую и воспринимает человек на стадии собирательства, проходя определенный эволюционный этап развития, в котором отражается и определенный промежуток времени эволюции нашей Вселенной.

Восприятие времени человеком меняется по мере развития его сознания и усложнения общественных отношений, а также с преобразованием природных условий существования с целью улучшения его качества.

С переходом человечества от простого собирательства к производящему хозяйству, к земледельческому образу жизни, формированию аграрного общества, с появлением и развитием земледельческих орудий труда, меняется и ритм жизни человека.

В этот период, по Марксу, можно выделить три подтипа общества: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный. Первобытно-общинный подтип включает в себя родоплеменную организацию, которая частично отрывает человека от природы. Однако еще крайне сильным остается его зависимость от природы и

восприятие времени еще внутренне не осознается, а только интуитивно воспринимается.

Позднее, в результате генезиса земледельческого общества, начинается собственно социальное развитие человечества, возникает наравне с “настоящим настоящим”, пусть пока еще нечеткое восприятие моментов “прошлого настоящего”, “настоящего прошлого”, “прошлого прошлого”, “настоящего будущего”, “будущего будущего”, “будущего настоящего”. Вместе с тем, вначале отсутствует как таковая поливариантность будущего, поскольку еще до конца не сформированы внутрисистемные связи и не отлажены внутрисистемные отношения. Но уже наблюдается качественно отличный способ существования человека и окружающей действительности: «...генезис земледельческого способа производства является рубежом, который кардинально меняет не столько саму организацию родоплеменной жизни, сколько начинает отрывать земледельческое общество от животно-биосферного развития предчеловека и человека, существовавших миллионы лет. Именно отсюда начинается генезис собственно социального пути человечества, развития новых производительных сил – биологических, но уже иного свойства...» [1, с. 39-40].

Темп жизни человека этого этапа существенно ускоряется, явления и факты общественного бытия определяются как события, начинают внешне и внутренне восприниматься малые временные промежутки, и в развивающемся социуме появляется собственно понятие времени. Здесь еще системность общественного бытия характеризуется восприятием цикличности системной замкнутости планеты Земля и темпом общественного развития, что отличает этот этап развития от человечества на стадии собирательства.

В этот период одновременно с усложнением общественной структуры рождаются, а затем и бурно развиваются религиозное, философское, научное мировоззрения, что приводит к осмыслению и абстрагированию элементов бытия. Человеческий разум пытается постичь законы природы, научиться управлять ими, познать устройство мироздания и определить свое место в Мире. Пьер Тейяр де Шарден отмечает: «...на этих первых стадиях пробуждения человеческого интереса к космическим далям пространство и время, сколь бы большими они не были, оставались еще однородными в себе независимыми друг от друга. Два отдельных вместилища –

несомненно, все более и более обширных, но в которых вещи были нагромождены без определенного физического порядка» [4, с. 330].

Время на развитом земледельческом этапе становится как предметом осмысления, так и инструментом объяснения и познания мира, а также одним из основных мировоззренческих факторов формирования картины мира.

С развитием средств производства, особенно после промышленной революции второй половины XVIII в., происходила интенсификация труда, что привело к уплотнению событий и процессов, протекающих в единицу времени. Свидетельством ускорения ритма жизни стало изобретение секундной стрелки. «Бег времени» на этом этапе человеческого развития превышает уровень биологического ритма человеческого тела и происходящих в нем физиологических процессов, что положительно сказалось на социальном развитии человека и негативно стало сказываться на состоянии его здоровья.

Под влиянием бурно развивающейся техносферы в условиях углубляющейся социализации и интеграционных процессов меняется и восприятие времени. Человек начинает ощущать малые промежутки длительности, подстраивая биологический ритм своего организма под так называемое «машинное время», которое уже не только организует и систематизирует его бытие, но и подчиняет единому ритму развития весь социум. Именно на этом этапе появляется понятие «социальное время», которое выражает длительность исторических процессов, их смены, возникающих в ходе деятельности людей. Факт возникновения этого понятия является следствием сформировавшейся сложной структуры общества и процессов, происходящих в социуме.

Социально и техногенно возвысившиеся человечество выступает как единый техносоциальный организм, единая система сосуществования, по сути, постбиосферных индивидов, требующая для регулирования, оценки и прогнозирования своего развития введения и использования соответствующих категорий и критериев, одним из которых стало время, приобретя несколько измененную форму в виде «социального времени».

Однако «социальное время» является лишь внутрисистемной характеристикой социально-исторических процессов, и вовсе не заменяет собой время как атрибутивную характеристику бытия,

которое (время) фундаментальным образом выражается как социокультурный феномен человечества.

Специфика формирования восприятия времени на этапе техногенного развития заключается во введении техногенного фактора в бытие человеческого общества. Сформированная техносфера становится новой искусственной средой обитания человеческих индивидов, формируя и его восприятие окружающей действительности.

Являясь сильнейшим фактором общественного развития, образуя новую искусственно созданную реальность, техносфера постепенно изолирует человека от природных факторов воздействия, существенно снижая их влияние на человека, психофизиологические его процессы и его восприятие и усиливая свое воздействие. Человеческое общество проходит этап трансформации в метасоциум, деятельность которого, его жизнеспособность полностью зависят от техносоциальных средств регулирования. Влияние извне таких, как цикличности природных процессов и явлений, или длительности сменяемости космических процессов и явлений, постепенно утрачивает свое значение в формировании времявосприятия и даже собственная биоритмичность подчиняется новому техносферному ритму метасоциума.

Принято считать, что общество является открытой системой, однако с развитием техносферы оно становится все более замкнутой системой, благодаря «погружению» в «машинную техногенную длительность», формирующуюся под мощной техносферной оболочкой.

На этом фоне сегодня становится совершенно очевидно, что время носит социокультурный характер, регулирует бытие уже, по сути, постбиосферных существ, которыми становятся люди, определяет их место и роль в общественном развитии и формирует новый вектор эволюции земной жизни в структуре глобальных процессов и ноосферного перехода к постбиосферному существованию человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Формирование метасоциума и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск: Всемирная Информ-Энциклопедия, 2006. – 160 с.

2. Кант, И. Критика чистого разума / Иммануил Кант. – Симферополь: «Реноме», 1998. – 528 с.
3. Керимов, Т.Х. Поэтика времени / Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2005. – 192 с.
4. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе: Пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.

А.А. СВИДЕРСКИЙ

О ПОНЯТИИ «ЦЕННОСТЬ»

Ценность – одна из ключевых категорий антропосоциального познания, раскрывающая специфику духовно-практического освоения мира. Начало систематического использования этой категории в философском познании связано с появлением в начале XX века аксиологии, представлявшей самостоятельную отрасль философского знания. Значительную роль в становлении аксиологии играют труды представителей Баденской школы неокантианства (Г.Риккерта, В.Виндельбанда). Г. Риккерт возводит понятие ценность в ранг наиболее универсальной, смыслообразующей и системообразующей философской категории, видя в анализе ценностей основную задачу философии, которая «...разовьется в теорию всех ценностей, и на этой основе должна быть построена затем всеобъемлющая философия всей жизни» [12, с. 232]. Исследование закономерностей ценностных отношений и иерархии наличных эмпирических ценностей осуществлено представителями феноменологии (Э. Гартман, М. Шелер). С середины XX века в западной философии усиливается критика классического ценностного подхода, прежде всего представителями философского иррационализма (от экзистенциалистов до постмодернистов). Кроме того, современная философская мысль обнаруживает устойчивую тенденцию нивелирования роли ценностного сознания в современной исторической практике.

Значительный вклад в развитие философской теории ценностей внесла русская религиозная философия рубежа XIX-XX веков. Философские концепции В.С. Соловьева, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева были направлены на выявление общечеловеческих ценностей, которые, благодаря их высокой мистической природе, обеспечат внутреннюю основу человеческого всеединства. Но первым

предметным исследованием ценностей в отечественной философии является творчество Н.О. Лосского, который определил ценность как «нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [9, с. 250]. Н.О. Лосский представил ценность как внутренне противоречивое, динамично развивающееся явление, со сложной структурой, иерархично целеустремленной от бытия к идеалу, как основу культуры. Дальнейшее развитие теория ценностей получила в трудах П.А. Сорокина, который исследовал структуру ценностей, исключив из нее объект-носитель ценности, а также рассмотрел взаимосвязь ценности с деятельностью.

В советский период аксиология была объявлена идеалистическим направлением буржуазной философии и фактически не развивалась вплоть до 60-х годов, когда появились первые публикации по проблеме ценностей. Исследованию различных аспектов проблемы ценностей были посвящены работы С.Ф. Анисимова, О.М. Бакурадзе, В.А. Василенко, О.Г. Додонова, О.Г. Дробницкого, Д.И. Дубровского, А.Ф. Еремеева, В.П. Иванова, М.С. Кагана, В.В. Кортава, И.С. Нарского, А.А. Ручки, В.П. Тугаринова, Н.З. Чавчавадзе и др. Значительный вклад в становление отечественной аксиологии внесли представители грузинской философской школы. Тем не менее, в большинстве работ, посвященных данной проблематике, недостаточно раскрыты вопросы о природе, структуре, регулятивной функции ценности, не проведена линия различия между ценностью и оценкой. Эти недостатки были отмечены Г.П. Выжлецовым [4, с. 34-37]. В последнее время научный интерес к исследованию ценностей возрастает. Ряд удачных исследований аксиологической направленности в современной отечественной философии провели С.Ф. Анисимов, М.С. Каган, В.В. Ильин, Н.С. Розов, Л.В. Баева.

Мы полагаем, что плодотворным путем исследования феномена ценности является выявление ее способа порождения. Решение этой проблемы непременно столкнет исследователя с крайними объективизмом и субъективизмом в их понимании. Аксиологический объективизм, имея своими корнями религиозный идеализм, выводит природу ценности за пределы реальности, делая их полностью независимыми от субъективного опыта [11, с. 45-69]. Поэтому ценности неизменны и абсолютны, представляют собой нечто

устойчивое, стабильное в изменчивом мире. Как подчеркивает Л.А. Микешина, в таком определении природы ценностей выражено стремление обосновать объективную (внесубъективную) трансцендентальную природу ценностей, независимых от оценивающей деятельности субъекта [10, с. 63]. Тем самым ценности выполняют мироустроительную функцию, спасая от хаоса и разрушения, внося в мир упорядоченность и смысл. Представители объективизма помещают ценности в особый мир идеальных сущностей, делая их фактически непознаваемыми.

Несмотря на это, в рамках аксиологического объективизма формировалось, на наш взгляд, верное понимание ценностей – как объективных, устойчивых образований культуры. Действительно, ценность – есть результат совместной деятельности многих поколений, исторических общностей, в конечном итоге она есть продукт истории, ее устойчивое духовное основание. Ведь только существование объективных, устойчивых ценностей позволяет нам говорить о мировой, национальной и иных культурах, как о чем-то определенном и целостном. При всей изменчивости духовно-практической структуры культуры, ценности выполняют в ней интегрирующую и сохраняющую функцию, воспроизводя необходимые для развития культуры элементы и этапы деятельности. В этом смысле ценности являются чем-то внешним, выходящим за пределы эмпирического опыта конкретного человека [3, с. 14] (так как именно он не участвовал в их первосоздании), передающимся от предыдущих поколений, как особый значимый дар, воспроизводящий посредством социализации человека как социального существо. В итоге, так как в ценности содержится элемент императивности, она требует своего воспроизводства, а значит постоянного творения ценности в деятельности.

Аксиологический субъективизм закономерно проистекает из установки на неограниченную свободную активность человека, «творца самого себя», которая утверждалась в ходе разрушения традиционных обществ и становления буржуазных отношений с присущими им индивидуализмом и стремлением к внешней реализации. Свободный выбор личности, продиктованный ее потребностями и интересами, и есть здесь причина ценности, которая является объектом всякого интереса. Поэтому ценности здесь изменчивы, индивидуальны, относительны, и, следовательно, здесь

подчеркивается принципиальная невозможность обнаружения общечеловеческих, общекультурных ценностей. Такой подход к феномену ценности присущ большинству позитивистских направлений философии, фиксирующих ценности, прежде всего, как результат индивидуального опыта субъекта. Одновременно, позитивисты стараются противопоставить ценности истине и избавить научное познание от ценностного аспекта.

Аксиологический субъективизм верно отражает специфику бытия ценности во внутреннем мире личности, необходимость самостоятельного выбора ценностного основания деятельности, подчеркивает специфику аксиологического измерения реальности. Таким образом, ценности, как элементы субъективной реальности человека, доступны его воле, а значит конструктивному воздействию, но не следует абсолютизировать роль субъективной воли человека в отношении устойчивых ценностей культуры, так как они вплетены в структуру межчеловеческих отношений и в определенном смысле являются объективными условиями жизнедеятельности человека, придающими ей определенность.

Крайние позиции в определении природы ценности не могут быть конструктивны, делая феномен ценности недоступным пониманию. Как указано нами выше – целостная ценность и объективна и субъективна одновременно, то есть их существование и зависит и не зависит от сознания человека, так как всякая ценность объективна по природе и субъективна (зависит от субъекта) по способу актуального существования. Будучи основой, ядром культуры ценности относительно стабильны, носят общий характер, но реальной основой их бытия является деятельность человека, в которой и реализуются ценностные смыслы. Так, ценности благодаря оценке приобретают и личностный смысл, так как в реальной деятельности ценность может выступить в качестве основы, критерия оценки тех условий, в которых находится человек. В реальном своем бытии ценность есть некое абстрагирование от вещи и потребности в ней, она имеет особое социальное существование. Изучать же ценности конкретной культуры, общества, эпохи возможно только в их реальном проявлении в общественной жизни, в реальной ткани деятельности людей.

Ценность есть основа внутренней мотивации человека, поэтому деятельность осуществляется как свободный, культурный,

творческий акт, а в этом состоит смысл и назначение культуры. Таким образом, ценности невозможно навязать, как невозможно силой проникнуть во внутренний мир человека. Ценности становятся регулятивом деятельности в результате выбора, когда в ходе интериоризации происходит принятие готовых образцов ценностей, которые проходят через «сито» диспропорций конкретной личности. Н.А. Бердяев полагает, что специфика общественной структуры и психологической структуры индивидуальности обуславливает выбор ценностей в рамках неких общезначимых границ [15, с. 68]. Следовательно, связывая происхождение ценностей с человеческой практикой и одновременно рассматривая их как элемент социальной организации и ядро культуры, мы приходим к выводу, что ценность возникает в результате многократных синхронных и асинхронных оценок субъектами освоенного в результате практики и их интенсивного межличностного взаимодействия, как интегральная целостность оценок, отрицающая частность индивидуальных оценок.

Понятие субъекта ценности есть философская абстракция, обозначающая активную сторону ценностного отношения, некое обобщенное историческое лицо. «Деятельность различных индивидов производит культурный продукт как целое, - утверждает Г. Зиммель, - как готовое и специальное активное единство, не имеющее производителя, не обязанное своим существованием ни одному соответствующему единству индивидуального субъекта» [6, с. 48]. Деятельным же субъектом ценности является человек, в жизнь которого она приносит направленность и смысл. Постоянное творческое воспроизводство ценностных смыслов в человеческой деятельности определяет культурное становление человека, которое представляет собой движение от оценок-значимостей к духовным идеалам, в которых человек становится самоценным субъектом.

Рассмотрение проблемы обнаружения способа порождения ценности позволяет нам перейти от поиска ценностей в мире предметов, к их нахождению в мире человеческих отношений. Как отмечает П.А. Сорокин: «Компонент значения, ценности и норм совершенно отличен от третьего компонента социокультурных явлений – компонента материальных носителей – и не в коем случае не может быть идентифицирован ни с физическими или биологическими свойствами носителей, ни с этими свойствами субъектов взаимодействия» [14, с. 202]. Определение ценности,

исходя из субъект-объектных отношений, правомерно лишь отчасти, так как всего лишь указывает на связь ценности с оценкой объективно существующих предметов (явлений), но этого недостаточно для того, чтобы ценность имела устойчивое распространение, была нерелятивной. Таковой ее могут делать исключительно многообразные и сложные отношения между людьми, которые делают оцениваемый предмет общественным достоянием. «Ценность, - подчеркивает в своем исследовании О.Г. Дробницкий, - может быть свойством только общественного предмета» [5, с. 315]. Именно общественные отношения позволяют легко распространять, транслировать ценности, придают им императивный характер, в конечном счете, создают ценность как нечто качественно отличное от потребления предмета.

Тесная связь феноменов ценности и оценки не является свидетельством субъективно-объективного качества первой, делающего ценности зависимыми от объективных свойств предмета. Для ценности объективные свойства и качества предмета не столь значимы. Питирим Сорокин отмечает, что основа ценности – значение предмета «...может воздействовать на поведение людей и на природу носителей так сильно, что их биофизические свойства становятся сравнительно иррелевантными. Палка может стать высокосвященной чурингой аборигенов Австралии, кусок дерева, предположительно являвшийся частью креста Иисуса, трансформируется в драгоценную чудодейственную реликвию» [14, с. 203]. В мире ценностей с качествами предмета происходят удивительные перемены. Природное явление (само по себе) еще не обладает ценностной определенностью, а приобретает ценностные свойства, будучи вовлеченным в общественно-историческую практику. Поэтому ценность следует выводить не из субъект-объектных отношений, как оценку, а из субъект-субъектных, в которых ценность выступает как определяющий, регулятивный элемент, то есть ценность направляет и организует межсубъективные отношения, собирает людей в сообщества. Здесь уместным является замечание Н.А. Бердяева: «Личность не может реализовать полноту своей жизни при замкнутости в себе» [1, с. 33]. Тейяр де Шарден называет иллюзорной установку общественного сознания направленную на обособление индивида от общества для реализации всей полноты его жизни [16, с. 349 - 350]. Ценность, являясь

продуктом общественной жизни, позволяет человеку действовать, как общественному существу, то есть реализовать общие цели.

Тем не менее, в отечественной философской литературе распространено мнение о том, что основу ценности составляют субъект-объектные отношения. Так, И.Ф. Ведин отмечает, что «ценность возникает и функционирует только на основе субъективно-объективного отношения, отношения «человек – предмет» [2, с. 169]. Подобный подход делает ценность неотличимой от оценки и лежащей в ее основе потребности, поэтому невозможно определить регулятивную функцию культуры, где ценности часто призваны ограничивать потребности человека. Привязывание ценности к объективным свойствам природы делает неопределенным сам надприродный статус культуры. В этих условиях крайне трудно выявить социокультурные механизмы регулирования деятельности.

Почему же ценности играют особую роль в механизме регуляции деятельности? П.В. Симонов видит необходимость ценностного регулирования потребности в постоянстве, неизменности ценности [13, с. 56]. Действительно, принципиальное различие потребности и ценности определяют совершенно разные модели мотивации поведения – потребительскую и ценностную. Так, в конкретной деятельности субъекта может проявиться как потребительская, так и ценностная доминанта. Известно, например, что человек может поступиться своими ценностями и принципами во имя удовлетворения жизненных первичных потребностей. Но одновременно устойчивые ценностные основания в структуре личности позволяют зачастую идти на жертвы, лишения во имя высоких целей. «Потребности, - отмечает Д.А. Леонтьев, - представляют в структуре мотивации актуальный жизненный мир субъекта, они динамичны, их иерархия постоянно перестраивается в зависимости от текущего состояния жизненных отношений субъекта. Личностные же ценности, напротив, представляют внутренний мир личности, являясь выразителем стабильного, абсолютного, неизменного» [8, с. 24].

Кроме того, ценности обеспечивают индивидам осмысление своего бытия как «необеспеченного» полнотой и целостностью мира. Поэтому, если потребность выражает актуальные связи субъекта и мира, направлена на сущее, то ценность указывает на определенный недостаток в бытии, направляет на то, что реально отсутствует.

Необходимость ценностного регулирования деятельности и ограниченность потребностей проявляется в том, что борьба различных потребностей требует своего разрешения через ценность как устойчивую духовную основу личности. «С психологической точки зрения..., - отмечает Д.А. Леонтьев, - ценностью для человека становится то, что влечет, обогащает, направляет индивида и творит его бытие во всех измерениях, проявлениях и устремлениях» [8, с. 22]. Это проявляется в ценностно-побудительном аспекте человеческой деятельности, который обеспечивает ее свободу, творческий характер, целенаправленность, что позволило человеку подняться над природой и создать свой мир.

Таким образом, ценности входят в структуру человеческой деятельности как ее мотивирующая сторона. А.А. Ивин отмечает, «что понятие деятельности вообще не может быть определено без ссылки на ценности» [7, с. 32]. Ценным для индивида является то, что определяет направленность и течение его деятельности, а не является декларацией его устремлений. Поэтому, чтобы наиболее подробно и конкретно рассмотреть природу любой деятельности, в том числе и материально-преобразовательной, необходимо исследовать не только ее внешний аспект, который наиболее зрим и понятен, но и побудительные мотивы, стимулы деятельности. Необходимо рассмотреть «целесообразную волю» человека, которая выступает в виде своеобразной социокультурной программы жизнедеятельности. Детерминация культурой материально-преобразовательной деятельности достигается за счет трансляции социально-принятых ценностей. Человек просто не сможет ориентироваться в окружающей его действительности, не представляя себе систему ценностей, не предвидя цели и ценностного содержания грядущих изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды / Н.А.Бердяев. – М., 1999.
2. Ведин, И.Ф. Бытие человека: деятельность и смысл / И.Ф.Ведин. – Рига, 1987.
3. Виндельбанд, В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм / В.Виндельбанд // Логос. – М., 1910. – кн. 2.
4. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П.Выжлецов. – СПб., 1996.
5. Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия / О.Г.Дробницкий. – М., 1967.

6. Зиммель, Г. Понятие и трагедия культуры / Г. Зиммель // Логос. – Спб., 1911-12. – Кн. 2/3.
7. Ивин, А.А. Ценности и понимание / А.А.Ивин // Вопросы философии. – 1987. – №8.
8. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – №4.
9. Лосский, Н.О. Бог и мировое зло / Н.О.Лосский. – М., 1999.
10. Микешина, Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л.А. Микешина // Вопросы философии. – 2006. – №1.
11. Риккерт, Г. О системе ценностей / Г.Риккерт // Логос. – Спб; М., 1914. – Т. 1. – Вып. 1.
12. Риккерт, Г. Философия жизни / Г.Риккерт.- М., 2000.
13. Симонов, П.В. Междисциплинарная концепция человека / П.В.Симонов. – М., 1989.
14. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А.Сорокин. – М., 1992.
15. Сушко, С.А. Человек и ценности в философии Н.А. Бердяева и Ф. Ницше / С.А.Сушко // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1991. – №6.
16. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П.Тейяр де Шарден. – М., 2002.

К.Е. НЕПОМНЯЩИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБЩЕСТВА – ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время вопросы, связанные с информатизацией и компьютеризацией различных структур, являются наиболее популярными. Вычислительная техника, начиная с момента своего появления (40-е года XX века) и по сегодняшний день, продолжает возбуждать интерес не только ученых и специалистов различного профиля, но и государственных деятелей, о чем свидетельствует недавний визит Б.Гейста – главы корпорации «Майкрософт» – в Москву и встреча с президентом РФ В.Путиным, встреча главного менеджера фирмы «Сан» с главой правительства России и др.

Особая роль на данном этапе информатизации общества отводится ученым и специалистам самых разных направлений, поскольку от них во многом зависит не только разработка новейших информационных технологий и программ, но и внедрение научных достижений в практику. Востребованными сегодня являются биологи и психологи, изучающие вопросы взаимодействия информационных

систем и компьютеров на человеческий организм, на состояние и изменение психики и физиологии человека. Существенную роль играют педагоги, изучающие возможности использования компьютерных средств и сети Интернет в образовательном процессе. Новейшие телекоммуникационные и компьютерные системы стали использоваться повсеместно, несмотря на различного рода побочные эффекты, возможно, ведущие к нарушению здоровья и психического состояния человека.

В нашей статье речь пойдет о том, что побочные эффекты, которые могут возникнуть при использовании компьютерных технологий – это последствия недостаточной компетенции в вопросах использования информационных технологий у многих людей. Отсутствие интереса и желания работать в области информационных и компьютерных технологий приводит в итоге к информационному неравенству [1, с.51]. В настоящее время появляется «информационная элита», которая владеет информацией, то есть люди, обладающие компьютерной компетентностью, имеющие хорошие навыки работы со средствами вычислительной техники, владеющие терминологией, разбирающиеся как в аппаратном, так и в программном обеспечении. «Информационные бедные» становятся «оторванными от общества», они чувствуют свою не востребуемость, боязнь перед новыми технологиями. Подобное расслоение общества наблюдается, в основном, в слаборазвитых странах, особенно с низким уровнем образования, хотя эти тенденции не обошли и развитые страны, в том числе и Россию. Чем больше усложняются компьютерные технологии, тем существеннее может стать разрыв в области «информационного неравенства», поэтому необходимо модернизировать систему образования и изменять не только саму структуру предметной и тематической подготовки, но и методы обучения. Информационная революция поставила перед фактом практическую несостоятельность традиционных форм обучения с авторитарной позицией педагога, формализованной структурой обучения социально-ориентированной направленности. Современные педагогические технологии имеют, с одной стороны, практическую направленность (профессиональное обучение), с другой стороны – деятельностный характер (личностно-ориентированное и игровое обучение, метод творческих проектов и

др.), то есть методики, в основе которых находится сам объект обучения [2, с.6].

В основе подобной методологии лежит деятельность индивида и его творчество. Изучение процесса формирования творческих способностей личности чрезвычайно важно для эффективной подготовки творчески мыслящих людей во всех видах профессионального труда. Поэтому и во всех звеньях школы (начальной, средней, высшей) следует обращать особое внимание на получение глубоких и прочных знаний, на максимальную стимуляцию самостоятельной деятельности учащихся, на формирование устойчивых творческих интересов, настойчивости и целеустремленности в решении творческих задач. Рекомендуется привлечение разных методов в каждом из возрастных периодов: так, в младших классах - метод беседы, направленный на активизацию мышления ребенка, на развитие в нем наблюдательности, сообразительности, инициативности, все большее значение приобретает проблемный метод изложения учебного материала, использование поиска и исследования в процессе обучения, весьма актуален вопрос о правильной организации самостоятельной работы студентов в вузе [3, с.20]. Развитию творческих способностей учащихся может помочь творчески работающий учитель, поэтому актуальна подготовка творческого педагога в вузе. Учить творчеству, развивать креативность - одна из задач, стоящих перед учебными заведениями, готовящими педагогические кадры [4, с.73].

В процессе учебной деятельности обучающийся не только приобретает сведения в виде определенной информации, но у него формируются личностные характеристики в виде убеждений, установок, мировоззренческих позиций, мотивов, то есть в учении происходит становление личности, способной сознательно управлять своими действиями, направлять их на достижение поставленных целей. Содержание деятельности и способы действий, ведущие к решению учебно-познавательных задач, также приобретаются в образовательном процессе.

Учебная деятельность разных людей характеризуется чрезвычайно большими индивидуальными различиями, которые в педагогической психологии квалифицируются как межиндивидуальные, в отличие от внутрииндивидуальных,

проявляющихся у одного и того же человека в зависимости от мотивов, потребностей, субъективных и ситуативных особенностей.

Особенность современных условий, в котором находится наше общество и, в том числе система профессионального образования, состоит в тенденции постоянного увеличения объема профессиональных знаний; во-вторых, трансформацией постиндустриального общества в информационное; в-третьих, необходимостью подготовки специалиста, от которого требуется личная ответственность, готовность самостоятельно разрешать возникающие вопросы. Мнение ведущих зарубежных педагогов (И.Гудлэд, Ф.С. Шлехти, Л.Туроу) сходится на том, что современное образование должно достаточно гибко реагировать на запросы общества, сохраняя при этом накопленный опыт. По убеждению Ф.С. Шлехти, те учащиеся, которые освоят профессиональное образование и получают дипломы, но не будут самостоятельно работать с информацией и постоянно приобретать новые знания, не смогут рассчитывать на успех в информационном обществе XXI века. В нашем новом постиндустриальном обществе необходимы специалисты, которые могут не только проявить свои профессиональные знания, но и иметь следующие качества:

- уметь думать самостоятельно и решать разнообразные проблемы (то есть применять полученные знания для их решения);
- обладать критическим и творческим мышлением;
- владеть богатым словарным запасом, основанном на глубоком понимании гуманитарных знаний.

Одним из важнейших условий формирования творческих способностей, побуждения творческой активности, укрепления познавательного интереса является содержание учебного материала, педагогически обусловленные методы и формы обучения, направленные на повышение творческой, самостоятельной поисковой деятельности. Одной из составляющих становления творческого работника является обучение компьютерной грамотности в ходе изучения дисциплин информационной подготовки, например информатики. Но требования стандарта и временные рамки не дают возможности полно сформировать необходимые современному специалисту знания, умения и навыки работы с компьютерной

техникой. В качестве рекомендации, которая возможно, поможет разрешить проблему, это введение различных факультативов, дисциплин по выбору, специальных и элективных курсов. Так, например, на факультете технологии и безопасности жизнедеятельности Брянского госуниверситета при подготовке педагогов по специальностям «Технология и предпринимательство», «Профессиональное образование (информатика, вычислительная техника и компьютерные технологии)» в процесс обучения был включен курс «Компьютерная техника», который помог закрепить уже полученные знания и получить новые. Преподавание дисциплины проводится с применением игровой методики, метода творческих проектов и других прогрессивных педагогических технологий.

Кроме становления специальных компьютерных знаний в рамках семинарских занятий происходит разбор ситуаций грамотного и оптимального использования вычислительной техники в различных организациях. Здесь вскрывается еще несколько неявных аспектов развития компьютерных технологий. Один из них – это гипердинамичное увеличение мощности вычислительных средств. Старение техники происходит со временем все быстрее (закон, который когда-то был выдвинут инженером IBM Муром), потребители уже перестали ориентироваться в красивых и звучных названиях компьютеров и процессоров (Пентиум, Хаммер, НьюКастл, Семпрон, Ксеон и т.д.). Тогда производители пошли по другому пути и стали соревноваться в цифрах («кто больше»). Все это отголоски войны производителей на рынке техники, что крайне затрудняет возможность ориентации в приобретении и использовании технических средств. Но ведь все эти инновации нужны лишь для того, чтобы другим производителям продать традиционные программы, но в новой «упаковке». Все новинки часто нужны лишь для домашнего использования, а в работе часто являются лишними и даже мешают (отвлекают сотрудника от работы, предлагают ряд развлечений, возможность сетевого общения и т.д.). В виде доказательства можно вспомнить, что десятилетие назад спускаемый аппарат, отправленный на Марс, управлялся процессором Intel-486 с частотой несколько десятков мегагерц, тогда

как сейчас рядовой процессор для персонального компьютера имеет быстроедействие в сотни раз выше, но задачи явно несовместимые – домашний компьютер и управление космическим кораблем.

Можно сделать вывод о том, что качественное и продуктивное использование компьютерной техники и информационных технологий возможно лишь при наличии компьютерной грамотности всех слоев населения – от руководителя до рядового сотрудника, а обеспечение этого возможно при использовании современных подходов и прогрессивных образовательных методик во всех учреждениях различных ступеней образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационная технология и информационная политика: научно-информационное исследование. - М.: ИНИОН РАН, 1994.
2. Личностно-ориентированное обучение. Хрестоматия для студентов гуманитарных факультетов вузов / сост. Е.О. Иванова, И.М. Осмоловская. – М.: СГУ, 2005.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалификации пед. кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; под. ред. Е.С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
4. Трайнев, В.А. Информационные коммуникационные педагогические технологии (обобщения и рекомендации): уч. пособие / В.А.Трайнев, И.В.Трайнев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2006.

Н.Л. ЖЕМОЕДОВА

О РОЛИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

На ранних этапах развития цивилизации профессиональные навыки передавались, в основном, личным примером исполнения производственных действий. Рациональные способы организации коллективных действий, синхронизация производственных усилий закреплялись для передачи из поколения в поколение ритуальными танцами, обрядовыми песнями, устными преданиями.

Первым этапом развития информационных технологий является открытие человеком способов длительного хранения информации на материальном носителе (пещерная живопись, гравировка). Важной

вехой на пути развития информационных технологий и соответственно информатизации социальной жизни стало изобретение печатного станка. Как отмечает американский ученый Дж. Вейценбаум: «Печатный станок изменил мир даже для тех миллионов людей, кто, например, во времена Мартина Лютера оставался неграмотным и, быть может, никогда реально не имел дела с книгой» [1].

Стремительное развитие информационных технологий и становление науки о принципах ее построения и проектирования началось в 40-х годах нашего века, когда технической базой вычислительной техники стала электроника, затем микроэлектроника, а основой для развития сложнейшей архитектуры компьютеров и в целом системы электронных вычислительных машин (ЭВМ) – достижения в области искусственного интеллекта.

До этого времени в течение почти 500 лет цифровая вычислительная техника сводилась к простейшим устройствам для выполнения арифметических операций над числами. Основой практически всех изобретенных за 5 столетий устройств было зубчатое колесо, рассчитанное на фиксацию 10 цифр десятичной системы счисления.

В течение всей предшествующей XX веку истории развития человеческой цивилизации основным предметом труда оставались материальные объекты. Деятельность за пределами материального производства и обслуживания, как правило, относилась к категории «непроизводительные затраты». Экономическая мощь государства измерялась материальными ресурсами, которые оно контролировало.

Возрастание объема информации и соответственно нарастающая потребность в информатизации особенно стали заметными в середине XX в. Лавинообразный поток информации «хлынул» на человека, не давая ему возможности, по сути, воспринимать эту информацию в полной мере, делать соответствующие выводы. В ежедневно появляющемся новом потоке информации ориентироваться становилось все труднее. Подчас выгоднее стало создавать новый материальный или интеллектуальный продукт, нежели вести розыск аналога, сделанного ранее. Образование больших потоков информации обуславливается:

- чрезвычайно быстрым ростом числа документов, отчетов, диссертаций, докладов и т.п., в которых излагаются результаты научных исследований и опытно-конструкторских работ;

- постоянно увеличивающимся числом периодических изданий по разным областям человеческой деятельности;

- появлением разнообразных данных (метеорологических, геофизических, медицинских, экономических и др.), записываемых обычно на магнитных лентах и поэтому не попадающих в сферу действия системы коммуникации.

Как результат – наступает *информационный кризис* (взрыв), который имеет следующие проявления: 1) появляются противоречия между ограниченными возможностями человека по восприятию и переработке информации и существующими мощными потоками и массивами хранящейся информации; 2) существует большое количество избыточной информации, которая затрудняет восприятие полезной для потребителя информации; возникают определенные экономические, политические и другие социальные барьеры, которые препятствуют распространению информации. Например, по причине соблюдения секретности часто необходимой информацией не могут воспользоваться работники разных ведомств [2].

Эти причины породили весьма парадоксальную ситуацию – в мире накоплен огромный информационный потенциал, но люди не могут им воспользоваться в полном объеме в силу ограниченности своих возможностей. Информационный кризис поставил общество перед необходимостью поиска путей выхода из создавшегося положения. Внедрение ЭВМ, современных средств переработки и передачи информации в различные сферы деятельности послужило началом нового эволюционного процесса, называемого *информатизацией* в развитии человеческого общества, находящегося на этапе индустриального развития.

В конце XX в. впервые в человеческой истории основным предметом труда в общественном производстве промышленно развитых стран становится информация. Постоянная тенденция перекачивания трудовых ресурсов из сферы материального производства в информационную сферу является сейчас наиболее заметным, но далеко не единственным симптомом приближающихся «гигантских потрясений», которые получили пока общее и несколько туманное название «информационный кризис» [3].

Согласно определению, принятому ЮНЕСКО, информационная технология - это комплекс взаимосвязанных, научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации, вычислительную технику и методы

организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. Сами информационные технологии требуют сложной подготовки, больших первоначальных затрат и наукоемкой техники. Их введение должно начинаться с создания математического обеспечения, формирования информационных потоков в системах подготовки специалистов.

Информационная технология включает в себя "козырные карты" современного информационного бизнеса: компьютеры, терминалы, компьютерное оборудование, оптическую аппаратуру, микрофильмы, лазерные диски, печатное оборудование и ксерокопирование. Это все базовые элементы инфраструктуры, определяющие основные стратегические цели развития бизнеса, поэтому выбор не является случайным.

Автоматизированная информационная технология предполагает существование комплекса соответствующих технических средств, реализующих информационный процесс, и системы управления этим комплексом технических средств (как правило, это программные средства и организационно-методическое обеспечение, увязывающее действия персонала и технических средств в единый технологический процесс).

Цель любой информационной технологии - получить нужную информацию требуемого качества на заданном носителе. При этом существуют ограничения на стоимость обработки данных, трудоемкость процессов использования информационного ресурса, надежность и оперативность процесса обработки информации, качество получаемой информации [4].

Информатизация общества – организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов.

Компьютеры – устройства, передающие информацию – являются базовой технической составляющей процесса информатизации общества. Информатизация на основе внедрения компьютерных и телекоммуникационных технологий является реакцией общества на потребность в существенном увеличении производительности труда в информационном секторе

общественного производства, где сосредоточено более половины трудоспособного населения. Так, например, в информационной сфере США занято более 60% трудоспособного населения, в СНГ – около 40%.

В настоящее время все страны мира в той или иной степени осуществляют процесс информатизации. Особое внимание в последние годы развитию информационных технологий и информатизации всех сторон социального и социоприродного развития уделяет руководство России, ее министерства и ведомства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейценбаум, Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум / Дж.Вейценбаум. – М.: Радио и связь, 1982. – С.48.
2. Информационные системы: уч. пособие / под ред. В.Н. Волковой. – СПб., 1998.
3. Громов, Г.Р. Очерки информационной технологии / Г.Р.Громов. – М.: ИнфоАрт, 1993. – С.14.
4. Экономическая информатика: учебник / под ред. П.В. Конюховского и Д.Н. Колесова. – СПб., 2000.

А.Ю. МОИСЕЕВА

ЯЗЫК МАТЕМАТИКИ КАК КОМПОНЕНТ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

...нам и в самом деле необходима эта наука, раз оказывается, что она заставляет душу пользоваться самым мышлением ради самой истины.

*Сократ
Книга природы написана на языке математики.*

*Галилей
Учение о природе будет содержать науку в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в нем математика.*

На протяжении всего развития научного знания ученых и философов всегда удивляла и сейчас продолжает удивлять «непостижимая гибкость математики». Чем же определяется ценность математического моделирования реальности?

То, что математика есть некий особый язык, используемый человеком в процессе познания, это очевидно. Поэтому уже один только перевод какой-либо качественной задачи на четкий, однозначный и богатый по своим возможностям язык математики позволяет увидеть задачу в новом свете, прояснить ее содержание. Однако математика дает и нечто большее. Любая нетривиальная система математических объектов заключает в себе явно или неявно некоторую исходную семантику, некоторый способ «видения мира» [6, с.247].

Более того, взаимосвязи между математическими объектами в математических теориях являются аналогами (когда отдаленными, а когда и очень точными) системных взаимосвязей во всеобщей детерминации. К такому выводу приходит в своей монографии «Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике» А.Ф.Степанищев [4]. Причем всеобщая универсальная связь настолько многообразна, что человек не в состоянии придумать большего богатства связей, чем-то, что есть в реальном мире. Ввиду этого, какую бы математическую теорию ни создал ученый, ей обязательно найдется аналог во всеобщей детерминации [4, с.107].

Как всю картину детерминации, так и каждый ее элемент характеризуют количественные отношения и пространственные формы. Такое количественное описание свойств, отношений и законов функционирования систем предполагает использование языка математики, языка функций. Последние, в силу континуального характера области их значений, позволяют в принципе неограниченно увеличивать интервал точности, однозначности и определенности научного языка [6, с.11].

Рассмотрим особенности развития языка математики как компонента научной рациональности в хронологии развития науки.

Период зарождения математики (до V-VI вв. до н. э.) и *период элементарной математики* (V-VI вв. до н.э. – XVII в.) соответствуют «преднауке» (античности и средневековью).

Рациональность обоих периодов характеризовалась элементарной математикой.

Важнейшей вехой на пути создания математики как теоретической науки были работы пифагорейской школы. Ею была создана картина мира, в основе которой лежал принцип: началом всего является число. Пифагорейцы считали числовые отношения ключом к пониманию мироустройства. И это создавало особые предпосылки для возникновения теоретического уровня математики. Задачей становилось изучение чисел и их отношений не просто как моделей тех или иных практических ситуаций, а самих по себе, безотносительно к практическому применению. Числа представляли как особые объекты, которые нужно постигать разумом, изучать их свойства и связи, а затем уже, исходя из знаний об этих свойствах и связях, объяснять наблюдаемые явления [5, с.66-70]. По существу, именно пифагорейцы впервые пришли к убеждению, что «книга природы написана на языке математики», - как спустя более двух тысячелетий сформулировал эту мысль Галилей [1, с.32].

Открытие несоизмеримости привело к перестройке первого здания пифагорейской математики, так называемой «арифмогеометрии», поскольку указало на то, что существуют отношения, не выражаемые числами (греки понимали под числами только целые положительные числа). В результате возникла тенденция к геометризации математики — с целью геометрически выразить отношения, не выражимые с помощью арифметического (целого) числа [1, с.34]. Этот переход сопровождался размышлением о самих основаниях математики.

Разработка теоретических знаний математики проводилась в античную эпоху в тесной связи с философией. И Платон и Аристотель в разных версиях отстаивали идею, что мир построен на математических принципах, что в основе мироздания лежит математический план. Эти представления стимулировали как развитие собственно математики, так и ее применение в различных областях изучения окружающего мира. Как утверждал Платон, «Демииург (Бог) постоянно геометризирует», т.е. геометрические образцы выступают основой для постижения космоса [5, 69].

П.П.Гайденок проведен анализ платоновского обоснования математики [1] и сделаны следующие выводы:

«Во-первых, Платон считает математику образцом науки как таковой; правда, она уступает высшему знанию, которое Платон называет диалектикой;<...> Во-вторых, математика оперирует с идеальными объектами <...> и в этом — основа строгости ее выводов и определенности ее понятий. В-третьих, математические науки имеют дело с идеализациями, так сказать, разной степени строгости и логической чистоты: арифметика — с числами, образованиями идеальными (логическими), геометрия — с пространственными фигурами, образованиями промежуточными, для конструирования которых приходится как бы придавать идеям-числам пространственный облик, что и выполняет особая способность — воображение» [1, с.42] .

Развитие теоретических знаний математики в античной культуре достойно завершилось созданием первого образца научной теории - Евклидовой геометрии. Вся система Евклида превосходна в логическом отношении, и она предвосхитила математическую строгость выводов математиков XIX века.

Показательно также, что впервые сформулированные Зеноном парадоксы бесконечной делимости пространства были осмыслены позднее как проблема сопоставления бесконечных множеств. В апории «Ахиллес» (и других апориях), по существу, было выявлено, что любой путь (отрезок), если его рассмотреть как бесконечно делимый, предстает как бесконечное множество точек, а любая часть этого пути также является бесконечным множеством точек и с этих позиций может быть приравнена к целому. Как справедливо отмечал историк науки А.Койре, эта проблема почти через два с половиной тысячелетия стала одной из фундаментальных в математике. Над ней размышляли великие математики Б.Больцано и Г.Кантор, и она в значительной степени стимулировала современную разработку теории множеств [5, с.63-64].

Классической науке (XVII – XIX вв.) соответствует период математики переменных величин (XVII – XIX вв.).

Парадигмальными образцами новой науки явились аналитическая геометрия (Р.Декарт), механика (Г.Галилей, И. Ньютон) и математический анализ (И. Ньютон, Г.Лейбниц, О.Коши, К.Вейерштрасс) [6, 11].

В становлении науки Нового времени важную роль сыграли изменения в математике, связанные прежде всего с созданием дифференциального исчисления. Так, с возникновением классической науки потребовались математические методы отражения движения. Характеризуя этот момент, А.Н.Колмогоров, в частности, пишет, что в XVII веке «новые запросы естествознания и техники заставляют математиков сосредоточить свое внимание на создание методов, позволяющих математически изучать движение, процессы изменения величин, преобразования геометрических фигур» [4, 105].

Однако создание дифференциального исчисления стимулировалось не только практическими потребностями техники расчета, но и подготавливалось философско-теоретическими размышлениями, стремлением по-новому решить проблемы континуума и числа, непрерывного и неделимого [1, с.200].

При обосновании дифференциального исчисления в математике второй половины XVIII века происходит возвращение к потенциальной бесконечности, хотя полностью преодолеть идею актуально бесконечно малого и создать теорию пределов, опирающуюся на методологические принципы метода исчерпывания, удалось только позднее, усилиями К.Ф. Гаусса, Б. Больцано, О. Коши и особенно К.Вейерштрасса [1, с.285].

Интересен факт, что в 1784 году по инициативе Лагранжа Берлинская Академия наук назначила приз за лучшее решение проблемы бесконечного в математике. Объявление об условиях конкурса гласило: «...Всеобщим уважением и почетным титулом образцовой «точной науки» математика обязана ясности своих принципов, строгости своих доказательств и точности своих теорем. Для обеспечения непрерывного обновления столь ценных преимуществ этой изящной области знания необходима ясная и точная теория того, что называется в математике бесконечностью. Хорошо известно, что современная геометрия (математика) систематически использует бесконечно большие и бесконечно малые величины. Однако геометры античности и даже древние аналитики всячески стремились избегать всего, что приближается к бесконечности, а некоторые знаменитые аналитики современности усматривают противоречивость в самом термине бесконечная величина. Учитывая сказанное, Академия желает получить объяснение, каким образом

столь многие правильные теоремы были выведены из противоречивого предположения, вместе с формулировкой точного, ясного..., истинно математического принципа, который был бы пригоден для замены принципа бесконечного и в то же время не делал бы проводимые на его основе исследования чрезмерно сложными или длинными» [1, с.286].

Великие математики XVII века были настроены оптимистически и стремились к быстрым результатам, поэтому они и не дали надежного обоснования исчислению бесконечно малых величин и аналитической геометрии. Лейбниц верил в реальность бесконечно малых величин, но в математике она не имела твердой основы. В середине 19 века Вейерштрасс показал, как можно обосновать исчисление без бесконечно малых величин, и, таким образом, сделал его, наконец, логически надежным. Затем пришел в математику Георг Кантор, развивавший теорию непрерывности и бесконечных чисел [3, с.976].

Важно подчеркнуть необычайную воодушевленность и даже окрыленность математиков классического периода развития науки, ощутивших «могущество человеческой субъективности». Особенно это проявилось в становлении и развитии проективной геометрии, начало которой, как известно, положено в XVII веке Жираром Дезаргом и Блезом Паскалем. Работы этих ученых открывали простор творчества в поиске законов конструирования все новых и новых геометрических образов. Основано это было на принципах, не допустимых античной математикой. Эти принципы – введение в геометрию «фикций» вроде «точки, лежащей в бесконечности». Разум человека, продемонстрировал в данный момент и в данной сфере бесспорное свидетельство своего могущества. Вместо застывших геометрических образов в проективной геометрии удалось получить взаимосвязь становящихся, меняющихся, переходящих друг в друга. В проективной геометрии было заложено очень многое из того, что представлено сейчас в современной математике. Это относится не только к проективной геометрии, но и ко всему облику создаваемого уже тогда «здания» новоевропейской математики [4, с.109] .

После принятия научным сообществом неевклидовых геометрий в качестве полноценных математических теорий в математике получил распространение такой способ конструирования идеальных

объектов как введение их по определению. Освобожденная от необходимости обоснования эмпирического происхождения своих объектов математика совершила колоссальный рывок в своем развитии [6, с.142].

Особенно следует подчеркнуть, что уже в XVII – XVIII веке (классический период развития науки) математика приобретает свой неклассический облик! И это не случайно. Математическая рациональность как один из общенаучных компонентов основания научной рациональности в аспекте отражения всеобщей детерминации обгоняет примерно на полвека (!) развитие научной рациональности.

Собственно *неклассической науке* (начало XX в. – семидесятые годы XX в.) соответствует *современная математика* (XIX в. – современность). Учитывая выше сказанное об опережающем характере математической рациональности по сравнению с научной, неудивительно, что уже с первыми шагами неклассической науки в математике стали складываться тенденции становления ее постнеклассики.

В XIX веке стала складываться современная математика. Ее начало, как подчеркнул А.Н.Колмогоров, составили теория функций комплексного переменного, геометрия Лобачевского, формирование векторного и тензорного исчисления, теория дифференциальных уравнений с частными производными, алгебраическая теория чисел, аналитическая теория чисел, теория функций действительного переменного, дифференциальная геометрия, алгебраическая геометрия и др. [4, с.108].

В первой четверти XX века становится актуальной проблема обоснования математики в связи с открытием антиномий в теории множеств Георга Кантора. Ситуация, сложившаяся в математике, воспринималась как кризис оснований математики [1, с.384].

В этой связи возникает очень бурная полемика по основаниям математики, в ходе которой сложились три основных течения: логицисты (Б. Рассел, А. Н. Уайтхед), формалисты (Д. Гильберт и его сторонники), интуиционисты (Л. Э. Брауэр и другие). Каждое из названных течений сумело раскрыть свои аспекты исследуемой здесь проблемы.

Логицисты, пытавшиеся свести математику к логике, в известном смысле “спровоцировали” комплекс теоретических работ

(А.Чёрч, К.Гёдель, Д.А.Бочвар) по проблеме тождества и различия математики и логики. Четкое выяснение сути проблемы привело к современному пониманию единства логических и математических исследований.

Работы формалистов также привели к целому ряду весьма показательных результатов. По сути дела, именно они заложили фундамент первого варианта унитарного облика математики (который и был, фактически, использован Бурбаки). Наряду с этим, формалисты указали на те области математических объектов, где инструментарий уже имеющейся аналитики «не срабатывал». Это так называемые «нефинитные» последовательности. Они фактически увидели «проникновение» в основания и структуру математики «нелинейности», «неопределенности» и «вероятности» [4, с.137, 156].

С проблемой исследования такого рода последовательностей справились интуиционисты. Для обсуждения нелинейностей в математике интуиционисты воспользовались концепцией так называемой «свободно становящейся последовательности». На базе такой методологии они действительно выстроили один из наиболее эффективных и, при этом, очень наглядных подходов к рассмотрению в математике объективных оснований взаимодействия и развития нелинейных систем. В ходе такого взаимодействия все открытые, перекрывающиеся, неизолированные системы влияют друг на друга. И из всего спектра возможностей коэволюционных кооперативных изменений метасистема «выбирает» ту, которая для неё в данный момент времени является наиболее оптимальной. Иными словами, действительно идёт свободно становящаяся последовательность выбора вариантов. Единство линейности и нелинейности в самом здании математики, естественно, обусловлено наличием такого единства в её основаниях [4, 136-138].

Помимо перечисленных направлений проблемой обоснования точных наук (а, главным образом, математики) занимались и представители Марбургской школы неокантианства (Г.Коген, П.Наторп, Э.Кассирер) [1, с.384-396].

Позиция неокантианцев как бы претендует на «средний путь» между интуиционизмом и формализмом. Действительно, Кассирер, подводя итог своему рассмотрению этих двух направлений, замечает, что «с точки зрения теории познания формализм и интуиционизм не исключают друг друга. Ибо то, что в чистой интуиции понимается по

своему значению, должно быть утверждено и сохранено благодаря процессу формализации...». Такое «объединение» этих двух направлений в математике есть по существу предложение некоторого третьего пути, при котором интуитивное познание и символическое не отрывались бы друг от друга, а, напротив, были бы неразрывно связаны [1, с.393].

Согласно Кассиреру, математика – это особый способ интеллектуального конструирования предмета; для нее не надо искать никаких коррелятов в мире физического бытия, так же как и в метафизическом, потустороннем мире. Объективное значение математики состоит, по Кассиреру, не в том, что она имеет корреляты в физическом мире, а в том, что она сама строит этот мир в соответствии с объективными законами самого мышления и тем самым впервые создает условия для того, чтобы можно было постигать закономерности этого мира с помощью естественных наук [1, с.392].

Для более строгого решения проблем обоснования математики, в XX в. оформилась даже определенная математическая дисциплина: метаматематика. Ее основными проблемами являются вопросы непроти-воречивости, полноты и логической строгости отдельных математических теорий и доказательств [2, с.263].

Как видим, уже в начале XX века математика обратилась к исследованию собственных оснований и к построению метаматематики. И только на таком уровне сложилась возможность построения первого варианта облика унитарности математики (Бурбаки, 1939г.).

Когда современную математику определяют как науку «об абстрактных структурах» (Н.Бурбаки) или «о возможных мирах», то имеют в виду именно то, что ее предметом являются идеализированные объекты, вводимые математическим мышлением по определению [6, с.142].

Создание первого варианта унитарного облика математики (Бурбаки) фактически явилось созданием первой, пусть и не самой совершенной «математической картины всеобщей универсальной связи». Можно сказать, что с этого момента начинается постнеклассический этап развития математики, а тем самым и математической рациональности [4, с.108].

Постнеклассической науке (начиная с семидесятых годов XX в.) соответствуют современные принципиально новые процессы развития математики.

Современные подходы к основанию и структуре математики имеют свои особенности. В качестве одного из них выступает теория нечётких множеств Заде, которая с самого начала построена на неопределённости и вероятности. Другой вариант подхода составляет теория категорий и функторов. Именно на основе теории категорий и функторов в настоящий момент строятся поливариантные облики унитарности математики. Это и есть зрелый этап *постнеклассического развития математики*, с помощью которого фактически и удастся построить достаточно гибкую математическую модель меняющейся на каждый момент времени картину всеобщей универсальной связи (МКВС) как объективной основы всеобщей детерминации [4, с.139].

Таким образом, постнеклассическая ступень развития математики предстает в лице поливариантного облика ее унитарности, полученного на основе теории «категорий» и «функторов», а также на «базе» нечетких множеств Заде.

Характерной особенностью постнеклассического периода в развитии математического знания является также гибридизация структур, которая невозможна без сложных компьютерных моделей. Можно, например, обратиться к «дифференциальной динамике», появившейся как гибрид дифференциальной топологии, теории дифференциальных уравнений и теории вероятностей. В ходе становления новых математических «гибридных» структур компьютерные модели являются и инструментом построения, и средством применения, и критерием строгости полученных результатов. Ясно, что на этом пути компьютерное моделирование может строиться как на основе теории Г.Кантора, так и на основе нечетких множеств Л.Заде, в зависимости от целей, преследуемых в создании тех, либо иных структур.

В заключении подчеркнем, что современная математика представляет собой очень сложную многоуровневую и многоаспектную конструкцию. В ней различают «чистую» и «прикладную» математики, формальные и содержательно-интерпретированные теории, конструктивную и неконструктивную

(классическую) математику, в которых используются существенно различные средства, методы и критерии приемлемости математических теорий и доказательств. Имеющий место плюрализм в философии математики и вытекающая из него конкуренция различных направлений и школ имеет для математики в целом положительное значение, характеризуя ее как сложную и открытую когнитивную систему, способную к дальнейшему развитию [2, с.125, 263]. Поэтому можем предположить, что влияние, которое оказывает математика на развитие всей современной науки и культуры будет в дальнейшем только возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайденоко, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П.Гайденоко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
2. Лебедев, С.А. Философия науки: словарь основных терминов / С.А.Лебедев. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.
3. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: в трех книгах / Б.Рассел.– М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2004. – 1008 с. - Издание 4-е, стереотипное.
4. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография / А.Ф. Степанищев. Брянск: БГТУ, 2006. -239с.
5. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С.Степин. –М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
6. Философия науки / под ред. С.А. Лебедева: уч. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2005. – 736с.

**ВЕСТИ БРЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
ОБ ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОМ СОБРАНИИ
ЧЛЕНОВ БРЯНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

21 июня 2007 г. состоялось отчетно-выборное собрание философов Брянщины, являющихся членами Российского философского общества (РФО). 28 февраля 2002 г. было воссоздано Брянское региональное отделение РФО, которое прекратило свое существование в середине 90-х годов. Председателем был избран доктор философских наук, профессор Эдуард Семенович Демиденко, ученым секретарем – кандидат философских наук, доцент Владимир Григорьевич Горбачев.

Отделение, как отметили выступающие, работало достаточно активно. Число его членов за 5 лет возросло с 7 до 31 человека. Среди членов РФО – 5 докторов философских наук, 7 кандидатов наук, остальные – представители разных профессий, аспиранты и студенты. Характерно, что 14 человек работают над кандидатскими диссертациями, будучи соискателями и аспирантами вузов Брянска. За прошедшие 5 лет среди членов РФО три человека защитили докторские диссертации (Д.Г. Горин, Н.В. Попкова, А.Ф. Степанищев) и один – кандидатскую диссертацию (Е.А. Дергачева) по философии. В последующие пять лет ожидаются защиты двух докторских и 10-12 кандидатских диссертаций. В подготовке кадров философов основную роль в последние годы в Брянске играет кафедра философии и истории Брянского государственного технического университета – БГТУ (зав. кафедрой А.Ф. Степанищев и руководитель аспирантуры Э.С. Демиденко), где насчитывается 8 аспирантов и соискателей.

За прошедшие пять лет в Брянске сформирована научно-философская школа по новому направлению в области социальной философии – техногенному общественному развитию. Она формировалась на базе кафедры философии и истории БГТУ и философского общества Брянщины и в мае 2007 г. была официально признана Минобразования и науки РФ при аттестации БГТУ. Информационное сообщение о Брянской научно-философской школе социоприродных исследований было опубликовано в центральном

журнале «Вестник Российского философского общества» в 2007 г. [1]. За прошедшие пять лет по тематике данной школы учеными, докторантами и аспирантами опубликовано 8 книг, свыше 20 статей в центральных и приравненных к ним (ВАКовских) научных журналах, свыше 100 – в других изданиях. Среди изданий этого направления можно отметить монографии и учебные пособия Э.С. Демиденко – «Ноосферное восхождение земной жизни. – М., 2003», «Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. – М.-Брянск, 2006» и «Основы экософии: комплексная экспериментальная учебная авторская программа. – Брянск, 2006»; Н.В. Попковой «Техносферные начала в общественном развитии. – Брянск, 2002», «Техногенное развитие и техносферизация планеты. – М., 2004», «Философия техносферы. – М., 2007», «Введение в философию техники. – Брянск, 2006»; Е.А. Дергачевой «Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. – Брянск, 2005»; А.Ф. Шустова «Философия техники. – Брянск, 2002». Подготовлены к печати и в 2007 году выйдут в свет еще четыре книги данных авторов.

Представители брянской школы исследуют такие общественные и социоприродные явления – как формирование глобального техногенного общества, развитие техносферы, глобальный эволюционный переход жизни на нашей планете от естественных, биосферных форм к искусственным, постбиосферным, глобальная трансформация человека, актуальные проблемы развития России в кризисном социуме и т.п.

На собрании поднимались вопросы, связанные с дальнейшим укреплением деятельности философского общества. В частности, речь шла о назревшей необходимости организации проведения совместно с БГТУ и на его базе международных междисциплинарных конгрессов по актуальным вопросам техногенного развития земного мира, усиления пропагандистской работы среди трудящихся и студентов.

В связи с переходом Э.С. Демиденко на другую работу – научно-исследовательскую и переездом в другую область собрание освободило его от должности председателя Брянского регионального отделения РФО и избрало почетным председателем Брянского регионального отделения РФО. Была отмечена его значительная роль в консолидации сил брянских философов на научном направлении, в подготовке молодых ученых и создании научно-философской школы.

Было учтено, что он признан одним из ведущих социологов-урбанистов СССР и России (см. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985), имеет свыше 200 научных и методических работ, в том числе 8 авторских и 14 коллективных монографий и книг. Принимал участие в 15-и крупных исследовательских проектах, был руководителем ряда научно-исследовательских тем Минобразования и МЧС РФ.

В 1989-1992 годах принимал участие в разработке проектов законодательств СССР и РФ по градостроительной политике, в 1987-1998 годах – во многих исследованиях последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в разработке программы Службы помощи детям, пострадавшим от радиации, в 1993 году – в социально-экономическом проектировании экспериментального поселения XXI века для переселенцев по программе ЮНЕСКО – Чернобыль (проект 33). При содействии Международной академии информатизации им разработаны основы проекта формирования глобальной системы энциклопедической информации под Интернет, а также создания системы Информполисов, ориентированных на распространенные языки мира и осуществляющих информатизацию национальных государств. Поддержанные в 1995 г. ООН, IV Международным Конгрессом по информатизации, научной общественностью Дубны Московской области его научные разработки и предложения сыграли определенную роль в становлении Российского центра программирования в Дубне (2004 г.) и принятии решения о создании Калининградского центра информатизации и программирования (2006 г.).

27 февраля 2007 г. в Брянской областной научной библиотеке имени Ф.И. Тютчева состоялась презентация научных трудов Э.С. Демиденко и празднование его 70-летия со дня рождения.

Отчетно-выборное собрание философов наметило основные направления работы на следующий отчетный период и избрало руководящие органы Брянского регионального отделения РФО. Председателем отделения избрана Н.В. Попкова, ее заместителями В.Г. Горбачев и Д.Г. Горин, ученым секретарем Е.А. Дергачева. Избрано также бюро отделения для оперативного руководства отделением и принятия коллективных решений.

В бюро вошли:

Попкова Наталья Владимировна – председатель Брянского отделения РФО, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Горбачев Владимир Григорьевич – первый заместитель председателя Брянского отделения РФО, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Брянского государственного университета, депутат Брянской областной думы, заместитель председателя комитета думы по образованию, науке и массовой информации.

Горин Дмитрий Геннадьевич – заместитель председателя Брянского отделения РФО, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловской региональной академии государственной службы.

Дергачева Елена Александровна – ученый секретарь Брянского отделения РФО, кандидат философских наук, доцент кафедр «Экономика, организация производства и управление» и «Философия и история» Брянского государственного технического университета, заместитель декана по качеству и инновационной работе факультета экономики и управления БГТУ.

Степанищев Анатолий Федорович – заведующий кафедрой философии и истории Брянского государственного технического университета, профессор, доктор философских наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дергачева, Е.А. Брянская научно-философская школа социоприродных исследований в 2002-2007 годах / Е.А.Дергачева // Вестник Российского философского общества. – 2007. – №3 (43). – С.17-18.

В.Г. ГОРБАЧЕВ

НАУКА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИСТОЧНИК И ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сегодня научно-прикладное обеспечение социально-экономической политики в Брянской области приобретает характер приоритетного направления в деятельности органов государственной власти. По сути дела, это вопрос о поиске *источников и факторов* эффективного развития Брянской области. Вот почему необходимо найти пути и способы превращения региональной науки в один из основных источников этого развития, создавая для этого

соответствующие правовые, организационные, финансовые и иные условия. Существует очень масштабная и непростая задача: как добиться интеграции трех социальных секторов – научного сообщества (так называемые «услуги»), делового сообщества («потребители») и региональной государственной власти («организаторы»). Где те пути, механизмы и формы, которые смогли бы обеспечить постоянное и эффективное взаимодействие этих секторов? На наш взгляд, сегодня проблема качества социально-экономической политики не может решаться удовлетворительным образом без научно-прикладного сопровождения такой политики, и власть должна это осознавать.

В качестве определяющего источника и фактора социально-экономического развития нашего региона мы рассматриваем *научный потенциал* Брянской области. На сегодня этот потенциал достаточно большой и содержательный [7]. Он представлен, прежде всего, *вузовской наукой*, которая сосредоточена в крупнейших государственных вузах области – БГУ, БГТУ, БГИТА и БГСХА. В этих (а также и иных) вузах в настоящее время трудится около тысячи специалистов с учеными степенями и званиями, имеются крупные и широко известные (в том числе и за рубежом) научные школы, созданы системы для подготовки научных кадров по многим направлениям и отраслям, накоплены традиции, формы и опыт взаимодействия с практикой. Вузовская наука Брянщины включает в себя основные направления современного научного познания: социально-гуманитарное, техническое, естественнонаучное, сельскохозяйственное, медицинское и иные. Определенный научный потенциал имеется также и в некоторых филиалах вузов, в том числе – и в негосударственных.

На Брянщине существует и *отраслевая наука*, имеющая отчетливо выраженную прикладную направленность. Она представлена в форме научно-исследовательских институтов, опытно-конструкторских бюро, научно-технических центров, научно-производственных фирм и т.д. Некоторые из них (например, Всероссийский научно-исследовательский институт люпина) накопили большой опыт деятельности, получили известность и признание. Отраслевая наука эффективно проявляет себя на ряде крупных промышленных предприятиях (АО БМЗ, «Термотрон-Завод», «Кремний» и иные).

Немало специалистов с учеными степенями трудится сегодня в органах государственного и муниципального управления, в учреждениях здравоохранения и культуры. Такие специалисты имеются также в некоторых средних специальных учебных заведениях области (например, в педагогических колледжах, некоторых техникумах).

На сегодня основной зоной концентрации научного потенциала является город Брянск. Далее идут Брянский, Выгоничский и Новозыбковский районы. Специалисты с учеными степенями имеются также в ряде других городов области: в Новозыбкове, Клинцах, Трубчевске, Стародубе, Унече, Мглине. В конце 2005 года возобновил свою деятельность Брянский координационный научный центр, представляющий интересы всех отраслей научной деятельности в нашем регионе. В 90-е годы данный Центр активно осуществлял исследования по заказу государственной власти.

На наш взгляд, *научный потенциал Брянской области дает возможность для его эффективного применения при решении актуальных проблем социально-экономического развития региона.* К числу важнейших направлений и конкретных сфер такого применения мы относим следующее:

- активное участие в определении стратегии развития Брянской области и выявлении приоритетов этого развития;
- экспертная оценка и постоянный мониторинг развития региона;
- участие в разработке и реализации областных целевых программ;
- разработка новейших технологий для конкретных секторов экономики (особенно – для машиностроительного и аграрного комплексов);
- прикладные исследования по заказу государственной и муниципальной власти (например, в сфере социальных процессов, в сфере экологии и т.д.);
- конкретные прикладные исследования и научно-технические разработки по заказам предприятий различных форм собственности;
- участие в законотворчестве на уровне представительной власти.

Мы полагаем, что научное сообщество Брянской области способно решать эти проблемы и задачи, имеется и опыт их решения, в том числе – в условиях современной рыночной экономики. Задача же власти состоит в том, чтобы идти навстречу научному сообществу,

создавать условия, механизмы и формы активного взаимодействия. Однако можем ли мы сегодня говорить об эффективной работе региональной власти по вовлечению научного потенциала в решение актуальных проблем Брянщины? Существует ли отлаженный механизм постоянного взаимодействия власти, науки и практики?

На наш взгляд, утверждать это сегодня преждевременно. Правовая же основа для этого имеется – это закон Брянской области *«О науке, научной и научно-технической деятельности в Брянской области»*, который был принят Брянской областной думой в конце мая 2006 года [3]. Его параметры таковы, что они создают необходимые правовые условия для организованного вовлечения научного потенциала в сферу практики – через разработку региональной научно-технической политики, через формирование областных научно-технических программ, путем создания государственных научных организаций, через финансирование научной деятельности и т.д. Кратко говоря, *закон дает возможность, а власть берет на себя определенную им ответственность*. Однако сегодня, к сожалению, еще не приходится говорить о сложившейся политике государственной власти Брянской области по отношению к науке и соответственно об эффективных практических результатах такой политики. Скорее всего, пока можно говорить лишь о некоторых управленческих решениях и отдельных шагах в этом направлении, которые, однако, еще не обрели характер *системных действий власти*, т.е. не стали конкретным направлением ее политики.

Надо заметить, что в областном бюджете в прежние годы выделялись определенные средства на осуществление научных исследований и научно-технических проектов. Действовавший с 1999 года закон Брянской области *«О научной деятельности и региональной научно-технической политике в Брянской области»* предполагал финансирование научной деятельности в объеме до 4% [4]. Доля (косвенных, т.е. не «отдельной строкой») расходов на науку в областном бюджете в период с 2000 по 2005 годы составляла всего лишь от 0,02% до 0,07%, т.е. не достигала даже 1% от общего объема расходной части бюджета. Приведем еще один характерный пример. В 2004 году Брянский госуниверситет получил по направлению «научная деятельность» около 4,9 миллионов рублей. В этом объеме средства, поступившие из областного бюджета по различным

проектам, составили лишь около 81 тысячи рублей, т.е. примерно около 1,7%. Примерно такая же ситуация в сфере финансирования научных исследований характерна и для других вузов города. Что же касается тематики научных исследований, которая финансировалась из областного бюджета за названный период, то она очень бедна и касалась, как правило, аграрной проблематики, не затрагивая других сфер региональной экономики.

Анализируя опыт применения областного закона о научной деятельности, мы сформулируем следующую оценку. Так сложилось, что до некоторого времени *в идеологии управленческой деятельности государственной власти Брянской области наука, к сожалению, еще не рассматривалась как определяющий источник социально-экономического развития региона*. Соответственно и поддержка ее как социального института носила зачастую лишь декларативный характер. В связи с этим интересно проанализировать послание Губернатора Брянской области от 28 апреля 2005 года к сессии Брянской областной думы, в тексте которого термины «наука», «научная деятельность» совершенно не применяются [9]. Очевидно, что власть предпочитала пользоваться привычными для себя категориями экстенсивной экономики и экономического мышления. На наш взгляд, именно это и явилось основной (хотя и не единственной) причиной того, что существовавший с 1999 года областной закон о науке фактически не исполнялся должным образом, и это отрицательно сказывалось на качестве социально-экономической политики в регионе. В эти годы отсутствовали специальные областные целевые программы, направленные на поддержку научной деятельности. Только лишь к середине 2005 года в каталог территориальных проблем, требующих решения программно-целевым методом, была внесена проблема «Развитие научной деятельности в Брянской области».

В конце октября 2005 года в Брянской областной думе по инициативе ее постоянного комитета по образованию, науке и массовой информации состоялись депутатские слушания по теме «Об исполнении закона Брянской области «О научной деятельности и региональной научно-технической политике в Брянской области» [7].

На них было, в частности, констатировано, что практика исполнения данного закона не является удовлетворительной и даже далека от этого. Возможности научного потенциала явно недостаточно используются для решения актуальных проблем развития региона – через целевые программы, конкретные научно-технические и иные проекты, через научную экспертизу и иные формы научного обеспечения практики, в том числе при определении и обосновании стратегии развития нашего региона. Не сложилась и практика устойчивого и эффективного финансирования научной деятельности.

Очевидная недооценка роли науки как источника и фактора социально-экономического развития укоренилась, на наш взгляд, в 90-е годы, когда в психологии органов государственной власти Брянской области укоренилась установка на получение средств поддержки региона из федерального центра. Конечно, сегодня власть уже более активно и настойчиво ищет внутренние источники развития региона (в частности, делается упор на использовании удобного географического положения Брянщины как пограничного региона и транспортного коридора, создаются новые формы развития аграрного комплекса, активнее поддерживается деловая активность, привлекаются внешние инвестиции и т.д.). Что же касается науки (в ее прикладном значении) как источника такого развития, то здесь такого пока еще не произошло. Однако надо понимать, что федеральный центр в полной мере не сможет решить проблемы нашего региона, тем более, что особо ценных природных ресурсов (например, нефть, газ, золото и т.п.) в нашей области нет для финансирования за счет них научных исследований. Невозможно построить нашу экономику также и за счет выгодных транспортных коридоров и товарных потоков. Вот почему *необходимо делать акцент на развитии научного интеллекта как инструмента постоянной рационализации социально-экономической сферы*. Надо переходить от экономики сырья к *экономике знаний*, к экономике творческих проектов, возможности для этого у нас имеются. В мае 2006 года в своем ежегодном послании к Федеральному Собранию Президент РФ *В.В.Путин* обратил внимание на необходимость придания национальной экономике «инновационного качества» как неперемennого условия ее дальнейшего развития. Он заметил, что в условиях нарастания конкуренции (внутренней и внешней)

экономическое развитие страны должно определяться «главным образом ее научными и технологическими преимуществами» [2]. На наш взгляд, это в полной мере должно относиться и к экономике Брянской области.

Говоря о роли науки в развитии Брянской области, следует выделить еще один очень важный момент. Проблема научной деятельности в регионе – это также и *социальная проблема*. Суть ее в том, что реальная поддержка науки государственной властью означала бы также и рост востребованности фигуры ученого в современной рыночной экономике, признанность его интеллекта как специфического товара. Осуществляя это, власть тем самым способствовала бы *повышению социального статуса ученого в обществе*, укреплению его авторитета в общественном сознании. На наш взгляд, это не только важно, но еще и справедливо.

Данная тема науки как определяющий источник и фактор социально-экономического развития Брянской области предполагает решение и ряда других проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Интеграция науки и сферы образования. Сегодня в Брянской области происходит становление таких форм интеграции, как университетские комплексы (например, на базе БГТУ), ассоциации непрерывного профессионального образования (на базе БГУ). Такого рода процессы соответствуют Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года [5], но, на наш взгляд, они не должны сводиться лишь к решению проблем образования, а должны предполагать и появление новых форм организации научной деятельности в регионе. Так, на базе университетов могли бы быть образованы исследовательские центры, выполняющие заказы органов государственной власти.

Актуальным становится вопрос взаимодействия бизнеса и науки. Сегодня структура бизнеса в нашем регионе несовершенна, поскольку преобладают коммерческие структуры, занимающиеся торгово-посреднической деятельностью, не связанной со сферой прикладной науки, поэтому возникает проблема создания и стимулирования тех предпринимательских структур, которые смогли бы осуществлять функции, связанные с научной деятельностью (например, малые инновационные предприятия).

Возникает необходимость социальной поддержки ученых. Более 80% специалистов с учеными степенями трудятся в вузах, которые не находятся в ведении государственной власти Брянской области, поэтому наиболее острые и сложные проблемы связаны с жильем для научно-педагогических работников высших учебных заведений, уровнем их заработной платы и условиями труда.

На наш взгляд, проблема превращения науки в определяющий источник и фактор социально-экономического развития Брянской области не может быть должным образом решена без *постепенного перехода Брянской области к качественно новому типу ее экономики – к экономике инновационного, наукоемкого типа.* Началом такого перехода (сначала на уровне экономической идеологии) могла бы стать широкая дискуссия по проблеме стратегии социально-экономического развития Брянской области на ближайшую и отдаленную перспективу. Без такой дискуссии политической элиты, научной общественности и деловых кругов проблема науки (в обозначенном нами смысле как источника развития региона) будет решаться лишь эпизодически, несистемно и потому не радикально.

Первым опытом такого рода дискуссии стали прошедшие в конце мая 2006 года в Брянской областной думе депутатские слушания по обсуждению проекта программы экономического и социального развития Брянской области на 2006-2008 годы [10]. Основным разработчиком программы выступил комитет по экономической политике администрации Брянской области. Представленный документ носил комплексный, всеохватывающий характер, имел сложную структуру и очень большой объем текста. На слушаниях обсуждался вариант документа, который предварительно, начиная с февраля 2006 года, обсуждался в профильных комитетах областной думы и вызвал у депутатов немало критических замечаний. (В частности, вызвало критику то, что в проекте документа была очень слабо представлена тематика научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ применительно к сфере промышленности). После депутатских слушаний эта программа на очередной сессии Брянской областной думы 25 мая 2006 года была все же утверждена и обрела статус закона Брянской области.

В ходе обсуждения на слушаниях этой программы был обозначен ряд проблемных вопросов, носящих, по нашему мнению, концептуальный характер. Рассмотрим их.

Вопрос первый. Какого типа экономику намерена формировать государственная власть Брянской области? Данный вопрос уместен, поскольку авторы-разработчики программы в пояснительной записке к ней определили представленный документ как «программу переходного периода». Но перехода *от чего* и *к чему*? (Особенно – *к чему*?). Об этом надо было бы сказать яснее и убедительнее, ведь завтра мы будем иметь такую экономику, которая будет соответствовать нашим сегодняшним представлениям о ней.

Вопрос второй. Какой в перспективе (в результате такого перехода) должна стать экономика Брянской области в своих основных параметрах? Если это по-прежнему будет оставаться «экономика сырья» - то это одно, но если это будет в итоге формирующаяся «экономика знаний» - то это будет уже совсем иное. Если мы хотим постепенно уходить от «экономики сырья» (очень затратной, неэкологичной, неперспективной), то следует ясно обозначить те отрасли, которые должны стать «зонами роста» нового качества экономики, а значит – и приоритетными для Брянщины. В пояснительной записке к программе такие зоны были названы «опорными точками экономического развития» и всего их выделено пять: промышленность, агропромышленный комплекс, строительство, малый бизнес, эффективное использование выгодного географического расположения Брянской области.

Вопрос третий. Каковы источники перехода экономики Брянской области к ее новому качеству? В тексте представленной программы шла речь о том, что главным условием ее реализации является «привлечение в экономику и социальную сферу... достаточных финансовых ресурсов». Деньги, как экономический ресурс – это хорошо, но ведь они не дадут ожидаемого результата, если не будут найдены сферы и точки их эффективного применения. (Действительно, под какие именно программы и проекты следует давать деньги, например в сельском хозяйстве?) Конечно, деньги – это «кровеносная система» экономики, но должны ли они рассматриваться как некая панацея? Скажем и следующее: не будет ли «финансовая установка» воспроизводить так называемую

«трансфертную психологию», т.е. упования на заимствования из федерального центра, что было характерным для нашей экономики в предшествующие 90-е годы и что все еще нередко проявляется до сих пор в экономической политике?

На наш взгляд, ответы на обозначенные вопросы могли бы быть следующими.

Ответ на первый вопрос о модели, типе экономики. Мы полагаем, что прежде всего следует постепенно перейти к формированию в Брянской области экономики инновационного типа, основанной на наукоемких технологиях, на таких технологиях (технологических новациях), которые способны обеспечить динамику в экономике, социально-экономическую эффективность, высокую конкурентоспособность, сохранение экологической устойчивости региона. О переходе к экономике данного типа в программе было сказано, осторожно, без нужного акцента. От «экономики выживания» (что было характерным для 90-х годов) следует идти к экономике развития, без этого не смогут быть решены социальные вопросы, не может быть обеспечена и декларируемая в документе конкурентоспособность Брянской области в системе национального (и международного тоже) разделения труда. Однако такое развитие возможно сегодня лишь на основе интенсивных факторов, а наука и является собой именно такой фактор. Распоряжением губернатора Брянской области в июле 2006 года была создана рабочая группа по подготовке проекта Стратегии социально-экономического развития Брянской области на период до 2020 года [8], выделены немалые финансовые средства для такой работы. Надо полагать, что вопросы моделирования развития экономики найдут в этом документе должное место.

Ответ на второй вопрос о перспективах экономики Брянской области. В качестве основной «зоны роста» следует, на наш взгляд, брать не промышленность в целом, а машиностроение как ее ведущую отрасль. Наш подход обоснован рядом аргументов, среди которых очевидно и бесспорно то обстоятельство, что на Брянщине многие десятилетия данная отрасль традиционно занимала ведущее место в структуре производительных сил. По сути дела, она сложилась как регионообразующая отрасль в экономической структуре, и сегодня машиностроение в общем объеме нашего

экспорта составляет более 50%. К тому же, машиностроение (при создании ему режима наибольшего благоприятствования) способно повлечь за собой решение целого комплекса проблем. Это такие, как сохранение и применение наиболее интеллектуальных технологий, сохранение и укрепление кадрового потенциала высокого уровня, обеспечение занятости населения, развитие системы начального, среднего и высшего профессионального образования, решение социальных вопросов на предприятиях, обеспечение крупных поступлений в областной бюджет. Разумеется, машиностроение работает также и на очень обширный аграрный сектор, и на иные отрасли экономики региона (транспорт, энергетика, строительство и т.д.).

Ответ на третий вопрос об источниках развития экономики Брянской области. Мы исходим из того, что в экономике «завтрашнего дня» определяющим источником ее развития должен быть и быть интеллектуальный ресурс под названием «наука». Причем, по степени важности этот ресурс не должен уступать финансам. Наука призвана выступать как инструмент постоянной рационализации (совершенствования) экономики, инициатор и поставщик передовых творческих проектов и программ (инноваций) для всех отраслей экономики. Однако что именно может предложить наука для Брянщины?

Потенциальное пространство прикладного применения науки в социально-экономической сфере на самом деле очень широко: это машиностроение, промышленная электроника, аграрный сектор, транспорт, строительство, экология, жилищно-коммунальное хозяйство, телекоммуникации, социальная проблематика (например, исследование демографических процессов в регионе, мониторинг регионального рынка труда). Инструментом постоянного взаимодействия науки, власти и практики должен быть Комитет по науке областной администрации, созданный в конце 2006 года. Конечно, пока невозможно создать на Брянщине наукоград, технополис или развитую сеть технопарков, но вполне возможно обеспечить эффективное вовлечение науки в практику и нарастающее из года в год ее финансирование через областные целевые программы на конкурсной и иной основе. На наш взгляд, в перспективе возможно даже образование многопрофильной государственной

научной организации, которая выполняла бы региональные заказы, играя роль центра инновационной системы в области. Кстати, в этом деле мог бы успешно проявить себя и бизнес в лице малых предприятий соответствующего профиля (инновационное предпринимательство).

В последнем варианте проекта обсуждавшейся программы появился небольшой подраздел, непосредственно касающийся места и роли прикладной науки в экономической системе Брянской области: «Развитие прикладной науки и стимулирование инноваций» [10, с. 84]. Это стало заметной новизной проекта, но необходимо в этих вопросах идти дальше. В частности, есть насущная потребность в разработке областной целевой программы *инновационных проектов* для приоритетных отраслей экономики. Такой опыт есть в других регионах страны с близкими нам социально-экономическими характеристиками (например, в Белгородской, Орловской, Тамбовской областях), и им непременно следует воспользоваться.

В связи с активной ролью прикладной науки заметим также и то, что *назрела острая необходимость в том, чтобы целевые программы, связанные с развитием экономики, непременно разрабатывались с участием научных кругов* Брянской области и соответственно подвергались научной оценке, специальному анализу (экспертизе). Причем, это должно быть на всех стадиях процесса, начиная с самой идеи конкретной программы, ее творческого замысла. Исходя из этого, мы полагаем, что необходимо внести изменения соответствующего содержания в статьи 8 и 9 Закона Брянской области «О разработке и реализации областных целевых программ и региональных программ развития местного самоуправления», касающиеся порядка подготовки программ социально-экономического характера.

В конце января 2007 года в Брянской областной думе по инициативе ее постоянного комитета по образованию, науке и массовой информации состоялись депутатские слушания по теме «*Актуальные проблемы формирования на Брянщине экономики инновационного типа*». Тематика основных докладов на этих слушаниях отразила спектр основных направлений деятельности, связанных с формированием «экономики знаний» в регионе [1]. Данное мероприятие собрало все заинтересованные стороны:

депутатов, руководителей областной администрации, представителей вузов, научных организаций, деловых кругов. В тексте принятых практических рекомендаций было отмечено, что последовательное развитие науки и передовых наукоемких технологий должно рассматриваться сегодня как один из основных источников социально-экономического развития Брянской области. Государственная власть призвана инициировать и реализовывать *инновационную политику*, и в разработке такой политики должно принимать непосредственное участие само научное сообщество.

На наш взгляд, в 2005-2006 гг. на Брянщине наметился *поворот власти к науке*. Одним из признаков поворота стало включение в областной бюджет на 2007 год отдельной статьи расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), на чем давно настаивала научная общественность. В День российской науки – 8 февраля 2007 года – состоялась встреча губернатора Брянской области *Н.В.Денина* с представителями научной общественности Брянщины, на которой были затронуты узловые проблемы дальнейшего развития научной деятельности в ее тесной взаимосвязи с властью и коммерческой направленностью региона. Подобного рода встречи должны образовать традицию постоянного взаимодействия органов власти, научного сообщества и деловых кругов.

Другим важным признаком названного поворота явилось распоряжение губернатора области о разработке областной целевой программы «Развитие инновационной инфраструктуры Брянской области на 2007-2010 годы» (работа над ней началась в ноябре 2006 года). Основная цель программы – это формирование и развитие региональной инновационной системы с целью обеспечения эффективной инновационной деятельности и устойчивого экономического развития региона [11]. Данная программа была согласована на сессии областной думы в июне 2007 года. В мае того же года был принят закон «Об инновационной деятельности в Брянской области», в подготовке которого активное участие принимали представители научных и деловых кругов.

В апреле 2007 года началась работа над проектом областной целевой программы «Развитие научной деятельности в Брянской области (2008-2010 годы)», аналогов которой до сих пор еще не было в

истории нашего региона. Ее текст был структурирован таким образом, чтобы представить все основные направления научно-прикладной деятельности на Брянщине (техническая наука, аграрная и экологическая наука, социогуманитарные исследования и т.д.). Данная программа была успешно согласована на сессии областной Думы в июне того же года [12].

В июне 2007 года был образован Совет по науке и научной деятельности при губернаторе Брянской области. В его состав вошли представители научной общественности и деловых кругов, администрации области и Брянской областной думы.

Итак, одним из важнейших условий перспективного развития экономики Брянской области мы считаем ее последовательный переход на наукоемкую основу («экономика знаний»), как того настойчиво требует наше время. Что же касается политических условий реализации обсуждаемой сегодня программы, то это мы видим, во-первых, в *понимании региональной политической элитой* содержания и коренных проблем стратегии социально-экономического развития Брянской области на дальнейшую перспективу. Во-вторых, таким условием является и *качество региональной власти* (на чем, кстати, сделал акцент губернатор области в своем послании к депутатам областной думы в апреле 2005 года). Перефразируя ставшим хрестоматийным выражение классика о том, что политика есть концентрированное выражение экономики, скажем так: *современная экономика – это концентрированное воплощение научного интеллекта, и альтернативы этому быть не должно.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы формирования на Брянщине экономики инновационного типа (материалы депутатских слушаний 31 января 2007 г.). – Брянск, 2007.
2. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию 2006 г.
3. Закон Брянской области «О науке, научной и научно-технической деятельности в Брянской области». – Брянск, 2006.
4. Закон Брянской области «О научной деятельности и региональной научно-технической политике в Брянской области». – Брянск, 1999.
5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года.
6. Наука в Брянской области: сб. стат. – Брянск, 2006.
7. Наука должна «работать» // Брянский рабочий. – 2005. – 28 окт.

8. О создании рабочей группы по разработке проекта стратегии социально-экономического развития Брянской области на период до 2020 года. – Распоряжение Губернатора Брянской области. 17.07. 2006 г.
9. Послание губернатора Брянской области Н.В.Денина Брянской областной думе. - Брянск, 2005.
10. Программа экономического и социального развития Брянской области на 2006-2008 годы.
11. Развитие инновационной инфраструктуры Брянской области (2007-2010 годы). Областная целевая программа.
12. Развитие научной деятельности в Брянской области» (2008-2010 годы). Областная целевая программа.

Г.Т. ВОРОБЬЁВ

ПОЧВЕННЫЙ ФУНДАМЕНТ В СТРОЕНИИ БИОСФЕРЫ

*Не то, что мните Вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть
свобода,
В ней есть любовь, в ней есть
язык...*

Ф.И. Тютчев (1836)

Матерью почвы, в прямом смысле, выступает земля, поэтому ее и сейчас чаще всего и называют не почвой, а просто – землей. В обобщающем вековечном значении почва тоже несет свое родовое имя – земля-матушка. Так все – «земля» и «земля», а где и когда почва может выступать под своим собственным именем? Ответ на

этот вопрос мы получаем, как только почвой начинает заниматься наука, тогда она из обобщающе-бытийного понимания «земля», превращается в уникального представителя «четвертого царства» природы – почву. Следовательно, родителями понятия почвы выступают: земля (мать) и наука (отец). Так, если мы отведем взор от постоянно убегающего абстрактного горизонта и посмотрим внимательно себе под ноги (только не в городе), то увидим почву «как вполне самостоятельное естественно-историческое природное тело». В.В. Докучаев, отыскавший и открывший ее сущность (по В.И. Вернадскому - «угадал почву»), создаёт о ней самостоятельную науку и по праву является классическим отцом почвоведения.

Со времени создания новой науки прошло не так уж много времени (1883 год), а почвоведение превратилось в фундаментальное основополагающее направление не только естествознания, но и по праву предстает как значительное явление в сокровищнице русской советской культуры.

Предварительные рассуждения

В общих чертах геологами и палеонтологами прослежена летопись истории Земли за 3,8 млрд лет. В этой летописи выделяется очень важный для нашего рассуждения период (около 1 млрд лет назад), который академик РАН Г.А. Заварзин (2001) называет периодом прокариотной биосферы. Биосфера как планетарное образование имеет сложное строение. Одним из имманентных компонентов биосферы является почвенный покров (ПП). Не биосфера предстает прародительницей жизни на нашей планете, она сама порождение этой жизни, а носителем, опорой и ареной, где зародившись, функционирует и совершается жизнь, сейчас выступает ПП. Именно в нем, почвенном покрове, жизнь, однажды появившись, совершает свои извечные круговороты, которые обеспечивают стабильное существование биосферы.

В этой связи, в порядке дискурсивного поиска, необходимо постулировать появление первичного ПП прокариотного типа, который по времени появления равен прокариотной биосфере. Правомочность возникновения своеобразного прокариотного типа почвообразования базируется на учении В.В. Докучаева, которое гласит, что почва образуется везде при наличии факторов и условий почвообразования. В данном случае здесь есть материнские горные

породы, прокариотная биота, климат, время и другие условия. Так почему же не быть почвенному покрову? Он есть, он образуется, как подчёркивает В.А. Ковда, «параллельно с возникновением жизни и становлением биосферы» [7, с.26]. Вот поэтому, если не направить наш поиск к истокам зарождения ПП, не определиться во времени и пространстве его возникновения, мы так и останемся пребывать в извечном заблуждении о неразрешимости проблем современной науки о биосфере. Все теории и гипотезы, парадигмы и концепции, предлагаемые и высказанные, и особенно якобы имеющие «научное обоснование», без системного учета влияния и роли ПП будут неполными, уязвимыми, ошибочными, а иногда просто вредными для познания и изучения биосферы – сферы жизни вообще, а тем более разумной жизни.

Накопление знаний о почве носило длительный эмпирический характер, уходящий своими корнями к первым земным цивилизациям. С изобретением земледелия почва (еще земля) обоснованно выступает как всеобщая основа существования и развития человека. С этого времени и до наших дней качественная оценка данной основы дается в жизненной триаде: плодородная – бедная – бесплодная.

Почвенный покров и его свойства

*Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.*

Ф.И. Тютчев (1839)

В настоящее время в почвоведении основные свойства почв как дискретных тел природы определены и изучены, нет необходимости их здесь приводить и перечислять. А вот свойства ПП как целостного природного создания и как одной из важных оболочек биосферы, по моему, есть смысл искать.

Самое простое определение ПП дается как совокупность почв изучаемой территории, а для почвенного пространства обширных стран или континентов вводится дополнительная характеристика ПП – одевающий (термин В.В. Докучаева) земную поверхность. В данном определении ПП отсутствует указание на происхождение, роль и свойства, при этом не раскрывается в целом суть почвенного покрова.

Движущей силой образования ПП является феноменальное явление, вызванное развитием жизни на планете и приведшее к образованию биосферы, единство которой состоит в триаде оболочек: почвенной – водной – воздушной.

Для большего понимания роли и значения почвенного покрова необходимо обратить внимание на лексическое значение русского слова «покров» - в значении защитного платка и покрывала. Для понимания того, как осуществляется эта роль, в чем проявляется защитная функция ПП, надо прибегнуть к помощи еще одного русского слова – сокровенность.

Великий В.В. Докучаев, как бы предвидя, что почвоведом в XXI веке будет употребляться термин «сокровенное воздействие» почвенного покрова, еще в конце XIX века дал этому термину такое обоснование: «...в мире царствует, к счастью, не один закон великого Дарвина, - закон борьбы за существование, но действует и другой, противоположный, закон любви, содружества, самопомощи...» [4, с. 325].

Таким образом, эта фраза из работы В.В. Докучаева (1899) свидетельствует о фундаментальном совпадении его научных взглядов со взглядами почвенника-мыслителя Ф.М.Достоевского, черпавшего духовную силу в родной земле: «...Родиться и всходить нация... должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (Достоевский, 2007). Жаль, конечно, что в дальнейшем такое значение почв в науке не получило своего развития.

Под ногами у человека находится особая «живая субстанция» - почвенный покров, обладающий природной целостностью с метафизической пространственно-временной функцией непрерывности, имеющий сокровенный характер воздействия, который обнаруживается только при непосредственном контакте с ним. Такое воздействие можно назвать феноменом Антея.

В системе биосферной иерархии развития жизни низшее служит основанием высшему, и на самых верхних ступенях высшего (человека) происходит отрыв от основания – его просто не замечают, его игнорируют, о нем забывают, а иногда третируют. В таком положении находятся ПП и отношение человека к нему. Незаменимость ПП обернулась его забвением! Забвение хорошо просматривается на примере существования городской цивилизации, черты проявления которой можно назвать феноменом Геракла –

отрыв от почвенной основы, поэтому городской житель, потеряв почву под ногами, духовно и нравственно деградирует, в погоне за удовольствиями, превращается в глобальное потребительское существо.

Главное, важнейшее свойство ПП – быть абсолютно нужным, без него функционирование биосферы прекращается. Нужность еще одно русское понятие почвы – это и есть проявление трансцендентальной сути природы, высшая из всех ее «целей».

Как иерархически организованная система, ПП обладает рядом функций, служащих для приема текущей информации. Текущая информация не только нужна в данный момент (например, наличие влаги, воздуха, питательных веществ и др., что проявляется в действии факторов почвообразования), но сами эти факторы и есть творцы жизни. Текущая информация, с другой стороны, может накапливаться, например в образовании генетических горизонтов, процессах гумусообразования, т.е. не пропадает бесследно (Соколов, Конюшков, 2002).

К сожалению, а может быть к счастью, с ПП невозможно проводить опыты, с тем чтобы получать традиционные данные о его свойствах, или изучить в опытах его изменение, как это делается с почвой. Если свойства ПП нельзя изучить по данным опыта, значит в этом отношении они (свойства) соответствуют (пока!) «априорному», по Канту, т.е. изначально данному явлению (ПП).

Называемые мною, в порядке постановки вопроса основные свойства или феномены ПП, такие как непрерывность (всюдность), сокровенное воздействие (феномены Антея и Геракла), незаменимость (нужность), показ механизма их проявления или обнаружения в природном мире, совершенно, как мне кажется покуда, не понятны. Не спасают положения даже и отдельные распространенные понятия-термины классической философии, такие как трансцендентальность, метафизичность, априорность и др.

Попробуем прибегнуть к помощи современных философов и ученых. Согласно воззрениям современных философов и ученых, реальный мир, в котором мы живем, своеобразно расслоен. В нем надстраиваются друг над другом четыре великих слоя бытия, при этом каждый более низкий слой является опорой для более высокого. Самый нижний - слой неорганический, физически-материальный, он охватывает весь космос, от атомов до галактик. Второй слой -

органический, он охватывает мир организмов, от простейших до людей. Третий слой - психический, мир души, это сознание человека с его актами и содержанием. Последний, четвертый, самый высокий слой – духовный, духовно-исторический, это общая сфера духовной жизни, процесс становления которой связывает друг с другом поколения (Гартман, 2003).

Каждому великому слою присущи особые категории (феномены) бытия, по их присутствию или отсутствию каждый слой отделяется от других. Наличие разделительных непреодолимых границ различий между слоями бытия реального мира подчеркивают своеобразие объективности его устройства. При этом признаётся единство реального мира в его слоистом строении, так как связи, существующие между слоями, имеют свои особенности проявления. Законы природы, справедливые в неорганическом мире, сохраняют свою безусловную силу и в высших слоях. Так, органическая природа возвышается над неорганической, однако, быть независимой от нее не может. Органическая часть природы, основываясь на неорганической части, никоим образом не самодостаточна, чтобы одной составить живое [8, с. 277]. Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на «высшем», обусловленности этим «низшим» и в то же самостоятельности, «низшего», в его своеобразии и собственной закономерности, что и утверждает, и объясняет Николай Гартман.

Ступенчатое, слоистое строение реального мира несет в себе предельно емкое философское обобщение, отражающее устройство материального мира.

Мы уже отмечали похожесть устройства биосферы, состоящей из триады взаимодействующих оболочек. В устройстве природного мира расслоение было замечено давно. Из слоев состоит земная кора, биосфера, почва и другие объекты материального мира, выступающие как подразделения внутри великих слоев Н. Гартмана, поэтому и рассмотрение учения о ПП как основы становления и развития жизни как будто бы не содержит неразрешимых противоречий. Это придает уверенности в том, чтобы при рассмотрении проблем организации ПП за основу взять учение о ПП.

Учение о ПП должно быть дистальным (у медиков – удаление центра тела), т.е. удаленным от почвенного тела. Тогда познание ПП

методически будет удалено от познания конкретных почв. Знание, полученное с помощью учения о ПП, – это несколько другое знание, и лучше отойти немного подальше, чтобы понять его суть.

Данное учение позволяет нам дать новую формулировку о ПП, которая звучит так: *«Почвенный покров есть органичная совокупность почв земной поверхности, обеспечивающая взаимодействие сил природы в непрерывном процессе воссоздания основы становления и развития жизни»*. Это определение отражает обобщающую истинность роли почвенного покрова в существовании биосферы.

Таким образом, основными свойствами (феноменами) целостного почвенного покрова биосферы на данном этапе исследований можно предложить следующие: *непрерывность (всюдность), сокровенное воздействие (феномены Антея и Геракла) и незаменимость (нужность)*.

Почвенный покров и человек

*Ткань благородную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
Ф.И. Тютчев (1839)*

Практический и осознанный интерес человека к почве и почвенному покрову прошел длительный путь развития, начиная с зарождения земледелия, которое было «изобретено» 5-7 тысяч лет до нашего летоисчисления (Добровольский, 2004). За столь большой исторический срок человек, используя почвенный покров, полагал, да и сейчас в том уверен, что почва на то и существует, чтобы служить местом для произрастания растений.

Жизнь человека во все времена напрямую зависела от состояния земли - почвы в месте его проживания. Он это видел своими глазами, как только земле становилось плохо, человек переходил на другую местность, давая старопахотной возможность восстановить силы, поправить плодородие почвы. Однако так было раньше, сейчас человек-земледелец окончательно и навечно привязан к своей родной земле. Состояние почв и почвенного покрова определяют благополучие как отдельного человека, так и любого коллектива, работающего на земле, да и страны в целом.

Ситуация коренным образом меняется с появлением частной собственности на землю, особенно в настоящее время, когда образовалась многоступенчатая цепочка посредников, не всегда

надежная, между земледельцем и получением им окончательных результатов своего труда. Посредники – это люди, которые перестали непосредственно работать и жить на земле, а значит лишились мощного сокровенного воздействия почвенного покрова, которое испытывает человек, контактирующий с ним. Почва превратилась для посредников в обыкновенный ресурс, который можно продать, заложить, нещадно эксплуатировать, делать с ним другие всевозможные махинации. А любой ресурс элементарно интересен и нужен, когда он приносит прибыль. Оторвавшись от почвенного покрова, от почвы-кормилицы (этот перечень можно продолжить – от нефти, от газа и других ресурсов), эти люди превращаются в «элементарные частицы» рода Номо, о которых наш замечательный писатель В.Г. Распутин говорит: «Знаете, когда происходит материальный отрыв от земного на космическую высоту, меняется и психика, и вкусы, и аппетиты, и представления о себе и других. То есть, приходит в действие тот самый философский и физический закон, когда изменение количества приводит к изменению качества. И тогда хочется чего-нибудь этакое, запредельного, марсианского» [9, с.11].

Интересно отметить, что В.В. Докучаев, «открыл» почвы, о чем мы уже упоминали, как особые природные тела, к тому времени, когда в науке на таком же уровне уже давно были признаны «царства» растений, животных и минералов, поэтому изученность ПП в научном плане, наверное, до сих пор относительно и отстает от названных «царств».

В.В. Докучаев, «открыв» почву, сделал это, безусловно, и под влиянием острого земледельческого кризиса в России в конце XIX века, когда капиталистические основы социальной жизни страны дали «реальные плоды» хозяйствования на земле – засуху, голод и страдания человека. Все это привело к резкому ухудшению естественного состояния почв, этих «природных машин» земледелия, как их называл К. Маркс, особенно черноземов, превратив его в «загнанного скакуна», по словам самого Докучаева В.В. наука о почве помогла преодолеть последствия упадка земледелия, указала, как найти правильные взаимосвязи и соотношения между естественной наукой и общественно-экономическими сторонами ведения земледелия вообще и в целом всего хозяйства страны (Федоров,1990).

Сто лет спустя ситуация повторяется, воистину «история ходит кругами». Наша страна опять переживает очень глубокий, острый и системный кризис повторяющейся капиталистической закономерности, при которой обречены страдать простые люди и ПП, причем проявление патологии одно и то же – деградация личности и деградация почв. Истоки этой патологичности едины – глобальная капиталистическая погоня за прибылью.

Преобразование общества в «глобальный человек» (по выражению А. Зиновьева) постоянно бросает агрессивный вызов основе жизни на планете – биосфере. Какие же самые опасные «болевые точки» природы видят наши философы и ученые? Для начала обратимся к авторитетному ученому Брянщины, доктору философских наук Э.С. Демиденко: «...возрастающий на почве техногенный пресс породил в нашей стране кратковременные и долговременные негативные последствия, привел к ухудшению экологических параметров агросистем» [2, с. 184]. Далее он называет и источники этого явления: «Техносфера, сотворенная человечеством, представляет собой техногенную «опухоль», подобно раковой, на «теле» биосферы» [2, с. 196]. Мне лично импонирует взгляд автора на почву, как на объект действия, точен и поставленный им характер диагноза.

Вместе с тем, необходимо четко провести разграничительную черту между научной и технологической мыслью. Научная мысль, первичная, находится в постоянном поиске истины. Техническая же мысль – всегда вторична и коммерциализирована: используя научные истины, паразитируя на них, она постоянно двигает «технический прогресс». Смотря на этот прогресс, хватает сил только воскликнуть: «Попытка природы создать *Homo sapiens* окончилась неудачей».

Наибольшую опасность и размах сейчас представляет, как уже отмечалось, развитие единого процесса – деградация почвенного покрова и человеческой личности.

Нельзя безнаказанно рвать прочно сотканный ПП, выстраданный биосферой в борьбе с хаосом природных катастроф на планете. Новый техногенный Молох, грозит очередной катастрофой, вроде бы в первую очередь надо спасать ПП, но дискурсивный анализ ситуации отдает приоритет спасению человека, как обладающему гораздо меньшей потенциальной емкостью самовосстановления в следствие того, что находится в более высоком слое реального мира.

О почвенном мировоззрении

Состояние природной среды в XXI веке продолжает ухудшаться, и происходит это, прежде всего, из-за ухудшения состояния почвенного покрова, естественного покрывала и основополагающего начала для всего живого на земле. Усиливается техногенная деградация почв, множатся ее виды, растет интенсивность их проявления и скорость протекания.

Человечество ныне ведет себя по отношению к почве и почвенному покрову, как существо не способное к причинному пониманию возможных последствий своего поведения. А человеку полезно было бы придерживаться гиппократовского принципа действия: не навреди. К сожалению, у человека выработалась привычка «гнать лошадей», особенно со второй половины XX века. «Где тут заметишь почву под ногами, да и все остальное, некогда нам задумываться о каких-то там пустяках-последствиях своих действий, все образуется...», - отвечает бизнес-прогресс на тревоги и озабоченность общества. Возможно, такое отношение к почвам объективно присуще природе человека и вызываться оно может, по мнению некоторых биологов и философов, экзистенциальным страхом, который человек, наверное, испытывал, да, по-видимому, и испытывает. Живя почвой и почвенным покровом, существуя за их счет, ощущая и понимая свою полную от них зависимость, он и страшится этой зависимости. Не этот ли экзистенциальный страх всех нас «тайфуном выдул» из деревни, оторвал от родной почвы и мест, заставил работать на развитие не имеющей будущего городской цивилизации? Заглушив этот «мистический страх», мы как будто успокоились. Так ли это и надолго ли?!

Новая общая естественно-научная картина мира должна покоиться, как и биосфера, на трансдисциплинарном учении о почвенном покрове, а новое мировоззрение должно обязательно включать понятную трансцендентальную составляющую сущности жизни.

Мировоззренческая позиция, в основе которой лежат представления о почве и почвенном покрове как о важнейшей научной культурной ценности – необходимое условие ориентации в реальном мире. Для выработки почвенного мировоззрения необходимо обосновать и представить такой взгляд, который отражал бы обобщающую мысль о роли ПП в общей системе знаний человека. Изучать прикладную роль утилитарно-экологических функций почв,

безусловно, важно и необходимо, но они совершенно не подходят к обоснованию вопроса о почвенном мировоззрении.

Научное почвенное мировоззрение на философском уровне более полно можно будет показать на основе учения о почвенном покрове. Воплотить и обосновать это учение в жизнь способны будут ученые, не обязательно только почвоведы, обладающие чувством любви и чудесным даром восприимчивости дистального почвенного покрова, которыми обладал гениальный Василий Васильевич Докучаев.

Dixi et animam levavi (Я сказал и облегчил душу).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гартман, Н.К. Основоположение онтологии / Н.К.Гартман. – СПб: Наука, 2003.
2. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.: МАОР, 2003.
3. Добровольский, Г.В. Философские аспекты генетического почвоведения / Г.В. Добровольский // Почвоведение. - 2004. № 8.
4. Докучаев, В.В. О почвенных зонах вообще и вертикальных зонах в особенности / В.В. Докучаев. - М.: избран. соч. гос. изд. сельск. литер., 1949. - Т.3.
5. Достоевский, Ф.М. Размышления / Ф.М.Достоевский. – М.: Эксмо, 2007.
6. Заварзин, Г.А. Становление биосферы / Г.А.Заварзин // Вестник РАН. – 2001. - Т. 71. - № 11.
7. Ковда, В.А. Проблемы защиты почвенного покрова и биосферы планеты / В.А.Ковда. – Пушкино, 1989.
8. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К.Лоренц. – М.: Республика, 1998.
9. Распутин, В.Г. Омертвление душ / В.Г. Распутин // Советская Россия. 20.02.04.
10. Соколов, И.А. О законах генезиса и географии почв / И.А.Соколов, Ф.Е. Конюшков // Почвоведение. - 2002. № 7.
11. Федоров, В.М. Биосфера – земледелие – человечество / В.М.Федоров. – М.: Агропромиздат, 1990.

А.Т. НЕСТИК

ПОД ПОКРОВОМ ДНЯ

Чудесно-то как: «Покров наброшен златотканый...» А речь – о вещах более чем страшных, ужасных, если вдуматься. Этот многозначительный образ извлёк из сокровищницы русской поэзии докладчик на Восемнадцатых научных почвоведческих чтениях доктор сельскохозяйственных наук Г.Воробьев. Каждое чтение было

в особинку, но это из всех выделилось: наконец-то внял он предложениям их участников подойти к философским обобщениям.

Признанные явлением исключительным и в российских масштабах («Природоресурсные ведомости», октябрь 2006 г.), чтения в Брянске, в научной библиотеке им. Ф.И.Тютчева, как представляется, действительно исподволь подошли к такому рубежу. И на этот раз они неспроста прошли в библиотеке с участием руководителя «Философских встреч», председателя Брянского регионального отделения Российского философского общества доктора философских наук Э.Демиденко. И из философского тютчевского стихотворения «День и ночь» извлек докладчик строки для эпиграфов к главным разделам своих мировоззренческих размышлений и выводов.

Последуем же за ходом размышлений «философа от почв», несколько расширив цитируемые им строки лирика-философа:

*На мир таинственных духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.*

У поэта – «день – сей блистательный покров». И если «волю богов» обозначить, как «законы природы», то все становится на место: не преступай законы – не совлекай покров. У почвоведов, разумеется, это – покров почвенный, и доклад его назывался «Почвенный покров как основа становления и развития жизни».

В отличие от почвы, получившей еще два столетия назад свое научное толкование, почвенный покров не имеет ни устоявшегося научного определения, ни собственного учения, это всего лишь простая совокупность почв, если речь идет о каком-либо регионе, или «одевающая совокупность» их, если масштаб увеличить до континента или всей планеты? При этом и почвы и покров нередко отождествляются с понятием «мощности поверхностного плодородного горизонта горных пород» в качестве одного из природных ресурсов (в ряду нефти, газа, железных и прочих руд).

И это главное: образ почвенного покрова так и не помещен человеком в божницу биосферы – сферы жизни, живой оболочки планеты. Он оказался как бы вне «воли богов», вне законов. Да, как ни странно, однако ж то, что и составляет суть биосферы, низведено до ресурса. Но собственные-то подошвы (а русское «почва», вспомним, и

произошло от древнеславянского «подышьва») и собственный кожный покров мы же не считаем своими ресурсами?! Впрочем, в торгашеском мире ресурсом обогащения признаны уже и органы человеческого организма. Однако то – в небожеском, в бесовском мире, в мире «острых локтей», где конкурентная борьба за выживание возведена в закон, якобы присущий природе.

Для лучшего уяснения роли и значения почвенного покрова докладчик обратил внимание участников чтений на лексическое значение слова «покров» – защитное покрывало. А вот в чем проявляется защитная функция этого покрывала не понятно, считает он, если не прибегнуть еще к одному русскому слову – «сокровенность». Основатель почвоведения В.В. Докучаев, словно предвидя, что век спустя будет вводиться в научный оборот понятие «сокровенное воздействие почвенного покрова», дал ему такое обоснование: «В мире царствует, к счастью, не один закон великого Дарвина, закон борьбы за существование, но действует и другой, противоположный, закон любви, дружества, самопомощи»... На нем-то, на божеском законе, и основывалось почвенничество как явление русской духовной культуры, у истоков которой стоял Ф.М. Достоевский с его призывами к любви и состраданию. Это та почва, на которой «хлеб и деревья растут», писал он, на которой «родится и всходит нация». Речь – о сокровенной духовной составляющей почвенного покрова, без коей немислима и ноосфера (сфера, по В.И.Вернадскому, разума).

Как-то Григорий Тихонович уже высказывал на чтениях мысль о том, что ноосфера, очевидно, изначально присуща живой оболочке Земли, иначе, откуда бы она взялась в слоях биосферы? Теперь же, уточняя сущность почвенного покрова, он обратился к «слоистой структуре бытия», которую исповедовал немецкий философ Николай Гартман в первой половине прошлого века. Тот делил мир на неорганический (от атомов до галактик), органический (от бактерий до человека), психический (мир души человеческой) и духовный (сфера духовной жизни, связывающей людей в народы и поколения). Наверное, все еще сложнее, чем просто четыре отдельных слоя, поскольку, если принять гартмановскую модель мира, – и «атомы-галактики», и живой мир не где-то вне психических и духовных устремлений нашего бытия, а пронизаны и пропитаны ими подобно тому, как неорганика почв насыщена почвосуществами. Но эта условность деления на слои помогает лучше постичь, в чем же состоит сокровенность

«блистательного покрова, – «души болящей исцеленья, друга человеков и богов», покрова почвенного.

В своих размышлениях о сущности почвенного покрова Г. Воробьев обращается к истокам его зарождения – в царство так называемых прокариотов (бактерий, синих и сине-зеленых водорослей, первых почвотворителей). В первичном ли Мировом океане или, как высказываются сейчас предположения, в жидкой составляющей поверхностных слоев горных пород, эти еще и не растения и не существа соткали целостную ткань для приема и переработки солнечной энергии в живое вещество, в жизнь на Земле. И какие только катаклизмы не сотрясали планету, а ткань с течением времени, особенно при выходе растений на сушу, лишь упрочнялась и стала совершенно незаменимой, сущностной частью биосферы, после же появления человека – дополнилась еще и «мыслящей оболочкой», без коей ныне биосфера и вовсе немыслима.

Эта троица – целостность (всюдность), незаменимость (абсолютная нужность) и сокровенность действия (по любимому сравнению докладчика, «феномен Антея – Геракла») – и составляет сущность почвенного покрова. Здесь требуется лишь пояснение упомянутого феномена. На свете, не без основания считает докладчик, в смертельную схватку, подобно древнегреческим мифическим героям, вступили две силы: геракловы, стремящиеся оторвать человека от земли-почвы, и антеевы, которые неодолимы, пока человек крепко держится почвы-матушки, кормилицы.

В итоге у «философа от почвы» родилось собственное определение почвенного покрова. Стремясь в этих заметках о научном поиске обойти «имманентность», «дискурсивность», «трансцендентность» и прочее, «порхавшее» на «фило-почвософских» чтениях (по выражению одного из участников их, Е. Кретьева), с удовольствием привожу итоговую научную формулу: «Почвенный покров есть органичная совокупность почв земной поверхности, обеспечивающая взаимодействие сил природы в непрерывном процессе воссоздания основы становления и развития жизни – жизни региона, страны, народа, жизни на Земле».

А ведь ранее отмечалось, что почва – это более или менее плодородная земля, место для выращивания полезного злака или овоща. (По Тютчеву: «день, земнородных оживленье»). Однако, напирая в своем «оживленье» единственно на эту чудесную особенность почвы-

самобранки, зная не желая об иных, одно из земнородных с ногами
взгромоздилось на сей «блистательный покров», и

*...меркнет день –
настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благородного покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь:
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами.
И нет преград меж ей и нами...*

Одна надежда: может, еще не ночь впереди? Сумерки ведь, когда белого от черного не отличишь, бывают не только перед наступлением ночной мглы, но и перед рассветом, а? Докладчик В.Т.Воробьев, сам мечется между оптимизмом и пессимизмом, хотя, окинув напоследок взором, что мы уже натворили с благодатным покровом, заключил все ж мрачновато: «Сил хватает только воскликнуть: попытка природы создать Homo sapiens окончилась неудачей!» В философских трудах Э.С. Демиденко докладчик встретил и вполне разделяет в связи с этим такое суждение: «Техносфера, сотворенная человечеством, представляет собой техногенную «опухоль», подобную раковой, на «теле» биосферы».

На чтениях Эдуард Семенович объяснил:

– В мире и в России естественные плодородные, биосферные почвы разрушаются и исчезают в 30 – 35 раз быстрее, чем в доиндустриальную эпоху. Общая площадь деградированных и разрушенных земель, некогда биологически продуктивных, достигла двух миллиардов гектаров, в том числе за последние три столетия техногенного развития разрушено около 0,7 миллиарда, а за последние всего пятьдесят лет – около 0,3 миллиарда гектаров. У человечества осталось еще примерно полтора миллиарда. Но две трети их существенно подорваны, и к концу уже этого века в большинстве регионов мира почвы будут исчерпаны на 70 – 90 процентов. А вместе с деградацией почвенного покрова, я согласен с докладчиком, деградирует и природный, биосферный человек...

Накануне тут же в библиотеке прошла презентация библиографического указателя научных трудов Э.С. Демиденко, вылившаяся в чествование его в связи с семидесятилетием. Тематика свыше двух сотен работ, включая и весьма капитальные, по

философии и социологии, экологии и экософии, по теории современного общественного и социоприродного развития приоткрывают широту интересов ученого, его информированность. И с высоты этой эрудиции Эдуард Семенович заявил на презентации: «Мы строим мир, который убивает нас, обрекает человека природного, биосферного на гибель».

Однако человеку (природному, по крайней мере) присуще, и будучи подвешенным над бездной безымянной, спрашивать после выяснения, кто виноват: а что же делать-то? Все предшествующие почвоведческие чтения, собственно, и были посвящены поискам ответа на этот сакраментальный вопрос. Не стали исключением и восемнадцатые. Только что спасать – покров или человека? Парадоксально, что не кто иной, как «пессимист»-почвовед Г.Т.Воробьев высказал мысль, что спасать надо более слабого – человека, попавшего из-за высокого самомнения в большую беду. Генетическая память почвенного покрова, пережившего и не такие катастрофы, включая не только потери плодородия, но и сами почвы под новыми геологическими напластованиями, будет возрождать покров и в каком уж виде, но продолжит жизнь на планете. А вот во что превратимся мы, деградируя вместе с природным плодородием почв да и всей средой обитания?

Только за последнее тридцатилетие, сообщил Э. Демиденко, иммунная система человека, не поспевая за техногенными переменами среды, ослабла более чем в два раза; растет число мутаций, психических, онкологических и иных «цивилизационных» болезней. Причём с тенденцией их «омоложения». В своих работах он обращает внимание и на то, что все настойчивее заходит речь о возможностях чипизации человека и вообще срастания с техническими устройствами. Ради гераклова могущества, разумеется... В России все усугублено еще и «перестройкой», тоже казавшейся ясной как божий день. Даже урбанизация, стягивание населения в города – умножение потребителя, впереди планеты всей: если в мире горожан в среднем около половины, в России – до 70 процентов! И заключительная часть чтений прошла в дискуссии: чем ответить на техногенный вызов в сумеречных условиях России и чудесной части ее, Брянщины?

Шесть докторов наук – сельскохозяйственных, биологических, философских (лауреат Государственной премии Г.Т. Воробьев, заслуженные деятели науки, профессора из БСХА Е.В. Просянников и Б.С. Лихачев, профессора той же сельхозакадемии С.М. Пакшина, В.А.

Зверев и госуниверситета – А.С.Кононов), молодые коллеги их, кандидаты, обсуждали возможности спасения: нет, не почвенного покрова. Его тоже, но прежде – человека.

– Зарастают лесом брошенные пашни? – говорил Евгений Владимирович Просянкин. – Ну и пусть там, где почвы наименее продуктивны, зарастают, пусть хоть там биосфера переведет дух. Она вернет потом почвы, обогащенные гумусом...

Как тут не вспомнить: в хозяйственный оборот предлагается то, на чем 240 лет назад настаивал известный естествоиспытатель и один из основоположников отечественной агрономии А.Т. Болотов: чтобы «пашни, которые уже выпахались и хлеб худо родят, под заведение новых лесов определены были. Расчищенная и вспаханная она из перелесков земля служила б долгое время вместо навозной и с излишком награждала б тот урон, который от удаления под лес ... произойдет». А есть и встречное мнение современных наших лесоводов (в частности, профессора Брянской инженерно-технологической академии В. Тарасенко): для Брянщины оптимальная лесистость, даже исходя только из соображений охраны и регулирования вод, – до 40 процентов территории. То есть около десяти процентов еще можно «под заведение новых лесов» пустить.

А вот на лучших наших землях, продолжал Е. Просянкин, особенно на Стародубском, Трубчевском, Брянском опольях, агропромышленное производство надо развивать интенсивнее – с максимальным применением достижений биотехнологии. При этом он особо подчеркивает возможности технологий, основанных на вермикультурах (на переработке органических отходов дождевыми червями), вплоть до создания и не существовавших прежде в природе «черветворных» почв – вермиземов.

Тут его суждения и научные наработки прекрасно подпитывают почву давнишней мечты Э. Демиденко о создании экологических агропоселений. Одно из них, где бы испытывались технологии будущего по переработке отходов городов в сельскохозяйственную продукцию, полагает он, целесообразно разместить в относительной близости к Кокино с его сельхозакадемией. Население агрогородка с помощью нескольких десятков ученых и специалистов создало бы искусственные почвы из перерабатываемых отходов поначалу Выгоничей а со временем – и Советского района Брянска. Есть примеры, когда с использованием биотехнологий урожайность пшеницы на

искусственных почвах достигает трехсот, а картофеля – до тысячи центнеров с гектара.

На искусственных... Между тем есть и исторические свидетельства, что древние земледельцы якобы тысячи лет тому назад снимали столько же зерна злаковых, триста центнеров, на почвах самых природных, без глубокой вспашки и, естественно, без химии. Что ж, пожнем свое: покров срывали и глубокой вспашкой, и выжигом, и суперхимизацией. Похоже, и в самом деле человеку техносферному пора готовиться к трудным испытаниям – принимать от биосферного «очуженную» землю, вроде марсианской, куда только фантасты помещали изолированные агропоселения с искусственной почвой. Осваивать «чужую планету», никуда не улетая...

...А за окном читального зала Тютчевской библиотеки уже повевало весной и навевало тютчевские же мотивы:

*Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, –
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!*

И сами чтения завершились неожиданно в тон бодрящего весновоя – сообщением кандидата филологических наук, доцента госуниверситета Натальи Алексеевны Шестаковой о вышедшей недавно книге «Русские Руны». Автор книги действительный член Российской академии наук, председатель комиссии академии по культуре Древней Руси В.А. Чудинов с фактами в руках доказывает, что предки славян владели письменностью... за 24 тысячи лет до святых Кирилла и Мефодия. Сообщение настолько сенсационное, что заслуживает отдельного разговора, хотя оно отнюдь и не за пределами темы почвоведческих чтений. Если доказательства верны, то сколь же могущественной должна быть почва под нами, под страной и народом с такой историей духовной культуры! И ее-то менять на чужую, искусственную?!

Сведения об авторах

Воробьев Григорий Тихонович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, председатель Брянского регионального общества почвоведов.

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Брянского государственного университета, депутат Брянской областной думы, зам. председателя комитета думы по образованию, науке и массовой информации.

Горохов Андрей Владимирович – ассистент кафедры философии Брянского филиала Московского психолого-социального института.

Моисеева Анна Юрьевна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Брянского государственного университета, академик Российской экологической академии и ряда международных, действительный член Международного информационно-экологического парламента, почетный председатель Брянского отделения Российского философского общества (РФО).

Дергачева Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедр «Экономика, организация производства и управление» и «Философия и история» Брянского государственного технического университета, заместитель декана по качеству факультета экономики и управления БГТУ, ученый секретарь Брянского отделения РФО.

Дергачев Константин Владимирович – кандидат технических наук, доцент кафедры информатики и программного обеспечения, декан факультета информационных технологий Брянского государственного технического университета.

Дунин Артем Викторович – военнослужащий, подполковник, аспирант Православного Свято-Тихоновского университета.

Жемоедова Наталья Леонидовна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Жогин Андрей Михайлович – студент финансово-экономического факультета Брянского госуниверситета.

Зюзько Игорь Владимирович – студент Брянского государственного технического университета.

Калитина Софья Владимировна – соискатель кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Лапченко Наталья Николаевна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Лобеева Вера Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Моисеева Анна Юрьевна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Непомнящий Константин Евгеньевич – старший преподаватель кафедры вычислительной техники и информационных технологий Брянского госуниверситета.

Нестик Александр Тимофеевич – видный журналист Брянщины, долгое время работавший в газете «Брянский рабочий», заслуженный работник культуры.

Патракова Алла Владимировна – начальник отдела производственной и маркетинговой деятельности Брянской государственной инженерно-технологической академии, член научно-методического совета по информационным технологиям БГИТА.

Попкова Наталья Владимировна – доктор философских и кандидат технических наук, профессор кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета, председатель Брянского отделения РФО.

Поставнев Владимир Михайлович – проректор Московского университета административного управления.

Свидерский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

Стерникова Евгения Александровна – аспирант по социологии Брянского госуниверситета.

Чувин Сергей Николаевич – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ»

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения **объемом до 0,5 п.л. (20000 знаков)**. К публикации принимаются **научные статьи по проблематике антропосоциального познания**, включая не только социально-гуманитарные, но и любые другие науки, занимающиеся изучением взаимосвязей человека, общества, техники, техносферы, природы и т.п. Статьи публикуются бесплатно.

Для **авторов из других организаций** материалы должны содержать дополнительное письмо-направление организации и экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати.

Статьи представляются **в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на дискете**. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран 16 шрифтом Times New Roman с интервалом 1 и концевыми сносками (14 шрифт), составленными **в алфавитном порядке**. Отдельным файлом должны прилагаться **авторские данные** с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени и ученого звания.

Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия и история». Тел. (4832) 588-267.

Электронные адреса членов редколлегии:

Демиденко Э.С.: esdemidenko@yahoo.com;

Дергачева Е.А.: lena_debusi@yahoo.com;

Попкова Н.В.: popkov@tu-bryansk.ru

Требования к авторскому оригиналу

- Подготовка электронного варианта рукописи
- Формат бумаги – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- Программа – Word, гарнитура – Times.
- Поля – верхнее и нижнее - 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см.

- Справа – инициалы и фамилия автора (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- По центру – название статьи (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- Размер шрифта (кегель) – 16 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 16).
- Межстрочный интервал – одинарный (Формат – Абзац – Междустрочный – Одинарный).
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – 1 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1).
- Выравнивание текста по ширине (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номера страниц – Внизу – По центру).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту (например, «фундаментальные ценности культуры»).
- Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.
- Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смыслоуразличения контекстов, например: Всем обо всём.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – рубрикационные (заголовки, подзаголовки) и смысловые (термины, значимые положения, логические усиления).
- Основные приемы выделений – шрифтовые (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчный) и нешрифтовые (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на использованные источники литературы приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1, с. 27].
- Список литературы** располагается после текста статьи (шрифт 14), нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Список литературы» (шрифт слов «Список литературы» Arial,

жирный, прописные буквы, по центру) и оформляется в алфавитном порядке.

• Литература указывается в соответствии с правилами библиографического описания работ.

СПИСОК ЧЛЕНОВ БРЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Бобровский Антон Евгеньевич, соискатель
2. Бойкова Юлия Михайловна, аспирант
3. Галемина Наталья Владимировна, учитель
4. Горбачев Владимир Григорьевич, к.ф.н., доцент
5. Горин Дмитрий Геннадьевич, д.ф.н.
6. Горохов Андрей Владимирович, аспирант
7. Демиденко Эдуард Семенович, д.ф.н., профессор
8. Дергачева Елена Александровна, к.ф.н., доцент
9. Жемоедова Наталья Леонидовна, аспирант
10. Жогин Андрей Михайлович, студент
11. Золотарев Алексей Вадимович, к.ф.н., доцент
12. Зюзько Игорь Владимирович, студент
13. Исаченко Борис Андреевич, к.ф.н., доцент
14. Калитина Софья Владимировна, соискатель
15. Лапченко Наталья Николаевна, аспирант
16. Лобеева Вера Михайловна, к.ф.н., доцент
17. Мазурова Екатерина Александровна, аспирант
18. Михалев-Волооков Виталий Михайлович, к.ф.н., доцент
19. Моисеева Анна Юрьевна, аспирант
20. Патракова Алла Владимировна, соискатель
21. Пашков Виктор Иванович, аспирант
22. Попкова Наталья Владимировна, д.ф.н., профессор
23. Свидерский Александр Александрович, соискатель
24. Скородумов Владимир Михайлович, соискатель
25. Степанищев Анатолий Федорович, д.ф.н., профессор
26. Стерникова Евгения Алексеевна, аспирант
27. Федоров Сергей Валентинович, студент
28. Филина Светлана Владимировна, студент
29. Чувин Сергей Николаевич, аспирант
30. Шульгина Екатерина Николаевна, студент
31. Шустов Александр Федорович, д.ф.н., профессор

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Сборник статей

Вып. 5

Под общей редакцией доктора философских наук
Э.С. Демиденко

Редактор *О.З. Зрелова*

Компьютерный набор *Е.А. Дергачева, Н.Л. Жемоедова*

Темплан 2007 г., п. 53

Подписано в печать _____ Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. . Уч.-изд.л. . Тираж 140 экз. Заказ № _____

*Брянский государственный технический университет
241035, г. Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 588-249.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Харьковская, 9.*

